
J 26/62
E.5

РУССКІЯ ДРЕВНОСТИ

ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ИСКУССТВА,

ИЗДАВАЕМЫЯ

графомъ **И. ТОЛСТЫМЪ** и **Н. КОНДАКОВЫМЪ**.

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

КУРГАННЫЯ ДРЕВНОСТИ И КЛАДЫ ДОМОНГОЛЬСКАГО ПЕРІОДА.

Съ 225-ю рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1897.

Дозволено цензурою 18 Января 1897 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. Бенке, Новый пер., домъ № 2.

1. Шапка Мономахова.

Жизнь и бытъ древней Руси въ эпоху до нашествія Монголовъ представляютъ картину наиболѣе темную для историка, рисующаго доселѣ внутреннее состояніе русскаго общества въ это время сѣрыми, безжизненными тонами общихъ мѣстъ на темномъ фонѣ примитивнаго варварства. Какъ-бы безмолвное согласіе, установившееся издавна, и общій отказъ отъ надежды найти въ этой жизни какіе-либо важные интересы примиряютъ, въ данномъ случаѣ, между собою всѣхъ теоретиковъ. Изъ нихъ одни довольствуются мнимымъ безличіемъ русской культурной среды, оживленіе которой будто-бы произошло, лишь благодаря боевой, подвижной норманнской дружинѣ, другіе — устанавливаютъ теоретически однообразіе жизни и земледѣльческаго быта на всей восточной европейской равнинѣ, предполагая необыкновенно быстрое сложеніе Русскаго государства, и видятъ, потому, въ самомъ однообразіи быта причину могущественнаго роста націи. Но еще такъ недавно мы совершенно не знали собственно Русскихъ курганныхъ древностей, и даже не болѣе двадцати лѣтъ назадъ принуждены были, для изображенія русскаго быта въ древнѣйшую эпоху, пользоваться однимъ тогда суще-

ствовавшимъ изслѣдованіемъ быта Мерянъ; теперь русскіе музеи наполняются обширными собраніями древностей и отовсюду притекающими находками, ожидающими своихъ изслѣдователей, которые раскроютъ живую картину широко раскинувшейся и разнообразной жизни племенъ, обитавшихъ на обширномъ пространствѣ Европейской Россіи.

Хотя и правда, что древняя русская промышленность, въ общемъ, сосредоточивалась въ обработкѣ естественныхъ богатствъ земли и добываніи произведеній природы, или сырья всякаго вида, однако, этотъ общій земледѣльческій характеръ страны вовсе не исключалъ собою развитія ремеслъ и всякаго рода мастерства. Пусть заводской и фабричной промышленности, въ строгомъ смыслѣ, не существовало въ древнее время, по той простѣйшей причинѣ, что природныя богатства страны были велики, городовъ же было мало, и они носили исключительно характеръ укрѣпленныхъ центровъ, но именно тѣмъ шире развивался мелкій, кустарный промыселъ всякаго рода, рождая въ народѣ ту сметку и навыкъ, которые нигдѣ не составляютъ исключительнаго надѣла племени, а являются лишь результатомъ долгой привычки или культуры. Потребность во всякаго рода производствахъ развивалась всего болѣе отъ соприкосновенія съ разнообразными племенами, населявшими русскія окраины, и если отсутствовала, въ собственномъ смыслѣ слова, торговля и не могло образоваться накопленія богатствъ въ денежныхъ знакахъ, которые продолжали оставаться рѣдкими и высокой цѣны, то изъ этого несправедливо дѣлать выводъ, что потребность въ мастерахъ и ремесленникахъ ограничивалась однимъ высшимъ кругомъ общества. Древняя русская ремесленная промышленность уже потому не имѣетъ сходства съ современною намъ сельскою промышленностью, что была, конечно, гораздо болѣе разнообразна, за отсутствіемъ фабрикъ, и археологія намъ доказываетъ, что эта древняя промышленность стояла гораздо, сравнительно, выше, чѣмъ теперешняя сельская промышленность, сводящаяся за послѣднее время, главнымъ образомъ, къ обработкѣ матеріала для городской мануфактуры. И если совершенно вѣрно, что общее благосостояніе русскаго народа было болѣе удовлетворительно до XV вѣка, чѣмъ въ XVI и XVII, а въ періодъ до-монгольскій стояло гораздо выше, чѣмъ со времени татарскаго нашествія, то очевидно, что это зависѣло не отъ какихъ-либо естественныхъ причинъ, въ родѣ оскудѣнія лѣсовъ звѣрями, а рѣкъ рыбою или уменьшенія урожайности земли. Напротивъ того, причины этого явленія заключались въ постепенномъ стѣсненіи торговли, вслѣдствіе тяжелой борьбы противъ насѣдавшихъ отовсюду враговъ, въ стѣсненіи возможности обмѣниваться своими произведеніями. Вотъ почему, дѣйствительно, въ періодъ монгольскаго владычества или позже, въ XIV и XV вѣкахъ, не замѣтно усовершенствованія промышленныхъ производствъ, а напротивъ, даже въ отношеніи одежды, украшеній и построекъ, легко можно было-бы установить фактъ нѣкотораго пониженія. Это и заставило

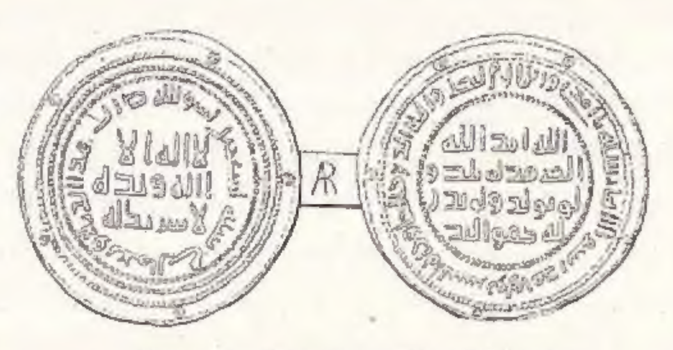
2. Аббасидскій диргемъ 772 года. (Монета, обращавшаяся въ Россіи.)

вновь обратиться къ первональному источнику культуры—Византіи, при первой возможности возобновленія сношеній съ нею. Въ приходѣ заграничныхъ мастеровъ для кладки самыхъ обыкновенныхъ каменныхъ церквей въ этомъ періодѣ слѣдуетъ видѣть скорѣе то-же умаленіе мастерства и ремеслъ, чѣмъ повышеніе ихъ.

Можно-ли, поэтому, принимать безъ должной критики и даже отпора тѣ заключенія о первобытности обычаевъ, нравовъ и быта древней, до-монгольской Руси, которыя наши историки дѣлаютъ, хотя-бы на основаніи нашей начальной лѣтописи?

«Славяне—говоритъ начальный лѣтописецъ—имѣху бо обычая своя и законы отецъ своихъ и преданія, кождо свой норовъ; поляне бо своихъ отецъ обычай имутъ кротокъ и тихъ, и стыдѣніе къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣаху; брачный обычай имяху, не хожаше зять по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху по ней, что вдадуче; а древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски, убиваху другъ друга, ядяху все нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвици; и родимичи и вятичи и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, яко же всякий звѣрь, ядуще все не чисто; срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. И схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская пѣсни, и ту умыкаху жены собѣ, снею же кто съвѣщевашеся; имяху же по двѣ и по три жены; аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику и възложатъ на кладу мертвеца, сожьжаху, и по семь собравше кости, вложаху, въ судину малу и поставяху на столпѣ на путяхъ, еже творять вятичи и нынѣ; си же творяху обычая кривичи, прочи и погании, не вѣдуще закона божія, но творяще сами сѣбѣ законъ, яко же се и при насъ нынѣ половци законъ держать отецъ своихъ кровь проливати и хваляще о сихъ, ядуще мерьтвечину и всю нечистоту, хомѣки и сусолы, поимають мачехи своя, ятрови и ины обычая отецъ своихъ; мы же христеяне, елико земль, иже вѣруютъ въ святую троицу, въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамы единъ».

Эта извѣстная характеристика славянскихъ племенъ начертана нашимъ лѣтописцемъ по принятымъ, со временъ христіанства, взглядамъ: осуждены язычники, благословляются христіане, за добрые нравы и за добрую жизнь, и и несомнѣнно, что выраженные здѣсь взгляды отвѣчаютъ, до извѣстной степени, реальности, бытовымъ чертамъ характера различныхъ племенъ. Но добрые нравы и чистые обычаи не тождественны съ культурою народа, которая и въ языческомъ періодѣ, по различнымъ причинамъ, могла стоять высоко, и если культура, дѣйствительно, выгодно отличала Полянъ, имѣвшихъ кроткій обычай, то, на основаніи «дикихъ» точнѣе, по нашему — языческихъ или, что тоже, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова —

3. Диргемъ Умейадскій, 708 года.

«народныхъ, національныхъ» обычаевъ Древлянъ и особенно Кривичей (напримѣръ Новгородскихъ или Смоленскихъ), нельзя заключать о «примитивномъ» образѣ жизни славянскихъ племенъ. Иначе получаются явныя противорѣчія. Такъ, если изслѣдованіе о промыслахъ древней Руси начивать съ извѣстія лѣтописи, что наши предки въ языческую эпоху жили въ лѣсахъ, что Кій съ братьями ловилъ звѣрей въ лѣсахъ днѣпровскихъ, то, рядомъ съ этимъ, таже лѣтопись сообщитъ намъ о ловахъ княжескихъ, совершавшихся въ разграниченныхъ, заповѣдныхъ лѣсахъ, что будетъ совершенно несовмѣстимо съ какою-либо примитивностью. Княжьи дворы Святослава, Ольговичей, Юрія Долгорукаго хорошо знали «пардуса» — леопарда, рѣдкаго барса, которыхъ получали, конечно, изъ Византіи или съ Востока, для высшей любительской охоты на звѣрей и животныхъ: охота съ дрессированнымъ барсомъ представлена на фрескахъ лѣстницы Кіевской Софіи, а изъ византійскихъ церемоніаловъ узнаемъ о существованіи при дворахъ особыхъ охотниковъ съ учеными барсами. Что касается спеціальныхъ промысловъ дорогими мѣхами, то, какъ извѣстно, они составляли и въ древности удѣлъ только нѣкоторыхъ опредѣленныхъ мѣстностей, какъ рыболовство, бортничество, скотоводство и другія формы пользованія естественными богатствами природы. Напротивъ того, земледѣліе, видимо распространялось съ самимъ славянскимъ населеніемъ, какъ его основное занятіе, даже въ лѣсной глуши Древлянъ и болотахъ Дреговичей: колонизація, вызовъ или насильственный приводъ рабочихъ рукъ вызывается всякимъ завоеваніемъ съ цѣлью обработки земли; земель было до XVI вѣка еще такъ много свободныхъ и непочатыхъ, что почва нигдѣ не удобрялась.

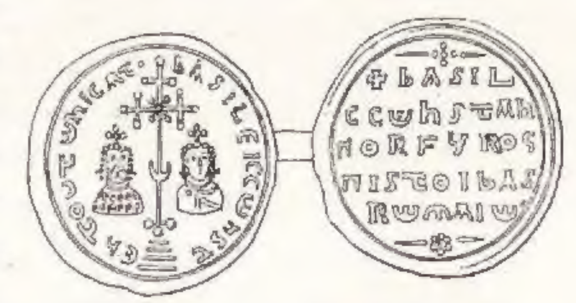

4. Норманнское подражаніе диргема.

Особенно важно, что вся масса древностей, открытыхъ и открываемыхъ вновь, обыкновенно совершенно случайно, вслѣдствіе мѣстныхъ показаній, вслѣдствіе необходимости разслѣдовать могильникъ, или размытый весенними дождями, или обнаруженный находчиками, уже теперь, при множествѣ всякаго рода пробѣловъ, если и не укладывается въ связную систему, о чемъ пока невозможно и помышлять, то все-же поражаетъ наблюдателя своею видимою цѣльностью, своимъ ощутимымъ единствомъ. Мы должны выдѣлить изъ этой массы разсмотрѣнныя нами уже древности Южной Россіи, какъ эпохи до Рождества Христова, такъ и временъ переселенія народовъ, слѣдовательно, все, найденное въ мѣстностяхъ предгорій Кавказа, Крыма, береговъ Дона и частію Волги въ нижнемъ ея теченіи, а также и степей малорусской и новороссійской окраины. За исключеніемъ всѣхъ этихъ мѣстностей, область русскихъ древностей представитъ намъ вообще періодъ отъ VI по XII столѣтіе включительно, при чемъ, какъ увидимъ, едва-ли не главное богатство открываемыхъ находокъ придется на IX—XI вѣка, т. е. на главную эпоху разселенія и распространенія русскихъ Славянъ, по всему пространству Европейской Россіи, отъ Балтійскаго поморья до Крыма и горъ Кавказа, въ связи съ совершавшимся тогда образованіемъ русскаго общества и распространеніемъ русскаго государства.

Задолго до памяти исторіи область западной Двины получила славянское

населеніе и пріобрѣла торговый центръ въ Новгородѣ, получившемъ значеніе посредника между Россіею и западной Европою. Но если мы выдѣлимъ изъ сѣверо-западныхъ древностей тотъ отдѣлъ, правда, довольно обильный и разнообразный, который приходится на эту древнѣйшую эпоху, то основная и главная ихъ масса примкнетъ настолько тѣсно къ обще-русскимъ древностямъ, что не разъ приходится указывать на сходство предметовъ, на тождество техники и формъ, напримѣръ, серегъ, находимыхъ въ Казани и Калишѣ, подвѣсокъ и украшеній Люцинскаго и Тамбовскаго могильниковъ, на одинаковое обиліе серебряныхъ гривенъ въ находкахъ Витебской и Виленской губерній, съ одной стороны, и Вятской, съ другой. Для археолога становится очевиднымъ, что если великій водный путь начинался именно въ Новгородской области, по Волхову и Ильменю, по Ловати и пр., то это былъ не болѣе, какъ путь торговый и путь дружинъ, собственно путь изъ Варягъ въ Греки; хотя на этомъ пути мы встрѣчаемъ замѣчательные могильники (напр. въ Гнѣздовѣ, Смоленской губерніи), но не по этому пути шло главное движеніе славянскихъ племенъ. Предѣлами Новгородской области являются волоки между системами рѣкъ Западной Двины, Днѣпра и Волги. Но именно къ Востоку и Юго-Востоку, по преимуществу, славянское племя начало спускаться, переходя волоки и выселяясь на другія рѣчныя системы, прежде всего, по причинѣ незначительности земледѣльческаго населенія верховьевъ Волги, въ мѣстностяхъ Торжка, Волока Ламскаго и Бѣжецка, откуда Новгородскія колоніи, какъ извѣстно, расходились далеко по Волгѣ, до Уральскаго хребта, по Сѣверной Двинѣ и въ Чудь «Заволоцкую». Новгородская область, по характеру климата и почвы, дѣлится на двѣ половины: сѣверо-восточную и юго-западную; первая болотиста и лѣсиста, низменна и была занята тогда, какъ отчасти и теперь, финскимъ племенемъ, древности котораго въ такъ-называемой Вотской Пятинѣ и сосѣднихъ частяхъ намъ хорошо извѣстны (уѣзды: Петергофскій, Царскосельскій, Ямбургскій, Гдовскій); вторая выше, плодороднѣе, была занята славянами; своего хлѣба имъ, однако, никогда не хватало, а потому область была всегда въ зависимости отъ низовой земли по подвозу зерна, а по торговлѣ отъ Востока. Если къ этому присоединимъ особую группу древностей южнаго приладожья и скрещиваніе культуры скандинавской, притекавшей съ сѣвера, то станетъ понятно обиліе и разнообразіе такъ называемыхъ культурныхъ вліяній въ области Ильменскихъ Славянъ и Кривичей, въ этомъ сѣверо-западномъ углу древней Руси, врядъ-ли въ чемъ уступающихъ, въ этомъ отношеніи, югу. Для сосѣдней съ Новгородомъ Двинской области, впослѣдствіе Полоцкаго княжества, особенно характернымъ представляется Люцинскій могильникъ и тѣсныя связи его формъ съ восточными или поволжскими могильниками: бѣдность природы неплодороднаго Полоцкаго княжества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удобства сообщенія съ моремъ и востокомъ вызвали здѣсь своего рода транзитный путь заморской русской торговли. Древности Люцинскаго могильника

5. Серебряная монета Василія II и Константина XI (зятевей Св. Владиміра) 976—1025 г.

еще можно, съ извѣстною долею вѣроятности, приписывать смѣшанному славянскому населенію, тогда какъ Невельскій кладъ, по своему сходству, почти тождеству, съ Гнѣздовскимъ могильникомъ (Смоленскаго уѣзда) указываетъ уже на торговые и военные пути варяжскихъ и славянскихъ дружинъ. Эти пути умножаются къ югу по Днѣпру и его притокамъ: раскопки въ землѣ Дреговичей обнаружили древнія поселенія: по Березинѣ, въ уѣздахъ Борисовскомъ, Бобруйскомъ, по Днѣпру въ Быховскомъ, Рогачевскомъ и Рѣчицкомъ, по Сожу въ Мстиславскомъ и Климовичскомъ. На лѣвомъ берегу Днѣпра, въ землѣ Сѣверской, по Деснѣ, и въ землѣ Радимичей, по р. Сожу, въ уѣздахъ Стародубскомъ, Суражскомъ и Новозыбковскомъ, находки въ курганахъ и могильникахъ отличаются замѣчательнымъ сходствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно находкамъ въ землѣ Древлянъ, въ Мозырскомъ уѣздѣ, по Припети и пр., также и бѣдностью и крайнимъ однообразіемъ. При всей характерности древностей Сѣверянъ и Древлянъ, нельзя не отмѣтить этой скудости, которая, очевидно, столько-же зависитъ отъ бѣдности лѣсистаго края, сколько отъ отсутствія торговли и поздняго разселенія, совпавшаго съ распространеніемъ христіанства.

6. Норманнская копія монеты Василія и Константина.

Кіевская область или собственная Русь была издревле самою богатою мѣстностью изъ всѣхъ восточно-славянскихъ земель, какъ плодородіемъ, такъ и торговлею, которая велась по Днѣпру съ Византіею и верхними землями. Поэтому, какъ увидимъ, Кіевъ есть пунктъ самыхъ обильныхъ и драгоцѣнныхъ находокъ, притомъ древнѣйшей эпохи, напр. уже VII вѣка, и кіевскія древности представляютъ по преимуществу воспроизведеніе византійскихъ образцовъ, предметовъ и формъ, такъ что могли бы составить отдѣлъ «русско-византійскихъ» древностей. Съ другой стороны, Кіевская земля была всегда пограничнымъ, военнымъ поселеніемъ, близкимъ къ степи, къ кочевью, и потому, послѣ обильныхъ находокъ въ собственномъ Кіевѣ, мы встрѣчаемся съ сравнительно бѣдными находками въ его окрестностяхъ, Каневскомъ и Черкасскомъ уѣздахъ, а по другой сторонѣ — въ Переяславскомъ; затѣмъ южнѣе находокъ русскихъ древностей IX — XI вѣковъ уже не встрѣчается, такъ какъ тамъ начиналась мѣстность, мѣнявшая своихъ жителей съ каждымъ временемъ года, земля разныхъ кочевниковъ, Торковъ, Печенѣговъ, Половцевъ и Татаръ.

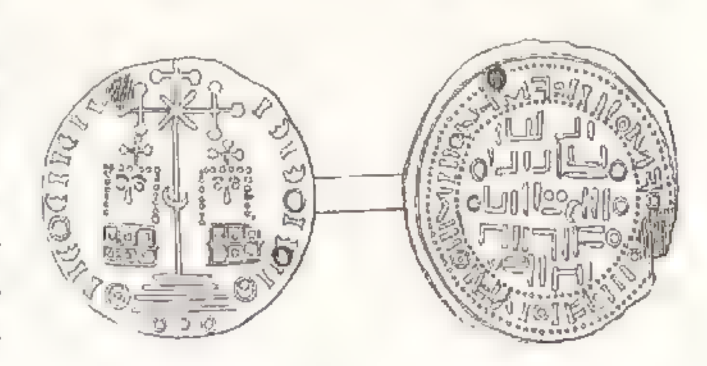
Различить древности отдѣльныхъ кочевыхъ народовъ въ курганныхъ находкахъ южной Россіи мы доселѣ не въ состояніи, хотя, согласно показаніямъ Рубруквиса, можемъ относить къ Половцамъ извѣстныхъ каменныхъ бабъ, ставившихся ими на вершинахъ кургановъ, а потому должны были бы приписывать половецкое происхожденіе многимъ курганнымъ линіямъ и группамъ юга, равно какъ и нѣкоторымъ, особенно выдающимся по своей оригинальности находкамъ (серьгамъ со звѣздчатыми бусами большаго размѣра), встрѣченнымъ одновременно въ Ставропольской и Каменецъ-Подольской губерніяхъ.

Что особенно любопытно, граница однородныхъ археологическихъ находокъ идетъ приблизительно отъ Кременчуга наискось къ Харькову, Воронежу и Тамбову, отрѣзывая въ одну сторону издревле земледѣльческую область отъ степ-

ной, отъ кочевья, и, равнымъ образомъ, мѣстность съ большею населенностью отъ слабонаселенной даже въ настоящее время юговосточной окраины. Характерно и то, что Донская область, игравшая такую видную роль въ исторіи переселенія народовъ въ первыхъ вѣкахъ христіанской эры, извѣстна и въ археологіи этого періода блестящими находками золотыхъ конскихъ и личныхъ уборовъ съ гранатами, тогда какъ въ кіевскій періодъ она остается совершенно покрытою историческимъ мракомъ, ничѣмъ доселѣ не заявивъ своего прошлаго въ находкахъ, какъ будто густыя толпы кочевниковъ, приходившія на берега Дона, ничего по себѣ не оставляли въ степяхъ.

Въ предѣлахъ земледѣльческой полосы мы можемъ отмѣтить двѣ области: Муромо-Рязанскую (губ.: Рязанская, часть Тамбовской и Владимірской до Мурома)—бывшую землю Вятичей и поселенія инородческія, частію занятыя славянами, и землю Владиміро-Суздальскую (губ.: Московская, Владимірская, Нижегородская, Ярославская и Костромская), бывшую Ростовскую область при самомъ началѣ образованія русскаго государства, вѣтвь славянства Новгородскаго. Въ первой области встрѣчаются поселенія по р. Окѣ и ея притокамъ: Цнѣ и др.; во второй—область верхней Волги отъ Рыбинска до Казани (до Камскихъ или Волжскихъ Болгаръ), стало быть, въ первомъ случаѣ—область сначала славянскихъ поселеній, а затѣмъ смѣшанныхъ съ инородческими, а во второмъ—поволжскія славянскія поселенія среди сплошнаго инородческаго племени. Промежуточными мѣстностями являются, съ одной стороны, Курская область, часть Сѣверской земли, примыкающая, по своимъ находкамъ, къ Черниговской области, а съ другой Тверское княжество, примыкающее къ Новгородской области.

Древности бассейна Оки представляютъ слой наиболѣе ранній, причемъ ихъ основной восточный типъ несомнѣненъ, и потому для насъ является весьма важнымъ то обстоятельство, что этотъ восточный типъ усиливается, его элементы, видимо, умножаются внизъ по теченію Оки, вмѣстѣ съ умноженіемъ инородческихъ поселеній. Находки Орловскаго, Чернскаго, Болховскаго, Бѣлевскаго, Лихвинскаго и Епифаньскаго уѣздовъ носятъ на себѣ характеръ болѣе славянскій, а замѣчательные предметы, украшенные эмалями, изъ Мощинскаго Городца, въ Масальскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, примыкаютъ къ древностямъ сѣверозападнаго и частію югозападнаго края; чисторусскій характеръ имѣютъ, весьма понятно, почему, находки на мѣстѣ Старой Рязани. Собственно восточный характеръ становится ясенъ въ находкахъ Касимовскихъ и Муромскихъ: изъ послѣднихъ Курманскій могильникъ представляется наиболѣе замѣчательнымъ по соотвѣтствію съ могильниками въ области, нѣкогда занятой Буртасами (Мордвою), и нынѣ еще не вполнѣ очистившейся отъ инородческаго элемента: таковы могильники Лядинскій въ Тамбовскомъ и Томниковскій въ Шацкомъ уѣздахъ. Этого типа древности имѣютъ

7. Норманнская копія: съ лиц. ст. — монеты Василія и Константина; съ об. — диргема.

явное родство съ поволжскими, открываемыми въ послѣднее время въ Балахнѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Макарьевскомъ уѣздѣ, въ Спасскѣ — мѣстности древней столицы Волжскихъ Булгаръ, Сенгилеевскомъ и Сызранскомъ уѣздахъ. Переходъ къ нимъ представляютъ древности, открытыя на среднемъ теченіи Волги, въ Ярославской и Костромской губерніяхъ. Благодаря своему положенію, хорошо стала извѣстна и промежуточная московская группа; понятно отсутствіе въ Московской губерніи какихъ-либо находокъ русско-византійскаго типа, и наоборотъ, ихъ сравнительное обиліе во Владимірѣ, Рязани и Тулѣ. Въ сторонѣ отъ этихъ группъ стоитъ обширный Пермскій край, древности котораго, при всей своей самобытности и оригинальности, связаны, какъ и сама Кама, съ Волгою и поволжскими центрами.

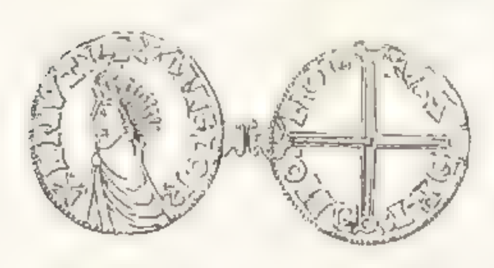
Итакъ, то единство, тѣ тѣсныя связи по формамъ бытовымъ и художественнымъ, которыя мы наблюдаемъ въ русскихъ древностяхъ до-монгольскаго періода, обязаны славянскому элементу, который своимъ разселеніемъ, разлитіемъ по всей странѣ, а также распространеніемъ по русской равнинѣ земледѣльческой культуры, а съ нею и матеріальнаго благосостоянія и гражданской общественной жизни, создалъ это единство, слилъ всю массу разнообразнаго инородческаго населенія въ одно цѣлое. Вотъ почему въ настоящее время невозможно было-бы установить принадлежность той или другой группы древностей славянамъ или опредѣленному инородческому племени. Если даже Волжскіе Булгары, по свидѣтельству арабскихъ писателей, считали себя сами племенемъ, смѣшаннымъ изъ Булгаръ и Славянъ, то что сказать напр. о такъ называемыхъ «мерянскихъ древностяхъ»? Несомнѣнно, съ одной стороны, что въ основномъ типѣ этихъ древностей должны заключаться специфическія черты мерянской культуры, ихъ быта, сложившагося задолго до прихода Славянъ въ Россію и появленія ихъ въ Ростовской землѣ. Съ другой, если мы вспомнимъ, насколько скудною является финская культура, когда она лишена воздѣйствія на нее болѣе состоятельной и развитой среды, и какое множество предметовъ и формъ, встрѣчаемыхъ въ мерянскихъ древностяхъ, отъ всякихъ украшеній до христіанскихъ тѣльниковъ, служившихъ тоже украшеніями ожерелій, или было явно заимствовано отъ Славянъ, скандинавовъ, усвоено черезъ посредство восточной торговли, или составляетъ жалкое, съ трудомъ узнаваемое подражаніе въ мѣди предметамъ изъ серебра, то легко признаемъ постоянное присутствіе славянскаго элемента въ этихъ мнимыхъ «мерянскихъ» курганахъ. Только въ тѣхъ группахъ, гдѣ есть крайнее обиліе, почти излишество, дикое и варварское, тяжелыхъ мѣдныхъ украшеній, обвивающихъ голову, косы, уши, покрывающихъ шею и грудь, поясъ и даже полы кафтана, гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчается, на протяженіи всего могильника, стало-быть и длиннаго періода времени, особое упорство, своего рода рабство въ повтореніи все одного и того-же образца, гдѣ самая форма отличается крайнимъ преувеличеніемъ и своего рода матеріализмомъ, гдѣ не видно художественной мысли, только тамъ мы можемъ съ увѣренностью говорить о принадлежности вещей Муромѣ, Черемисамъ, Мордвѣ, на Окѣ, и Мерянамъ — на Ростовскомъ и Клещинѣ озерѣ.

Но наблюдаемое нами единство русскихъ древностей не составляетъ однообразія, а потому слѣдуетъ считать, что разныя формы, вообще различныя куль-

туры существовали одновременно, какъ существуютъ онѣ и теперь, но только взаимно соприкасаясь одна съ другою или обмѣниваясь взаимно предметами быта и искусства. Отсюда, если мы встрѣчаемъ разомъ на Зап. Двинѣ и на Волгѣ совершенно одинаковыя вещи, мы не можемъ еще заключать изъ этого, что онѣ современны, такъ какъ въ одной мѣстности формы быта и вещей мѣняются быстро, въ другой, разъ попавши со стороны, задерживаются надолго. Такъ бываетъ и теперь, при нивеллирующихъ все условіяхъ современной промышленности и теперешнихъ путяхъ сообщенія, но такъ было особенно въ древности, когда вѣковой обычай, передача вещей по наслѣдству изъ рода въ родъ, косность жизни и исконная вражда, какъ основа международныхъ отношеній, закрѣпощали въ извѣстномъ племени явленія быта и художественный вкусъ на многія столѣтія. Все это имѣетъ особенную силу по отношенію къ финскимъ и тюркскимъ народностямъ, занимавшимъ двѣ трети Европейской Россіи, и только необычайная подвижность, предпріимчивость, равнодушіе къ перемѣнамъ и утратамъ и высокія дарованія, присущія славянскому племени, могли оживить эту мертвую среду къ жизни и прогрессу. Но все это должно быть принимаемо въ связи съ мѣстными, столь разнообразными, условіями жизни на великой равнинѣ, которыхъ мы, однако, не будемъ еще долго знать, а потому и должно смотрѣть на археологію русскихъ древностей, какъ на такого рода научную область, гдѣ все представляется въ крайней неполнотѣ, скорѣе даже—отрывочности, а многое должно оставаться проблематичнымъ или и вовсе неизвѣстнымъ, и гдѣ, поэтому, не можетъ быть пока точныхъ опредѣленій времени и мѣста происхожденія предметовъ и формъ. Если мы встрѣчаемъ извѣстную намъ поволжскую вещь на западѣ, то мы еще въ правѣ считать ее указателемъ эпохи, коль скоро мы точно знаемъ время ея появленія на Волгѣ и коль скоро она на западѣ находится въ немногихъ экземплярахъ, и то это будетъ лишь указателемъ времени *послѣ* того, какъ вещь появилась на Волгѣ. Но если та-же самая вещь повторена во множествѣ экземпляровъ, мы должны предполагать уже мѣстное ея производство, но утверждать одновременность ея изготовленія, быть можетъ, значило-бы ошибиться на цѣлое столѣтіе.

Русскія художественно-бытовыя древности древнѣйшаго, до-монгольскаго періода, времени сложенія русскаго государства, устройства русскаго народа на житье въ предѣлахъ средней Россіи и всего приднѣпровья, съ обширными инородческими окраинами, рано вошедшими въ составъ государства на Западѣ, Сѣверѣ и Востокѣ, составляютъ уже нынѣ, т. е. на первыхъ порахъ развитія русской археологіи, обширную, съ трудомъ обозримую, едва угадываемую во всемъ своемъ объемѣ среду. Разнообразіе этой среды, охватывающей находки отъ береговъ Вислы до Волги и отъ Ладоги до Крыма, соотвѣтствуетъ ея особому историческому значенію: въ русскихъ древностяхъ какъ-бы залегла вся глубина вѣковой русской народной старины, совмѣстившей въ себѣ преданія и формы тысячелѣтней жизни среди культурнаго Востока и Запада, среди своеобразія инородческихъ племенъ, нашествій необозримыхъ кочевыхъ полчищъ, среди походовъ на берега Каспійскаго и Чернаго морей, въ Византію и Болгарію. Вмѣстѣ съ переходомъ на Русь различныхъ промысловъ и производствъ Востока и Византіи, въ ней рано

появилась и народная переработка этого культурнаго наслѣдія; великокняжескій періодъ, темный по отсутствію или скудости историческихъ свидѣтельствъ, есть время широкаго распространенія всякихъ промысловъ, отличавшихъ земледѣльческихъ Славянъ отъ звѣролова Финна и кочевника Печенѣга. Памятники этихъ народныхъ производствъ находятся столько-же въ курганахъ и могильникахъ, сколько въ кладахъ, находимыхъ въ глубокихъ насыпяхъ городищъ и въ насыщенной древностями почвѣ Кіева, Новгорода, Рязани и Владиміра, а потому связаны съ различными сторонами народнаго быта, вѣрованій, погребальныхъ обрядовъ. Научное, историческое изученіе этихъ безчисленныхъ мелкихъ памятниковъ заключается въ изслѣдованіи художественныхъ типовъ, формъ, исторіи ихъ образованія и развитія, въ связи съ бытовымъ и религіознымъ назначеніемъ каждаго типа и предмета, торговыми отношеніями и культурными вліяніями.

8. Монета конунга Канута Великаго.

Всѣ заключенія историковъ о примитивномъ бытѣ русскихъ Славянъ въ эпоху основанія ими государства сдѣланы на основаніи буквально понятой морали начальнаго лѣтописца и, явно, грѣшатъ противъ всѣхъ свидѣтельствъ археологіи.

Теперь легко доказать, что самыя утонченныя художественныя производства существовали въ Кіевѣ (какъ напр. перегородчатая эмаль по золоту), что ими занимались русскіе мастера, и притомъ въ широкихъ размѣрахъ, что мастера эти распространили свои производства въ Рязань, Суздаль, а, слѣдовательно, находка византійскаго стиля вовсе не представляетъ собою, какъ думали еще очень недавно, греческаго заноса, но, напротивъ, памятникъ мѣстной работы въ хорошо усвоенномъ пóшибѣ, и притомъ вещь съ опредѣленнымъ назначеніемъ, съ понятною для владѣльца орнаментаціею и для него лично важнымъ смысломъ. Словомъ, изслѣдованіе о вещественныхъ древностяхъ слѣдуетъ поставить на почву анализа художественныхъ формъ въ ихъ историческомъ развитіи, выставить вопросъ о стилѣ предметовъ, ихъ группировкѣ съ этой стороны, о типахъ и ихъ происхожденіи, достигая общаго обозрѣнія предметовъ съ точки зрѣнія бытовой, торговой, сословно-гражданской, религіозной, а также художественной, вводя предметы русской древности въ общую науку исторіи искусства.

Художественный анализъ русскихъ древностей обнаруживаетъ въ нихъ, каждый разъ, опредѣленный типъ или характеръ: крошечная застежка на легкой ткани соотвѣтствуетъ легкимъ украшеніямъ, и притомъ, эта застежка украшена насѣчкою, чернью, наколомъ, тогда какъ вещи другого могильника, исполненныя отливкою, не украшаются рѣзьбою и чеканомъ, и соотвѣтствуютъ тяжелымъ грубымъ тканямъ. Всѣ вещи принадлежатъ тому или другому историческому стилю, *въ собственно-русскихъ древностяхъ нѣтъ вещей такъ называемаго примитивнаго характера.*

Ниже, при разборѣ отдѣльныхъ предметовъ личнаго убора, подробнѣе указывается историческое происхожденіе ихъ и художественныхъ типовъ, въ которыхъ они являются въ средѣ русскихъ древностей; здѣсь представляются кратко немногіе примѣры, въ доказательство того, что въ этой средѣ нѣтъ вовсе

примитивныхъ типовъ и формъ, хотя бы самые предметы, какъ ожерелья, браслеты, ручныя кольца и существовали нѣкогда въ первобытной древности. Какъ въ современныхъ уборахъ мы застаемъ опредѣленный историческій типъ, несмотря на свою крайнюю сложность, носящій своеобразную физіономію, мѣняющуюся иногда съ каждою четвертью вѣка, такъ и для русской древности VIII — IX, X — XI, XII — XIII столѣтій мы можемъ теперь различить три особые типа, которые, господствуя въ данное время въ опредѣленномъ районѣ, распространяются затѣмъ шире, сливаются съ позднѣйшими или составляютъ характерную примѣсь въ чуждой имъ мѣстности. И по вещамъ въ отдѣльности, всякій разъ, какъ онѣ содержатъ въ себѣ типъ, вполнѣ ясный, выработанный и не затемненный перемѣнами, мы различаемъ художественный стиль, а потому для каждой серіи древностей, напр. для головныхъ уборовъ, ожерелій, гривенъ, браслетовъ и пр., можно со временемъ подобрать историческіе источники и въ происхожденіи отъ другихъ культурныхъ народовъ указать смыслъ и значеніе каждаго отдѣла украшеній.

9. Монета Олафа Святаго, Гаральдсона.

Въ самую раннюю пору даннаго періода русскихъ древностей мы видимъ господство восточнаго вліянія, прежде всего приносимаго самими передвигающимися племенами, а затѣмъ, черезъ посредство завязанныхъ ими торговыхъ сношеній, передаваемаго изъ Средней Азіи, Кавказа, Персіи и Малой Азіи; мы наблюдаемъ этотъ греко-восточный стиль на различныхъ видахъ пряжекъ, подвѣсокъ, погремушекъ, лунницъ, витыхъ гривенъ, бусъ, діадемъ, на головныхъ уборахъ бронзовыми спиралями, а также въ осо́бомъ видѣ серегъ съ подвѣсною бусиною и пр. Ближайшею характеристикою этого вліянія должно служить сходство между древностями Кавказа (см. III вып. *Рус. Древн.*), относящимися къ первымъ шести столѣтіямъ послѣ Р. Х., и древностями бассейновъ Волги и Оки, начиная отъ древнѣйшихъ VI—VIII вѣковъ, до временъ Сарая включительно, находки котораго чрезвычайно близки по типамъ къ вещамъ кавказскихъ некрополей. Главная роль въ передачѣ восточныхъ типовъ и формъ этого стиля принадлежала кочевникамъ, а усвоеніе сосредоточилось и дольше продержалось у финскихъ племенъ и тюркскихъ инородцевъ восточной и сѣверо-восточной половины Европейской Россіи. Лучшимъ примѣромъ могутъ служить тамбовскіе и рязанскіе могильники. Находимыя въ этихъ могильникахъ одежды оказываются съ широкими коймами изъ пурпурной бахромы, иногда прикрѣпляемой рядами колечекъ, заимствованныхъ, вмѣстѣ съ тканью, отъ одеждъ и облаченій Сиріи, существовавшими нѣкогда въ Ассиріи и переданными въ славянскомъ переводѣ Евангелія неправильнымъ, но характернымъ именемъ «воскрыліи» (умножаемыхъ фарисеями). Какъ это ни кажется странно на первый взглядъ, но даже современныя мордовскія сорочки съ парою круглыхъ темно-коричневыхъ нашивокъ (вѣрнѣе, *вошвъ*) на плечахъ, даже съ ихъ рисунками, цѣликомъ и непосредственно происходятъ отъ сиро-египетскихъ, такъ называемыхъ Коптскихъ тканей, нынѣ составляющихъ важный отдѣлъ греко-восточнаго искусства.

Но, затѣмъ, вмѣстѣ съ славянами, двигавшимися съ Запада на Востокъ, переносится и западно-славянская культура, которая, однако, быстро сливается уже въ западномъ краѣ съ финскою и сообщаетъ ей свои вещи, получая, въ тоже время, какъ-бы въ обмѣнъ, издѣлія восточныя: это — причина, почему могильникъ Люцинскій сходится съ Тамбовскимъ, и почему напр. въ томъ и другомъ появляются треугольныя рѣшетчатыя фибулы съ подвѣсками, о которыхъ мы скажемъ ниже. Что при этомъ появляются въ обращеніи у Новгородскихъ славянъ, у Древлянъ и пр. нѣкоторыя издѣлія сѣвернаго края, спеціально свойственныя скандинавскому сѣверу, напр. чашечныя фибулы, нѣкоторыя вещи съ особыми, сложными рѣзными узорами, это обстоятельство понятно, какъ результатъ торговли скандинавовъ по Днѣпру и Волгѣ до Чернаго и Каспійскаго морей. Но въ появленіи двухъ-трехъ видовъ вещей скандинавскаго типа нельзя усматривать собственно скандинавскаго вліянія, и варяжскіе пришельцы находятъ въ Кіевѣ гораздо высшую, болѣе богатую и разнообразную культуру, чѣмъ та, которую они могли-бы найти у себя дома; словомъ, Варяги потянулись въ свое время къ Кіеву по тѣмъ-же причинамъ, по какимъ они въ тоже время двигались въ богатую и культурную Сицилію. Примѣсь скандинавскихъ вещей ограничивается, во 1-хъ, немногими мѣстностями: по Днѣпру, Вислѣ, на финскомъ сѣверѣ, у Мерянъ и, во 2-хъ, весьма немногими видами и лишь нѣсколькими ихъ экземплярами. Но скандинавская археологія организовалась ранѣе другихъ — правда, весьма односторонне и ложно, и ранѣе опубликовала запасъ древностей своихъ собственныхъ и чужихъ, у себя найденныхъ; поэтому, именемъ «скандинавскаго» стиля названы были многія вещи въ русскихъ древностяхъ, ничего не имѣвшихъ общаго съ варяжскими. За то славянскія древности западной Россіи и частію средней имѣютъ тѣсныя связи съ древностями придунайскими, особенно Венгріи, древности которой стали извѣстны, тогда какъ родственная археологія Сербіи, Болгаріи и Румыніи представлена пока лишь нѣсколькими случайными находками. Можно думать, что именно отсюда явились въ русскихъ древностяхъ фибулы въ формѣ арбалета и другія фибулы римскихъ формъ, гривны въ видѣ гладкихъ обручей, массивныя браслеты съ рисункомъ вѣнка, височныя кольца съ ромбоидальными щитками, перстни, франкскіе мечи и пр. Укажемъ, какъ на характерный примѣръ, на одновременное существованіе въ Люцинскомъ и Тамбовскомъ могильникахъ особаго вида плечевыхъ подвѣсокъ, идущихъ отъ римско-византійской фибулы въ видѣ рѣшетчатаго треугольника съ подвижными кистями и цѣпочками (см. ниже).

Въ настоящее время, когда мы не различаемъ, по незначительности матеріала, племенныхъ особенностей въ различныхъ могильникахъ и даже курганы разныхъ мѣстностей можемъ относить къ опредѣленному народу или племени только гадательно, мы не можемъ ни поднимать вопроса о томъ, какую именно культуру принесли съ собою Славяне въ предѣлы Россіи, ни угадывать, гдѣ и что Славяне заимствовали отъ Финновъ. Мы видимъ, правда, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ у Сѣверянъ, Древлянъ особое характерное оскудѣніе: словно потокъ вещей, откуда-то прежде шедшихъ, сталъ мелѣть, украшенія стали принимать характеръ какъ-бы служебный, сокращаться въ схему: перстни, серьги, браслеты,

даже гривны и пряжки дѣлаются изъ простой проволоки, безъ всякой примѣси художественнаго элемента, хотя-бы въ видѣ нацѣпленной бусы. И при сравненіи такихъ могильниковъ съ финскими, полными тяжелыхъ, грубо-массивныхъ подвѣсокъ, грузныхъ шумящихъ погремушекъ, невольно получается впечатлѣніе въ пользу послѣднихъ. Пусть, быть можетъ, у Славянскаго племени, такъ оскудѣвшаго въ своемъ быту, за это время широко развивалась гражданственность, ходко шла политическая жизнь, даже пріобрѣталась новая нравственная жизнь черезъ христіанство, все-же эта скудность какъ-бы указываетъ на племя, еще движущееся, все ищущее новыхъ мѣстъ, ради матеріальныхъ улучшеній въ своемъ положеніи, и отъ того еще болѣе обѣднѣвшее.

Важное обстоятельство представляется отсутствіемъ въ русскихъ древностяхъ вліянія орнаментаціи, нынѣ называемой «Готскою»: мы не находимъ ни самихъ инкрустацій, ни ихъ подражанія, ни звѣриныхъ орнаментовъ, которые мы встрѣчаемъ на массѣ поясныхъ бляхъ Венгріи, а также въ древностяхъ Ломбардіи. Золотыя бляхи (Вып. III) изъ сибирскихъ находокъ, кавказскія древности и находки земли Войска Донскаго получаютъ продолженіе черезъ Венгрію въ Италіи, Германіи, Франціи, Англіи и Скандинавіи, какъ первая форма «звѣринаго» стиля, но не въ русскихъ древностяхъ: какъ будто вся эта характерная орнаментація была пронесена мимо и не дала отпрысковъ на сѣверъ отъ Кіева.

Но въ древностяхъ Перми, Кавказа, въ орнаментальныхъ бляшкахъ Гнѣздовскаго клада (Смол. губ.), мерянскихъ могилъ и пр. мы встрѣчаемъ отъ давней старины переданныя формы звѣринаго стиля. На его мѣсто, вмѣстѣ съ арабскимъ вліяніемъ, появляется орнаментація геометрическая и растительная (арабескъ).

Арабескъ, гдѣ-бы мы его ни видѣли въ арабскомъ искусствѣ, отличается удивительною красотою и тонкостью характернаго исполненія всѣхъ фигуръ, и геометрическихъ, и животныхъ, если только эти послѣднія допущены въ композиціи. Но именно фигуры животнаго и человѣческаго міра какъ-бы заканчиваются въ X стол. и появляются только въ исходѣ XII вѣка, съ общимъ возобновленіемъ звѣринаго стиля. За это время, основные принципы арабеска, т. е. геометрическая и растительная декорація, примѣняются на громадномъ пространствѣ въ народномъ искусствѣ всей южной Европы: именно въ этой средѣ мы встрѣчаемъ своеобразные арабески вмѣсто античной фигуры и рисунокъ, исполненный сканью или филигранью и рѣзьбою въ металлѣ, или же подражаніе этой скани въ формѣ лиственныхъ разводовъ.

Но если арабскіе, а потомъ древне-русскіе фоны, съ тоненькими завитками, подражаютъ сканному дѣлу на золотѣ и серебрѣ, то разработка геометрическихъ арабесковъ должна была совершиться въ «накладныхъ работахъ», «штучныхъ наборахъ». Всѣмъ извѣстно, какъ всякаго рода штучные наборы подражаются въ мозаикѣ, фаянсахъ и облицовкахъ стѣнъ; но металлическія «насѣчки», чернь и прочія соединенія разноцвѣтныхъ металловъ перенесены, въ подражательныхъ рисункахъ, въ декорацію мечетей и дворцовъ.

Сирійское происхожденіе многихъ, наиболѣе драгоцѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій средневѣковой Европы въ эпоху съ VI по VIII столѣтіе подтверждается обстоятельствомъ смѣны такъ называемыхъ «сассанидскихъ» сосу-

довъ (съ пельвійскими надписями) «арабскими» въ IX и X стол. Мы имѣемъ уже цѣлый рядъ подобнаго рода памятниковъ въ испанскихъ собраніяхъ, въ ризницѣ ц. Св. Марка, въ Кенсингтонскомъ и Британскомъ музеяхъ Лондона, въ коллекціи Базилевскаго—нынѣ въ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ, тамъ-же нѣсколько чашъ съ Кавказа и т. д. Для насъ особенно важенъ фактъ нахожденія въ Пермской губ., въ Соликамскомъ уѣздѣ, въ 1895 году серебрянаго сосуда съ арабскою надписью, по изображеніямъ, ихъ стилю и техникѣ, чрезвычайно близкаго къ сассанидскимъ сосудамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ серебрянымъ издѣліямъ X—XII столѣтій, находимымъ въ Россіи.

Въ древностяхъ русскихъ VIII—X стол. мы не находимъ золота, а почти исключительно серебро, не находимъ ни гранатовыхъ инкрустацій и вообще цвѣтныхъ накладокъ, ни украшеній изъ драгоцѣнныхъ камней, оникса и пр.; вмѣсто прежней рѣзьбы въ золотѣ, бронзѣ, рѣзьбы, напоминающей работу въ деревѣ съ накладкою басменнаго дѣла, мы находимъ почти исключительно украшенія филиграневыя, сканныя, наколомъ, пунктиромъ, рѣже чеканомъ.

10. Турій рогъ изъ Черниговскаго кургана.

Примѣромъ сліянія древняго греко-восточнаго звѣринаго стиля и новаго арабскаго на почвѣ Россіи можетъ служить пара турьихъ роговъ, оправленныхъ въ серебро и найденныхъ въ Черниговскомъ курганѣ «Черная могила». Серебряная оправа украшена на одномъ рогѣ орнаментами, находимыми въ каирскихъ мечетяхъ и на прилѣпахъ церкви Юрьева Польского, на другомъ рогѣ представлена охота варваровъ съ луками на птицъ и два сплетенія изъ пары грифоновъ и драконовъ, весьма близкихъ по рисунку и техникѣ къ орнаментаціи серебряныхъ бляшекъ Гнѣздовскаго могильника. При первомъ взглядѣ на громадные турьи рога, очевидно, что это произведеніе мѣстное, кіевское.

Съ этою парою турьихъ роговъ, въ «Черной могилѣ» были найдены двѣ золотыя монеты императоровъ Василія I и Константина IX, отца съ бородою и сына безбородаго, и половинный обрубокъ золотой-же монеты братьевъ Константина X и Романа II (948—959 гг.). Но такъ какъ этотъ обрубокъ представляетъ замѣчательную сохранность, доказывающую, что цѣлая монета вовсе не

была въ обращеніи, а первыя двѣ монеты уже потерты и относятся къ 869—870 г., то можно полагать, что устройство «Черной могилы» относится ко второй половинѣ X столѣтія, тѣмъ болѣе, что уже въ 992 году въ Черниговѣ былъ поставленъ

11. Часть серебряной оправы рога.

12. Другая часть оправы.

митрополитъ Неофитъ, и, конечно, приведены къ крещенію всѣ его жители, такъ что устройство языческаго кургана было бы невозможно позднѣе.

13. Тоже.

14. Тоже.

Фонъ оправы сплошь покрытъ кружками наколомъ, выполненными также точно, какъ на серебряныхъ сосудахъ изъ Перми X вѣка: серебряная фляжка, найденная въ 1895 году, съ арабскою молитвенною надписью IX — X стол.,

15. Развернутый на рисункѣ фризъ съ оправы турьяго рога изъ Черниговскаго кургана.

чрезвычайно сходна также по рисунку копьеобразныхъ лилій и птицъ, съ одной стороны, съ запонами изъ земли Войска Донскаго (вып. III Русскихъ Древностей, рис. 179), съ другой—съ Черниговскими рогами. Рельефъ или чеканъ оправы низкій, небрежнаго рисунка, съ крайне грубыми, почти дѣтскими изображеніями людей и отличными фигурами животныхъ, какъ обычно въ восточномъ искусствѣ; но въ рельефѣ, послѣ чекана, мастеръ все проходилъ рѣзцомъ и, какъ говорится у художниковъ, засушилъ до крайности все изображеніе; впрочемъ, такою сухостью, ремесленною рѣзкостью контуровъ, геометрическою правильностью фигуръ, схематизмомъ растеній и животныхъ, выработкою деталей, въ ущербъ цѣлаго, и отсутствіемъ пластичности отличаются всѣ рѣзныя издѣлія на металлѣ и мраморѣ въ періодъ VIII—X столѣтій. По нижнему бордюру Черниговскихъ роговъ имѣется побѣгъ, протянутый вдоль, съ лилейными и аканѳовыми концами; побѣгъ наколотъ также, какъ на фляжкѣ, косыми зубчиками; затѣмъ нижній бордюръ нарѣзанъ щитками въ видѣ цвѣтка, тогда какъ верхній сдѣланъ изъ такихъ-же цвѣтковъ, вырѣзанныхъ и набитыхъ поверхъ оправы; эти щитки украшены вѣточкою съ плющевыми листками, тогоже рисунка, какъ на вещахъ Воронежскаго (Бирюченскаго) клада VIII вѣка.

Развернутый фризъ представляетъ восточный сюжетъ — охоту; какъ ни грубо переданы человѣческія фигуры съ ихъ непомѣрно большими луками и колчанами, все-же, по ихъ льнянымъ панцырямъ, видно, что это сѣверные варвары, охотящіеся на большихъ птицъ съ собаками; одна птица падаетъ раненая, у другой перебито крыло; виденъ большой пѣтухъ съ фантастическими крыльями, имѣющими форму лилій на верху. Но

затѣмъ, посреди охоты представлены двѣ группы переплетшихся драконовъ и грифоновъ, образующихъ своими переплетеніями орнаментальное подобіе буквы М, извѣстное намъ еще въ византійскихъ мозаикахъ; хвосты драконовъ и грифоновъ, переплетаясь, образуютъ пальметту.

Черниговскій рогъ явно копируетъ восточный оригиналъ: это видно изъ многихъ деталей рисунка, непонятыхъ русскимъ рѣщикомъ. На оригиналѣ была представлена обычная (на херсонесскихъ чашкахъ и въ рукописяхъ) сцена схватки грифовъ и драконовъ со змѣями, но русскій мастеръ этого непонялъ и вмѣсто змѣй получились непонятныя тесьмы, почему-то глотаемыя дракономъ и обвивающія грифа.

16. Александръ, возносимый на небо птицею. Изъ росписи плафона Палатинской капеллы въ Палермо.

Черниговскіе рога способствуютъ разрѣшить общій вопросъ объ источникахъ звѣриной орнаментики или, *звѣринаго стиля:* мы имѣемъ здѣсь наиболѣе раннее проявленіе этого стиля въ средѣ древностей русскаго происхожденія. Извѣстно, что звѣриный стиль царитъ въ нашихъ рукописныхъ украшеніяхъ и иниціалахъ въ періодъ XIII—XIV стол. и носитъ на себѣ спеціальный сѣверный или, точнѣе, сѣверо-западный характеръ, который долженъ быть, конечно, поставленъ въ нѣкоторую связь со скандинавскими плетеніями и чудищами. Эти формы играли, вмѣстѣ съ чашечными фибулами, важнѣйшую роль въ гипотезѣ такъ наз. скандинавскаго или варяжскаго вліянія. Между тѣмъ, Скандинавы, а съ ними и наши Варяги, конечно, весьма многое заимствовали съ юга, и если не отъ однихъ

Славянъ, то черезъ Славянъ, при ихъ посредствѣ. Сюда относятся и тѣ зачатки звѣринаго стиля, связаннаго съ плетеніемъ, которые и по предметамъ, и по формамъ имѣютъ много общаго съ русскими древностями, но не стоятъ собственно въ прямой связи съ звѣриными формами Готѳской орнаментаціи или формъ. Мы въ настоящее время знаемъ уже цѣлый рядъ греческихъ рукописей, съ звѣриными иниціалами: оленями, слонами, зайцами, птицами, сфинксами, грифами и драконами, чудищами въ родѣ однорогихъ людей и пр., и эти рукописи относятся къ X столѣтію, по записямъ; въ нихъ плетеніе заставокъ переходитъ мѣстами въ плетеніе змѣй, на концахъ ремней и лентъ появляются головы драконовъ, или голова и руки проглоченнаго чудищемъ человѣка, буквы принимаютъ видъ грифовъ, несущихъ человѣка (Александра Македонскаго), двухъ драконовъ, извивающихся вокругъ руки. Но еще пышнѣе и богаче, и разнообразнѣе является звѣриный орнаментъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ сирійскихъ, коптскихъ и армянскихъ. Византійское искусство, богатое формами, разработало орнаментальные шаблоны лиліи, пальмы, лавра, аканѳоваго развода, всякаго рода драгоцѣнныхъ камней и пестрыхъ облицовокъ, инкрустацій, разнообразныхъ коймъ и бордюровъ. Именно оно ввело въ декоративный обиходъ міръ звѣрей, и коней, и рыбъ, и птицъ, и заморскихъ обезьянъ, и чудищъ далекой Индіи, также какъ именно греко-византійская письменность передала на сѣверъ сказанія Александріи и Физіолога. Въ этой византійской передачѣ варварская Европа узнала сириновъ и кентавровъ, Горгону и жену исполинскую, обвитую змѣемъ, кинокефаловъ, быковъ о пяти ногахъ (ассирійскихъ демоновъ-хранителей), людей объ одномъ глазѣ, одной ногѣ. Сказанія объ Индійскомъ царствѣ, вошедшія въ составъ Александріи, передавали о сатирахъ, гигантахъ, тиграхъ и львахъ, бѣлыхъ медвѣдяхъ, метаголынаріяхъ—кочетахъ, на нихъ-же ѣздятъ люди (повидимому, такой кочетъ изображенъ на Черниговскомъ рогѣ), саламандрѣ, иппопотамахъ, птицѣ гигантской ногѣ, фениксѣ, затѣмъ о разнообразныхъ монстрахъ: людяхъ съ 4 и 6 руками, съ звѣриными ногами, на половину съ тѣломъ птицы, или о птицахъ съ человѣческимъ лицомъ, людяхъ крылатыхъ, со многими головами и пр. Этотъ типъ звѣриныхъ эмблемъ наиболѣе нравился сѣвернымъ варварамъ, можетъ быть, потому, что былъ въ ихъ исконныхъ вкусахъ, воспитанныхъ Восто-

17. Сюжетъ предъидущаго (16) рисунка на бронзовой бляхѣ изъ сибирскихъ находокъ.

комъ. На византійскихъ свинцовыхъ печатяхъ префектовъ и чиновниковъ, завѣдывавшихъ пріемомъ варваровъ въ Византіи, видны изображенія волковъ, львовъ, орловъ, грифоновъ (Варяги и гвардія носили это прозвище), крылатыхъ драконовъ, орла, удушающаго змѣю и пр. Не даромъ драгоцѣнные рѣзные кубки изъ горнаго хрусталя украшаются въ это время тяжелыми, геральдическими львами, химерами, глотающими побѣги винограда. Затѣмъ, по самой техникѣ и манерѣ изображенія мы можемъ сравнить Черниговскіе рога именно съ восточными издѣліями, появляющимися въ VIII — IX стол. въ Перми и на Югѣ Россіи, напримѣръ изданною въ вып. III парою золотыхъ аграфовъ изъ земли Войска Донскаго, или же арабскими вещами, какъ напр. рѣзьбою на слоновой кости на ящичкѣ 961 — 976 гг. въ Кенсингтонскомъ музеѣ. Иное дѣло украшенія звѣринаго стиля съ ременнымъ плетеніемъ на черенкѣ меча, найденнаго въ Трубчевскомъ уѣздѣ, Орловской губ.: и мечъ, и самыя украшенія франкскаго, прирейнскаго происхожденія. Но «книга путей» Ибнъ-Хордабде (ок. 870 г.) обстоятельно говоритъ, что «русскіе купцы» (изъ земли Новгородскихъ Славянъ) — они же суть племя изъ славянъ — вывозятъ (на Волгу, въ Итиль) мѣха выдры (бобра?), черныхъ лисицъ и *мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи* къ румскому морю (Средиземному), и царь Рума беретъ съ нихъ десятину. Широкіе, волнообразные (по ковкѣ) клинки франкской работы видѣлъ Ибнъ-Фодланъ около 920 года у русскихъ купцовъ въ Итилѣ.

Находки Гнѣздовскаго могильника (и клада) Смоленской губерніи, представляютъ также для X-го вѣка рядъ изображеній, ошибочно относимыхъ къ сѣверному, спеціально скандинавскому типу. И тамъ, наряду съ геометрическими рисунками, растительными побѣгами и завитками, бисерными нитями и наборами, сканными и филигранными украшеніями, лунницами и бусами арабскаго стиля, мы находимъ ожерелья изъ костяныхъ лебедей, медальоны или бляшки съ переплетающимися драконами, двуглавыми орлами, чудищами внутри ременныхъ плетеній, баранами и козерогами и проч. и проч., словомъ, типическія детали, въ существѣ того-же восточнаго стиля, только разработаннаго на сѣверо-западѣ.

Современные народные уборы Аравіи и Сиріи доказываютъ, тождествомъ формъ, техническихъ и художественныхъ пріемовъ, свое древнее родство съ русскими древностями. Мы находимъ у Арабовъ тѣ-же цѣпи и цѣпочки; фибулы изъ Дамаска имѣютъ ту-же форму кружка съ утолщенными концами и иглою, подвѣски ожерелій также въ видѣ бляхъ или въ формѣ летящихъ птичекъ, двуглавыхъ птицъ, или въ видѣ крина; плечевыя фибулы съ подвѣсками въ типѣ мерянскихъ, обручи громадныхъ размѣровъ съ наглавниками и насѣчкою и проч.

Итакъ, по техникѣ, пріемамъ украшенія и орнаменту Черниговскіе рога, дѣйствительно, представляютъ ранній памятникъ того восточнаго искусства, которое, при посредствѣ сирійской промышленности и арабскихъ торговцевъ, было непосредственно передано крайней восточной и крайней западной Европѣ, но формы котораго были, затѣмъ, развиты всею южною Европою и черезъ посредство Германіи перешли на сѣверъ. Звѣриный стиль, здѣсь наблюдаемый, есть своего рода старина, которая потомъ въ декоративныхъ работахъ исчезаетъ и замѣняется стилемъ растительной орнаментики, точь въ точь, какъ такая-же ор-

наментика въ стилѣ готическомъ, принявъ сначала старый романскій «звѣриный стиль», затѣмъ его покидаетъ. Но старина восточнаго звѣринаго стиля не исчезаетъ, она становится достояніемъ народныхъ художествъ (напр. въ *поливной посудѣ*) и доживаетъ до XII вѣка, когда вновь переходитъ въ орнаментику сѣверо-западной Европы, подъ именемъ «стиля романскаго». Понятно, какое значеніе получаетъ кіевская Русь въ исторіи этихъ броженій вкусовъ и стилей, связанныхъ съ передачею вѣковой культуры Востока европейскому Западу.

Тѣсныя преемственныя связи древней Руси съ культурою древняго Востока вспоминаются по преимуществу нашими былинами. Когда былина описываетъ городъ, то, что бы она ни разумѣла подъ «Индіею богатою», воспѣвая ея бѣлокаменныя палаты съ «точеными» колоннами, «золочеными крышами», «самоцвѣтныя маковки» церквей и «сорочинскія сукна», «разостланныя на мостовыхъ», пѣвецъ въ своемъ воображеніи разбираетъ такую-же восточную картину, старинное начертаніе былаго, какъ Гомеръ, когда, представляя себѣ древне-финикійскія издѣлія, описываетъ щитъ Ахиллеса. Въ «крѣпкой городской стѣнѣ ворота желѣзные, крюки, засовы все мѣдные, стоитъ подворотня — дорогъ рыбій зубъ, мудрены вырѣзы вырѣзано, а и только въ вырѣзу мурашу пройти» — по-видимому, восточная ажурная рѣзьба, съ выкладкою, работы индо-персидскихъ мастерскихъ. Еще яснѣе детали восточной архитектуры въ воспѣваемыхъ «трехъ теремахъ златоверховыхъ»: «красота поднебесная» тамъ дворъ — на семи верстахъ; около двора — желѣзный тынъ, на всякой тычинкѣ — по маковкѣ, по жемчужинкѣ. Первыя ворота — вальящатыя, другія — хрустальныя, третьи — оловянныя. Подворотенки — серебряныя (или рыбій зубъ). При входѣ блеста позолоченая (кольцо). Терема—высокіе, златоверхіе, или съ золотыми маковками; палата—бѣлокаменная; крыльцо — бѣлодубовое; сѣни — рѣшетчатыя или стекольчатыя. Грядки — бѣлодубовыя, покрыты сѣдымъ бобромъ, потолокъ — черныхъ лисицъ; матица вальженая, полъ середа одного серебра, а иногда кирпичный. Крюки да пробои у дверей по булату злачены. Окошки косящетыя, оконницы хрустальныя или стекольчатыя, причалины серебряныя, обиты окошечки лисицами, куницами и соболями. Столбы въ палатѣ—деревянные, точеные, повыше рукъ золоченые. Хорошо въ теремахъ изукрашено: на небѣ солнце, въ теремѣ солнце, на небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ, на небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды, на небѣ заря и въ теремѣ заря и вся красота поднебесная».

Обиліе драгоцѣнныхъ камней въ конскомъ уборѣ — ясная картина восточнаго варварства: «у коня промежъ глазъ *(начельникъ)* и подъ ушами самоцвѣтное насажено каменье, да не для ради красы да молодецкія, для ради осеннихъ темныхъ ноченекъ» (свѣтящійся амулетъ), и «камни самоцвѣтные, все яхонты втираны въ стрѣлы Дюка Степановича». Чудный сынъ, приносимый Настасьею Королевичною молодцу Дунаю, представляетъ ребенка, покрытаго серебромъ и золотомъ (идола): по колѣна ножки въ серебрѣ, по локотки ручки въ золотѣ, по головѣ, по косицамъ звѣзды частыя. Изъ восточныхъ рѣдкостей взятъ и тотъ хрустальный ларецъ, въ которомъ Святогоръ-богатырь везетъ на плечахъ свою жену богатырскую, когда полянуетъ или кочуетъ. И если пѣвецъ живописуетъ намъ пріѣздъ королевича, или паленицы къ богатырской заставѣ, что «по праву руку

молодца летитъ ясенъ соколъ, на рукахъ онъ держитъ трстра перо (вабило), сквозь пера не видно лица бѣлаго», то въ основу этой картины должны были лечь тѣ безчисленныя изображенія царя на соколиной охотѣ, съ летящимъ поверхъ его соколомъ, которыя переданы на восточной утвари, ларцахъ, зеркалахъ, и пр. Всѣ былинныя представленія пышныхъ одеждъ, шелковыхъ рубахъ, куньей шубы, ожерелій или воротниковъ полны восточныхъ деталей: шелкъ, камка, дорогая «струйчатая» (полосатыя, двуцвѣтныя: зеленое съ краснымъ, бирюзовое съ пурпуромъ, бѣлое съ коричневымъ:—сирійскія ткани, бывшія въ модѣ въ Византійской Имперіи съ X вѣка), ткани строчены золотомъ и серебромъ, смурые кафтаны изъ «рудожелтой тафты» («золотная»), а на «цвѣтномъ» платьи Дюковой матушки были подведены луна поднебесная, красное солнышко, свѣтелъ мѣсяцъ и частыя звѣздочки. Извѣстно по фантастичности описаніе золотыхъ пуговокъ кафтана у Чурилы Пленковича и Дюка Степановича: въ каждой пуговкѣ было влито по доброму молодцу, въ каждой петелькѣ по красной дѣвушкѣ; какъ застегнутся, такъ они обоймутся, а разстегнутся, такъ поцѣлуются; или въ петли было вплетено по лютой змѣѣ, а въ пуговки влито по лютому звѣрю, и какъ станетъ Дюкъ плеточкой по пуговкамъ поваживать и пуговку о пуговку позванивать, такъ запоютъ птицы пѣвучія, закричатъ звѣри рыкучіе, засвищутъ змѣи во всю голову; или какъ станетъ Илья тросточкою по пуговкамъ поваживать, лютые львы разревѣлись, а на каждой пуговкѣ по заморскому льву. И эта фантастическая картина имѣетъ также свое реальное основаніе въ тѣхъ восточныхъ художественныхъ образцахъ Сиріи, Персіи и Индіи, которые положили основаніе еще въ IX—X столѣтіяхъ, въ уборахъ мужскихъ, женскихъ и конскихъ, позднѣйшему, такъ называемому звѣриному стилю; уже одно упоминаніе заморскаго льва должно было бы намъ указать на Востокъ, если бы мы не знали происхожденія этого стиля по вещамъ. При словѣ «колоколъ» пѣвецъ воображаетъ себѣ мѣдный колоколъ, въ сорокъ пудъ, шляпу земли греческой и пр., и пѣвцу, согласно съ эпическимъ творчествомъ, достаточно было въ реальныхъ предметахъ искусства, чуждаго, а потому таинственнаго, искать особаго смысла, волшебной силы, чтобы создать живую, органическую форму. Какъ яркая черта среднеазіатскаго Востока, представляются намъ металлическія украшенія, золотые плащи (стар. вмѣсто бляхи) на шапкахъ, черныхъ мурманкахъ, ушастыхъ, пушистыхъ, завѣсистыхъ, что «спереди сведенъ да то свѣтелъ мѣсяцъ (въ современныхъ головныхъ уборахъ Индіи), а вокругъ то сведены частыя звѣзды, на верху шеломъ (поверхъ шапки золотой, ср. шапку Мономаха) какъ будто жаръ горитъ». Изъ восточныхъ обычаевъ взято представленіе о громадныхъ зонтахъ, подсолнечникахъ (въ смыслѣ зонта, не растенія), которые носятъ надъ знатными особами, чтобы отъ краснаго солнца не запеклось лицо бѣлое». Излишне перечислять черты восточнаго происхожденія въ описаніяхъ кованаго сѣдла черкасскаго, панцырей «чиста серебра», кольчугъ «красна золота», куяка (щитковыхъ или наборныхъ латъ изъ бляхъ, нашитыхъ на сукно), литой палицы съ кольцомъ, шелепуги (плети) или шалыги дорожной или «плеточки шемахинской». Въ общей сложности можно было бы даже прибавить, что поэмы и пѣсни монгольскихъ и тюркскихъ племенъ представляютъ

по сходству деталей архитектуры, вооруженія, одежды, убранства какъ-бы прототипъ русскихъ былинъ, только болѣе богатый, оригинальный, но эта близость нашихъ былинъ зависитъ отъ того, что онѣ воспроизводятъ одинъ и тотъ-же имъ близкій, но равно имъ чуждый образецъ, извѣстный изъ эпическихъ разсказовъ той высокой культуры мусульманскаго Востока, который съ поразительною быстротою разцвѣлъ въ Египтѣ, Сиріи, Месопотаміи и Персіи въ IX — X вѣкахъ. Всѣ эти детали восточнаго происхожденія приведены въ русскихъ былинахъ, такъ сказать, въ мѣру, что облегчаетъ пѣвцу композицію, даетъ ей ясность, а движенію его экспрессію, чего именно, за подавляющею массою деталей, часто недостаетъ въ тюркскихъ сказаніяхъ. Правда, изъ этого сходства обстановки, равно какъ изъ тождества деталей, нельзя заключать о непосредственной зависимости русскихъ былинъ отъ тюркскихъ пѣсенъ, за то и здѣсь близость сюжетовъ говоритъ намъ объ основной близости культуръ: древней восточной и новой славянской, также какъ, по обилію львовъ, фантастическихъ и крылатыхъ звѣрей на древнѣйшихъ греческихъ вазахъ, археологъ безспорно заключаетъ о связи, художественной и бытовой, древней Греціи съ передне-азіатскимъ Востокомъ.

Изъ «Книги путей и государствъ» Ибнъ-Хордадбе, арабскаго географа, писавшаго въ 860 годахъ, мы имѣемъ основаніе утверждать, что во второй половинѣ IX вѣка русскіе купцы ходили съ товарами до Багдада, а этотъ писатель зналъ о восточныхъ Славянахъ и русскихъ, повидимому, по лично добытымъ извѣстіямъ, такъ какъ ему было легко пріобрѣсти ихъ во время бытности начальникомъ почтъ въ Персидскомъ Иракѣ. Полный, къ сожалѣнію, испорченный текстъ этого свидѣтеля гласитъ: «Путь купцовъ Евреевъ, которые говорятъ по-персидски, по-гречески, по-арабски, по-французски, по-андалузски и по-славянски: они путешествуютъ съ Запада на Востокъ и съ Востока на Западъ моремъ и сушею. Что же касается купцовъ Русскихъ — они-же Славянскаго племени — то они вывозятъ мѣха выдры (или бобра), черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славянской земли къ Румскому (греческому — Черному или Средиземному) морю, и царь Рума (Византійскій) беретъ съ нихъ десятину (пошлину вообще). А если желаютъ, то ходятъ на корабляхъ по Славянской рѣкѣ (Волгѣ), проходятъ по заливу Хазарской столицы (Итиль), гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину. Затѣмъ они ходятъ къ морю Джурджана (Грузинскому — юговосточная часть Каспійскаго моря) и выходятъ на любой берегъ. Иногда же они привозятъ свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ. Иногда купцы берутъ путь за Арменіею, въ странѣ Славянъ, затѣмъ къ заливу столицы Хазарской, затѣмъ въ море Джурджана, затѣмъ къ Балху и Мавараннагру, потомъ до Сина (Китая)». Такъ какъ арабскій писатель жилъ въ то время, когда Новгородская область получила названіе Руси по преимуществу, то полагаютъ, что это были купцы Новгородскихъ Славянъ, которые, объѣхавъ предварительно области западно-русскихъ Славянъ и запасшись западно-европейскими товарами, ходили двумя путями въ Индію и Китай: сѣвернымъ — черезъ Среднюю Азію, и южнымъ — черезъ Дамаскъ, Багдадъ и Синдъ. Другой безыменный арабскій писатель X вѣка, повторяя всѣ извѣстія Ибнъ-Хордадбе, прибавляетъ только, что Славянскіе купцы

пристаютъ на Каспійскомъ морѣ въ Реѣ: «удивительно, что этотъ городъ есть складочное мѣсто всего міра».

Однако, свидѣтельства арабскихъ писателей о Славянахъ и Руси только тогда могутъ быть принимаемы безъ оговорокъ, когда будетъ вполнѣ выяснена этнографическая и географическая терминологія восточныхъ писателей по этому древнѣйшему историческому періоду, чего далеко нельзя сказать доселѣ; именно въ этой части арабскихъ извѣстій даже показанія очевидцевъ нельзя поддерживать съ полнымъ убѣжденіемъ, а тѣмъ болѣе свѣдѣнія, повторяемыя многочисленными компилятивными сочиненіями X—XII столѣтій. Извѣстно, какъ далеко уходятъ отъ реальной дѣйствительности арабскія описанія Константинополя и византійскаго двора, а потому тѣмъ съ большею осторожностью должно относиться къ свѣдѣніямъ о необозримыхъ и мало доступныхъ Славянскихъ странахъ, ихъ племенахъ и обычаяхъ. Самымъ характернымъ примѣромъ служитъ то явное и грубое смѣшеніе Славянъ, Русовъ-Норманновъ и волжскихъ Булгаръ въ одно племя Славянъ или Русовъ, съ главнымъ городомъ Булгара, въ которомъ живетъ царь, у наиболѣе извѣстнаго изъ всѣхъ арабскихъ писателей Ибнъ-Фадлана, отправленнаго въ 920 годахъ калифомъ, въ посольской свитѣ, къ новообращеннымъ въ мусульманство волжскимъ Булгарамъ. Критическій анализъ извѣстій Ибнъ-Фадлана объ этихъ мнимыхъ Славянахъ: о ихъ погребальныхъ и религіозныхъ обрядахъ (идолы въ видѣ столбовъ, сожженіе въ лодкѣ, удушеніе любимыхъ наложницъ), о ихъ царѣ, его колоссальномъ тронѣ, его жизни на лошади, 400 воинахъ тѣлохранителяхъ, безотлучныхъ прислужницахъ рабыняхъ, жилищахъ въ видѣ саклей и другихъ мелкихъ данныхъ быта, одеждъ и украшеній, все приводитъ къ окончательному убѣжденію, что въ Русахъ Ибнъ-Фадлана, а за нимъ и нѣкоторыхъ другихъ арабскихъ писателей, невозможно видѣть русскихъ Славянъ въ первую эпоху ихъ исторической жизни. Разсказы эти, по видимой реальности, важны и любопытны для различныхъ финнскихъ и тюркскихъ народовъ с.-восточной Россіи, быть можетъ, именно волжскихъ Булгаръ. Кромѣ волжскихъ Булгаръ посредниками Руси въ ея торговлѣ съ Востокомъ были, Хазары. «Книга путей» Ибнъ-Хаукала (976—977 г.) повторяетъ съ особою настойчивостью, что большая часть товаровъ, мѣховъ и пр., привозится купцами изъ страны Русовъ и Булгаръ, частію изъ Куябы (Кіева), и что Русы продавали эти товары въ Булгарѣ, прежде чѣмъ разрушили его въ 358 (969) году—(вѣроятно, завоеваніе Дунайской Булгаріи Святославомъ). «Часть товара, однако, идетъ въ Ховаризмъ, по причинѣ частыхъ путешествій Ховарезмійцевъ въ Булгаръ и Славонію и по причинѣ ихъ походовъ, набѣговъ на нихъ и взятія ихъ въ плѣнъ. Приливъ же торговли Русовъ былъ въ Хазранѣ (часть города Итиля, Хазарской столицы; Хазранъ — восточная половина Итиля); это не перемѣнилось—говоритъ Ибнъ-Хаукалъ—тамъ находилась большая часть купцовъ мусульманъ и товаровъ». Всего точнѣе говоритъ о волжскихъ Булгарахъ и ихъ торговомъ значеніи для восточной Россіи «Книга драгоцѣнныхъ сокровищъ» Ибнъ-Даста (писавшаго въ началѣ X вѣка): «Булгаръ граничитъ съ страною Буртасъ. Живутъ Булгаре на берегахъ рѣки, которая впадаетъ въ Хазарское море и прозывается Итиль, протекая между странами Хазаръ и Славянъ. Царь Булгаръ, Альмутъ по имени, исповѣдуетъ исламъ.

Страна ихъ состоитъ изъ болотистыхъ мѣстностей и дремучихъ лѣсовъ, среди которыхъ они и живутъ. Хазаре ведутъ торгъ съ Булгарами, равнымъ образомъ и Русы привозятъ къ нимъ свои товары. Всѣ, которые живутъ по обоимъ берегамъ рѣки, везутъ къ Булгарамъ товары свои, какъ-то: мѣха собольи, горностаевы, бѣличьи и другіе... Булгаре народъ земледѣльческій и воздѣлываютъ всякаго рода зерновой хлѣбъ, какъ-то: пшеницу, ячмень, просо и другіе. — Булгары производятъ набѣги на Буртасовъ (Мордву), грабятъ ихъ и въ плѣнъ уводятъ. Они имѣютъ лошадей, кольчуги и полное вооруженіе. Подать царю своему они платятъ лошадьми и другимъ. Отъ всякаго изъ нихъ, кто женится, царь беретъ себѣ по верховой лошади. Когда приходятъ къ нимъ мусульманскія купеческія суда, то берутъ съ нихъ десятину. Одежда ихъ похожа на мусульманскую; равнымъ образомъ, и кладбища ихъ — какъ у мусульманъ. Главное богатство ихъ составляетъ куній мѣхъ. Чеканной монеты своей у нихъ нѣтъ; звонкую монету замѣняютъ имъ куньи мѣха; каждый мѣхъ равняется двумъ диргемамъ съ половиною. Бѣлые круглые диргемы приходятъ къ нимъ изъ странъ мусульманскихъ путемъ мѣны за ихъ товары». Зобеида, жена Гаруна-ар-Рашида, первая ввела въ Багдадѣ въ моду шубы, подбитыя русскими горностаями и соболями.

Лѣтопись наша подъ 1024 годомъ знаетъ «мятежъ великъ и голодъ по всей странѣ (Суздальской), идоша же по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша». Владиміръ около 1006 г. позволилъ болгарамъ торговать по Окѣ и Волгѣ и далъ имъ для этого печати, но только по городамъ, не по селамъ, а русскіе купцы могли свободно ѣздить въ болгарскіе города. Торговыя связи продолжались и въ XIII вѣкѣ, и даже самое татарское нашествіе вызвало оживленіе торговли по Волгѣ. Русскія суда продолжали плавать по Волгѣ и имѣли склады въ Сараѣ, гдѣ была открыта даже особая сарайская епархія; въ то-же время по Волгѣ ходили суда татарскія, армянскія, болгарскія, вообще различныхъ «бесерменъ».

Словомъ, Волжская Болгарія была, вѣроятно, центромъ хлѣбной торговли для обширнаго района, и русскіе, въ частыхъ случаяхъ нужды, уже съ XI вѣка получали оттуда хлѣбъ. Черезъ Болгары, какъ впослѣдствіе черезъ Нижній-Новгородъ, шли въ Россію *пряности, ароматы, шелковыя матеріи, камни, атласъ, шелкъ, драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя издѣлія*, какъ-то: *блюда, цѣпочки, запястья, кольца, булавки, пуговки, бляхи* (восточное вооруженіе принято въ большинствѣ случаевъ отъ татаръ) и пр. Именно въ это время появилось и большинство восточныхъ названій, подъ вліяніемъ установившихся восточныхъ вкусовъ, для предметовъ убранства, костюма, художественной техники и пр.: *аламы* изъ персидскаго языка, *бархатъ* кизылбашскій, *ведро, жемчугъ* бурмицкій, ормужскій, *зарбафъ* — золотная ткань, *зендень, зендалъ, кабатъ* — одежда, *камка* индѣйская, *кафтанъ, кика, клобукъ, кишень* — карманъ, *козырь, канфарить* — покрывать точками, мелкою зернью пуговицы и пр., *морхи* — кисти, *объярь* — струйчатая шелковая ткань, *сарафанъ, тафта* (халябская — изъ Алеппо), *топоръ, трунцалъ* (канитель) *шапка, шуба, шелкъ* (тохатскій, изъ Токата) и пр., на что указываютъ и самыя прозвища: блюда *ѣзднинскія*, жемчугъ *гурмыжскій* или *бурмицкій*, копья *харалужныя* (вороненой стали), сафьянъ *кармазинный* и пр.

Но изъ всѣхъ данныхъ о торговлѣ Руси съ Востокомъ, прежде всего, ясно, что мы условно можемъ говорить объ арабскомъ вліяніи и арабскомъ стилѣ, который будто-бы наблюдается въ раннихъ русскихъ древностяхъ. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ широкимъ азіатскимъ или восточнымъ вліяніемъ, въ которомъ національные элементы или участвуютъ разомъ, по ихъ политической группировкѣ, или въ разные періоды, по условіямъ торговыхъ сношеній, близости и взаимныхъ нуждъ, или же по мѣрѣ преобладанія того или другаго вкуса: то Сирія, то Персія, то Индія и Средняя Азія выступаютъ здѣсь своего рода руководителями русской культуры. Все дѣло въ томъ, чтобы и намъ самимъ, наслѣдникамъ этой культуры, стать на истинную точку зрѣнія тѣснѣйшихъ родственныхъ связей древняго населенія Европейской Россіи съ Азіею, едва-ли не на всемъ пространствѣ этой части свѣта. Въ свою очередь, эта точка зрѣнія можетъ установиться у насъ только въ результатѣ новаго научнаго взгляда на *варварское* населеніе Россіи въ періодъ IX—X стол.: это варварство должно понимать не въ смыслѣ примитивной грубости, начальной, первой ступени цивилизаціи, но въ томъ смыслѣ, какъ этотъ терминъ принимали греки, называя древнихъ персовъ варварами, т. е. въ смыслѣ особой, отличной отъ Запада культуры восточнаго происхожденія и характера, наиболѣе оригинально выражавшейся въ быту кочевниковъ.

Въ разборѣ древностей эпохи переселенія народовъ мы уже имѣли случай подробно изложить тѣ основанія, по которымъ бытъ кочевниковъ въ извѣстную эпоху шелъ впереди быта земледѣльческаго по усвоенію культурныхъ формъ, хотя бы эти формы касались исключительно личныхъ украшеній, уборовъ, того, что называется доселѣ богатствомъ въ народѣ. Анализъ древнѣйшихъ періодовъ русскаго искусства разъяснилъ намъ общій принципъ тѣсной и неразрывной связи типа уборовъ и ихъ орнамента, иначе говоря, логической необходимости этого послѣдняго, какъ выраженія служебной роли типа въ томъ или другомъ уборѣ. Этотъ принципъ указалъ намъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ типомъ первоначальнымъ, не измѣненнымъ, воспринятымъ однородною средою, съ полнымъ пониманіемъ его роли, которой не коснулась перемѣна, а потому и не покинулъ основной орнаментъ. Не то мы видимъ съ переходомъ типовъ на сѣверо-западъ Европы, а потому и скандинавскій орнаментъ является съ характеромъ произвола и преувеличенія, какъ орнаментъ Индіи.

Скандинавскія древности V—IX и X—XII столѣтій, собранныя въ національномъ музеѣ Стокгольма, поражаютъ массою серебряныхъ и отчасти золотыхъ издѣлій всякаго рода: обручей, браслетовъ, спиральныхъ колецъ и пр.; скандинавскіе археологи должны были невольно увлекаться этимъ богатствомъ своего музея и, вмѣстѣ съ Іорнандомъ, считавшимъ миѳическую Скандію страною officina gentium, видѣть въ ней officina artium. Но эти витрины, набитыя серебромъ, безконечно повторяютъ одинъ и тотъ-же типъ, нерѣдко варіантъ, въ десяткахъ, сотняхъ экземпляровъ, и всѣ эти безконечные клады кажутся кучами ломанаго серебра. Эти клады состоятъ изъ денежныхъ знаковъ и цѣнностей, накопленныхъ конунгами и викингами, и составляютъ военную добычу, цѣнное имущество, только не расплавленное, а нарѣзанное для удобства расходованія.

Насъ поражаетъ въ этихъ богатыхъ кладахъ, отсутствіе серегъ, бѣдность женскихъ уборовъ и украшеній, — черта, какъ разъ прямо противуположная русскимъ кладамъ, почти исключительно составленнымъ изъ уборовъ церковныхъ и личныхъ. Здѣсь, напротивъ, если и есть браслеты, то, очевидно по самой ихъ грубости, изъ нихъ нѣкоторые вовсе не служили для ношенія на рукахъ, а только лишь имѣли эту форму, привычный типъ, по существу же были денежною цѣнностью опредѣленнаго вѣса, точно также какъ многочисленныя находки обручей, гривенъ въ Пермскомъ и Вятскомъ краѣ, съ одной стороны, и Витебской губерніи съ другой, не могутъ быть относимы къ господству обруча, какъ украшенія, но къ его употребленію здѣсь въ видѣ денежнаго знака. Вотъ почему браслеты скандинавскіе не только грубы и толсты, но массивны, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ они или дутые или тонкіе и легкіе.

Въ періодъ IX—X стол. мы встрѣчаемъ большой кладъ изъ Гельсингланда, замѣчательно близкій по вещамъ и ихъ орнаментикѣ (подвѣсныя серебряныя лунницы и ажурныя бляшки) къ Гнѣздовскому кладу Смоленской губерніи, но опять же въ этомъ кладѣ на рядъ разнообразныхъ фибулъ приходится: одна серьга филигранная, одинъ обручъ и пара дротовъ (кусковъ толстой проволоки), согнутыхъ на подобіе браслета, а затѣмъ уже идутъ простые серебряные дроты и т. д. Другой кладъ, съ англосаксонскими монетами, богатъ слитками, разными обручами, но изъ украшеній въ немъ только два толстыхъ золотыхъ браслета, чрезвычайно грубой работы. Третій подобный кладъ заключаетъ въ себѣ два толстыхъ серебряныхъ обруча съ наглавниками, какъ въ Гнѣздовскомъ кладѣ, даже орнаментированными также чернью и филигранью, поясъ изъ 19 наборныхъ бляхъ съ подвѣсными куфическими монетами и бляшками гнѣздовскаго типа и рисунка, но изъ нихъ средняя бляшка выдѣляется какъ будто особымъ «скандинавскимъ» рисункомъ, тогда какъ всѣ предъидущія скорѣе могутъ быть издѣліемъ Булгаръ, чѣмъ Швеціи; въ томъ-же кладѣ оказалось 41 бусина, дутыхъ, изъ серебра, и между ними только восемь одинакихъ, а прочія всѣ сборныя, и нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, снятыя съ серегъ. И если изрѣдка среди этихъ кусковъ встрѣтится кусокъ русской серьги-колта съ черневымъ изображеніемъ птицы, то онъ не представитъ памятника «скандинавской древности» въ собственномъ смыслѣ.

Итакъ, одновременное появленіе въ Скандинавіи и Западной Россіи предметовъ съ тождественными художественными формами слѣдуетъ приписать, во-первыхъ, арабскому привозу, а во-вторыхъ, существованію въ приднѣпровской области обширныхъ мастерскихъ.

Арабы своими завоеваніями, а еще болѣе своими торговыми предпріятіями способствовали распространенію издѣлій Сиріи и Египта до береговъ Вислы на Сѣверѣ и предѣловъ Испаніи, Танжера на югѣ. Вотъ, почему мы находимъ объясненія гнѣздовскимъ и невельскимъ древностямъ въ народныхъ уборахъ Сиріи и Арабовъ Египта. Мы находимъ тамъ и громадные обручи съ наглавниками изъ Дамаска, и цѣпи съ подвѣсными бляшками, амулетами, и фибулы въ видѣ кольца съ иглою, и подвѣски въ видѣ криновъ, ажурныя фигурки двуглавыхъ птицъ, и даже тѣ самыя капторги или поясныя коробочки, которыя видѣлъ Ибнъ-Фадланъ

на Волгѣ у «Руссовъ», а мы находимъ въ древностяхъ великихъ Булгаръ, Мерянъ и т. д.

Но какъ черниговскіе рога представляютъ мѣстное издѣліе, такъ, затѣмъ, и пластинчатые серебряные браслеты, съ фигурными изображеніями, издаваемые нами ниже, и характерная рѣзьба съ птицами на черенкахъ изъ клада Есикорскаго и множество другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ вещей, очевидно, были сдѣланы въ Кіевѣ.

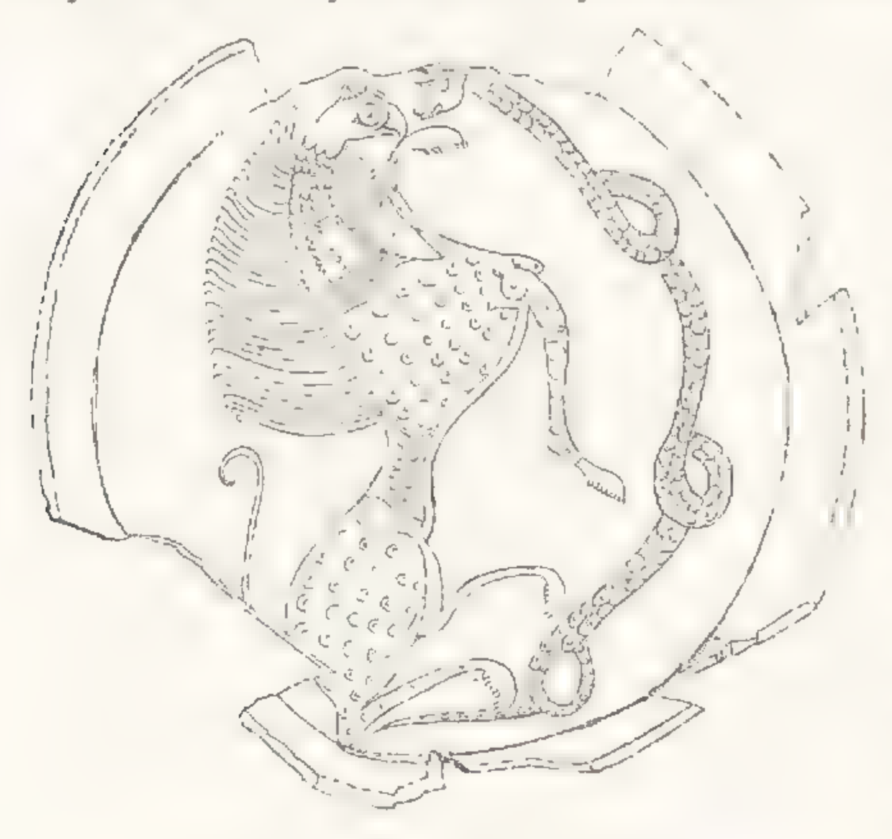
Какое широкое и, пожалуй, особенное значеніе для русской древности игралъ Херсонесъ, свидѣтельствуетъ та масса привозныхъ изъ него и черезъ него предметовъ церковной и свѣтской утвари, которая создала даже въ древности первое названіе стиля или пошиба *корсунскаго*—*«корсунскаго дѣла»*.

Начиная съ самыхъ разнообразныхъ памятниковъ церковной древности и бытовой утвари на мѣстѣ развалинъ города и кончая многочисленными находками роскошныхъ погребальныхъ уборовъ, мы за немногіе годы систематическихъ раскопокъ узнали такъ много, что историческій взглядъ русскаго археолога невольно обращается сюда за разрѣшеніемъ вопросовъ русской древности и искусства. Уже теперь для каждаго изслѣдователя южно-русской, спеціально кіевской старины, ясна тѣсная связь Кіева съ Херсонесомъ, даже болѣе—ихъ культурная преемственность.

Подъ именемъ «корсунскаго» въ древней Руси разумѣли все рѣдкое, изящное, но и чудное, старинное, и, въ отличіе отъ «цареградскаго», которое было символомъ утонченнаго, высокаго въ техническомъ отношеніи, «корсунское» было почти равнозначущимъ съ «архаическимъ». Древности «Корсунскаго дѣла» были часто предметами монументальнаго мастерства и ремесла, изъ мѣди, желѣза и глины, и лѣтописецъ, говоря о взятіи Корсуня, передаетъ, что Владиміръ «взя же и мѣдянѣ двѣ капищи и четыре кони мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею». Предложенныя здѣсь двѣ поправки въ текстѣ: *скапища*, вмѣсто *капища*, отъ скапы—затворы, косяки, *иконы*, вмѣсто *кони*, основаны только на свидѣтельствѣ шведскаго историка, разсказывающаго о вывозѣ двухъ вратъ, и на соображеніяхъ произвольныхъ, и обѣ неудачны. Во всякомъ случаѣ, изъ Корсуня были вывозимы предметы церковной утвари, сосуды, кресты, и многое, что открывается въ Херсонесѣ новѣйшими раскопками, имѣетъ ближайшую аналогію въ древностяхъ Крыма, Абхазіи, береговъ Дона и Днѣпра. Такъ напримѣръ, мы полагаемъ, что всѣ извѣстныя («Русскія Древности», вып. IV, рис. 27, 27а, 28, 28а) намъ своимъ грубымъ стилемъ, короткими и архаическими фигурами, высокимъ рельефомъ, массивныя мѣдныя кадила (не носившіяся въ рукахъ, а подвѣшивавшіяся въ церкви къ стѣнамъ), находимыя въ Ѳеодосіи, Судакѣ, Керчи и вообще по берегамъ Чернаго моря, были корсунскими издѣліями. Замѣчательно, что пара подобныхъ кадилъ, попавшихъ въ Національный Музей Флоренціи, съ шестью обычными сюжетами, грубыми, но нѣсколько болѣе раздѣланными формами, отнесены къ VII столѣтію и къ издѣліямъ Сиріи, хотя, всего вѣроятнѣе, принадлежатъ къ X вѣку и происходятъ, быть можетъ, изъ генуэзскихъ колоній; но таковъ, дѣйствительно, ихъ общій пошибъ, что, вмѣстѣ съ грузинскими рельефами, онъ наиболѣе напоминаетъ коптскія и сирійскія

бронзы, въ послѣднее время уже во множествѣ поступившія въ европейскія собранія.

Конечно, важнѣйшее явленіе восточно-византійской культуры и искусства X—XII столѣтій есть художественная промышленность, сравнительно низкаго уровня, назначенная для варварскаго рынка, и существованіе ряда всякихъ фальсификацій и мѣстныхъ поддѣлокъ. И если украшенія херсонскихъ базиликъ исполнялись изъ проконесскаго мрамора на его родинѣ и привозились готовыми, то лишь немногіе виды завозной промышленности доставлялись въ Херсонъ и Кіевъ изъ мѣстъ первоначальнаго возникновенія производствъ,— большинство же, напротивъ, производилось мѣстными мастерскими, какъ подражаніе завозному иностранному товару. Конечно, стекляныя издѣлія въ эту эпоху доставлялись исключительно изъ Сиріи, и вотъ главная причина того простаго факта, что днища стекляныхъ чашекъ и блюдецъ, найденныя въ Херсонѣ и Кіевѣ, тождественны. Стекляные браслеты часто встрѣчаются въ юго-западныхъ курганахъ и городищахъ, но чтобы имѣть объ этомъ типѣ издѣлій должное понятіе, надо обратиться къ херсонскимъ погребальнымъ находкамъ: между ними браслеты столь обычное явленіе въ эпоху IX—XII вѣковъ, что уже теперь набрана обширная и разнообразная коллекція ихъ. Всѣ эти браслеты очень близки къ античному оригиналу, также производившемуся въ Сиріи, и отличаются отъ него только тщательностью античной отливки: древній браслетъ греко-римской эпохи всегда такъ чисто сплавленъ, что концовъ свареннаго дрота не видно, всегда гладокъ и хорошо отшлифованъ, тогда какъ византійскій браслетъ сдѣланъ грубо, небрежно, и концы часто оставлены не сплавленными.

18. Поливное блюдо изъ Херсонеса.

Стекла — предметъ привозной промышленности, а горшечныя издѣлія съ поливою — продуктъ мѣстнаго производства, и потому для насъ особенно важно существующее въ послѣднихъ издѣліяхъ сліяніе элементовъ восточнаго и византійскаго искусства. Посуда эта стала обращать на себя вниманіе лишь въ послѣднее время, но открыта и сохранена только въ находкахъ Херсонеса, Ѳеодосіи, Судака; единичный экземпляръ встрѣченъ пока въ Гнѣздовскомъ могильникѣ. Техника поливы весьма простая и несложная: сосудъ, будь то чашка, кувшинчикъ, блюдо или блюдцо, прежде обжога, по сырой глинѣ покрываютъ бѣлымъ составомъ мучнистаго характера или краскою, не выдерживающею ни обжога, ни

атмосферическихъ вліяній; покрываютъ сплошь, въ лучшихъ экземплярахъ и снаружи, въ большинствѣ только внутренность сосуда, и затѣмъ ножикомъ или инымъ острымъ предметомъ прочерчиваютъ на этой покраскѣ рисунокъ до слоя натуральной глины, обнажая, такимъ образомъ, ея болѣе темный фонъ, который и дастъ въ одно и то-же время и контуръ, и поле для рисунка, освобожденное отъ бѣлой обмазки. Затѣмъ весь сосудъ, кромѣ тѣхъ частей, которыя не нуждаются въ поливѣ, покрываютъ сплошь, обливая и рисунокъ, и фоны, и нѣсколько уже высохшую бѣлую обмазку, прозрачною свинцовою глазурью или поливою и подвергаютъ обжогу. Уже къ этой поливѣ, которая прозрачна, прибавляютъ для цвѣта различныя мѣдныя соли, впускаютъ зеленый цвѣтъ, а также и другіе оттѣнки.

19. Поливной сосудъ изъ Ѳеодосіи, съ изображеніемъ сирина.

Интересны сюжеты сосудовъ, вводящіе насъ въ оригинальный міръ, гдѣ существовало и свое преданіе, и свое творчество, и свои вѣковые народные вкусы, и временныя моды. Мы находимъ здѣсь царя на охотѣ и за пиромъ, какъ на чашѣ Хозроя и на плафонахъ Палатинской капеллы въ Палермо, и всадника, подобнаго Димитрію великомученику, и воина въ латахъ; но главный видъ изображеній относится къ животному міру. Этотъ животный міръ древнеазіатскаго происхожденія: схематическіе типы льва, хищной птицы, рыбъ, голубя; изъ фантастическихъ животныхъ — дерущіеся грифы или грифъ въ схваткѣ со змѣею. Замѣчательны изображенія Сириновъ. Изъ растительнаго міра характерны цвѣты и культурныя формы домашнихъ растеній и цвѣтовъ, идущія изъ Персіи. Особенно обильны плетенія и геометрическіе узоры всевозможныхъ зигзаговъ, полосъ, разводовъ, волютъ, волнъ, звѣздъ, крестовъ, розетокъ, арабскихъ полигоновъ, арабесокъ всякаго рода. Весь этотъ узоръ, въ цѣломъ, не принадлежитъ ни сассанидскому искусству, хотя древнѣйшіе его образцы мы имѣемъ въ поливныхъ сосудахъ изъ Рея (въ Британскомъ и Кенсингтонскомъ музеяхъ) или Решта, ни арабскому, хотя многіе

типы повторяются посудою мавританскою, ни также византійскому, хотя мы здѣсь находимъ и монограммы христіанскихъ именъ, и имена Святыхъ на днѣ чашекъ. Опять-же и здѣсь производство посуды, сперва привозной, затѣмъ стало мѣстнымъ, хотя, конечно, въ началѣ исполнялось руками пріѣзжихъ мастеровъ изъ Малой Азіи или Сиріи.

20. Рукомойникъ церковный изъ бронзы, найденный въ Кіевѣ.

Самое важное для насъ обстоятельство заключается именно въ сліяніи византійскаго (собственно, точнѣе, греческаго) и восточнаго искусства. Было бы слишкомъ долго входить въ разсмотрѣніе того, какое именно восточное искусство здѣсь участвовало, къ какому воззрѣнію слѣдуетъ нынѣ примкнуть въ вопросѣ о сущности арабскаго стиля: признать-ли Персію, или Египетъ во главѣ движенія и творцомъ этого стиля; для нашей задачи это было бы излишне. Херсонесскія блюда носятъ древній восточный характеръ, а греческій типъ выраженъ

многочисленными христіанскими монограммами, крестами и византійской орнаментикой. Въ этомъ «корсунскомъ» дѣлѣ было столько-же греческаго, сколько восточныхъ элементовъ, откуда бы они ни пришли, изъ Египта черезъ Сирію и Кавказъ, или изъ Персіи черезъ Каспійское море. Кратко укажемъ на поразительное стильное сходство нѣкоторыхъ антропоморфическихъ сосудовъ и терракоттовыхъ фигурокъ Θеодосіи съ терракоттами, найденными въ Афросіабѣ близь Самарканда. Но еще большей наглядности достигаетъ аналогія въ изображеніяхъ животнаго міра: таковы драконы, грифы, львы и прочіе хищники, въ коптскихъ рукописяхъ и на херсонскихъ сосудахъ.

Бронзовые рукомойники (aquamanilia), церковнаго употребленія, въ видѣ грифоновъ, львовъ, химеръ, всадниковъ, кентавровъ и пр., образцы которыхъ встрѣчены въ кладахъ: Кіева (Житомирская улица, см. рис. 20) и Гнѣздова, также Ярославской или Вологодской губерній (въ собраніи Г. Д. Филимонова), могли вывозиться на Русь изъ Корсуня, вмѣстѣ съ сосудами, колоколами (упоминаемыми въ лѣтописи подъ 6970 г.) и прочею церковною утварью. Изъ Румянцовскаго собранія въ Музей Румянцова въ Москвѣ поступилъ замѣчательный сосудъ въ видѣ бронзоваго дракона, пожирающаго василиска.

Всѣмъ извѣстны «корсунскіе» складные кресты-тѣльники, находимые доселѣ въ землѣ въ Херсонесѣ, Θеодосіи, Оріандѣ, Судакѣ, Керчи и въ Кіевѣ. Дальнѣйшаго ихъ распространенія мы не знаемъ, а по времени можемъ считать всѣ эти кресты издѣліями VIII—XII столѣтій. Извѣстно, что есть древнѣйшій типъ съ инкрустаціями серебромъ и оловомъ, далѣе съ глубокою рѣзьбою (но всегда безъ эмали), съ горельефомъ, и типъ болѣе поздній, съ барельефнымъ Распятіемъ и пр. Множество тѣльныхъ крестиковъ X—XII стол., встрѣчаемыхъ и въ кладахъ, и въ ризницахъ и собраніяхъ, изъ различныхъ яшмъ, серпентина, халцедона, въ золотой сканной оправѣ, также, навѣрно, происходятъ изъ Корсуня, почему мы и можемъ называть ихъ «корсунскими тѣльниками».

Встрѣчая напр. въ курганѣ Кіевской губ. бронзовое кадило въ видѣ чаши съ грубыми рельефными фигурами четырехъ евангелистовъ по ея гранямъ, мы объясняемъ себѣ это странное явленіе въ VIII—IX вѣкѣ корсунскимъ привозомъ.

На одномъ изъ крестовъ (рис. 21), отъ котораго сохранилась только обратная половина, тончайшею рѣзьбою и инкрустаціею выполнены: сверху *Вознесеніе* Господа Іисуса Христа, на рукахъ 4 ангеловъ, въ миндалевидномъ ореолѣ; въ срединѣ Божія Матерь на престолѣ, держащая Младенца (престола не видно), надпись: Вознесеніе. По сторонамъ, 12 апостоловъ, какъ-бы идущихъ къ Богоматери. Замѣчательное сочетаніе Богородицы—Церкви въ «Вознесеніи» съ Богоматерью, держащею Младенца. Внизу сцена Преображенія въ миндалинѣ съ Петромъ и Павломъ и три фигурки Апостоловъ по грудь внизу. Крестъ относится къ VII или VIII столѣтію.

Второй корсунскій крестъ выполненъ рѣзьбою и наколомъ, по рѣзьбѣ — чернью, но она вся выкрошилась; представляетъ (рис. 22) Распятаго въ препоясаніи, и погрудь Марію и Іоанна скорбящихъ съ грубыми надписями ихъ именъ.

Затѣмъ, рисунокъ 23 представляетъ корсунскій крестъ, найденный въ Кіевѣ, по Холевой улицѣ, въ 1893 году: рисунокъ выполненъ здѣсь хорошею рѣзьбою,

наколомъ, еще въ стилѣ IX—X столѣтій, и отличается чрезвычайною характерностью. Корсунское происхожденіе его внѣ сомнѣнія.

Въ Херсонесѣ встрѣчены также тѣльные кресты обычнаго корсунскаго типа складней съ надписями славяно-русскими: находка ихъ вызвала, конечно, обычное анекдотическое объясненіе, что кресты эти должны были принадлежать русскимъ, поселившимся въ Корсуни. Конечно, тамъ были русскіе въ составѣ населенія, однако, подобныя находки говорятъ намъ о другомъ фактѣ, а именно, что кресты изготовлялись для вывоза въ Россію, но такъ какъ Грековъ въ XII—XIII вѣкахъ

21. Крестъ складень изъ Херсонеса. 22. Крестъ складень изъ Херсонеса.

было мало, а русскихъ много, и торговля крестами съ Русью шла шибко, то издѣлій для нея изготовлялось съ излишкомъ, и иныя оставались дома.

Вотъ, почему между херсонесскими формочками для отливанія (изъ мѣди, подражательныхъ, стало быть для продажи темному народу) мы встрѣчаемъ съ особеннымъ интересомъ: одну формочку для тѣльнаго крестика (формы крестика изъ камня, съ оправою), другую для серьги съ подвѣсною бусою и третью для серьги съ лунницею, въ видѣ калачика, окаймленнаго жемчужною нитью.

Затѣмъ, намъ много говорятъ о «Корсунской» святынѣ наши преданія, но данныя ихъ крайне смутны. Намъ перечисляютъ множество корсунскихъ, «по преданію», иконъ и древностей въ Новгородѣ: но и Мстиславово Евангеліе, и крестъ Антонія, все это или цареградскія произведенія, или позднѣйшія; кор-

сунскія иконы — иконы всякихъ «греческихъ» писемъ, стѣнопись — «цареградская», даже по словамъ лѣтописи. Знаменитыя *Корсунскія врата* Св. Софіи Новгородской получили такое названіе или отъ «Корсунской паперти», у которой онѣ стоятъ и которая это имя получила отъ своей иконописи (1350 г.), или отъ своего архаизма, или же по недоразумѣнію и смѣшенію съ другими. Такъ наз. *Корсунскія врата* (рис. 24) сдѣланы въ Магдебургѣ, гдѣ былъ еп. Вихманъ († 1192), на нихъ изображенный. Но такъ какъ было преданіе о привозѣ вратъ изъ Корсуня (впрочемъ, позднее) и такъ какъ еще Герберштейну сообщали это имя (можетъ быть, именно по ихъ древнему типу), то полагаютъ, что произошло смѣшеніе: подлинно Корсунскими вратами должно считать тѣ врата Софіи, которыя нынѣ называютъ Сигтунскими и которыя по характеру орнаментаціи и техники, дѣйствительно, тождественны съ византійскими вратами Равелло, Салерно, Амальфи въ Италіи. Сигтунскія врата были вывезены изъ шведской столицы Сигтуны, при оз. Меларъ, въ Новгородъ уже въ 1187 году, могли быть сдѣланы въ Италіи, по техническому исполненію рѣзьбы вглубь съ таушировкою относятся къ XI — XII вѣку.

23. Крестъ-складень изъ Кіева.

Въ XI столѣтіи мы встрѣчаемъ важнѣйшее вліяніе византійскаго искусства и культуры на древнюю Русь и даже, ради точности, должны бы были называть всю вторую половину великокняжескаго или домонгольскаго періода, въ частности XI и XII столѣтія, періодомъ *русско-византійскаго искусства* или, по крайней мѣрѣ, *русско-византійскихъ древностей*.

Въ средѣ монументальнаго искусства оказывается наиболѣе труднымъ отличить византійскій типъ отъ его русскаго варіанта, и пока приходится принимать, согласно со скудными и темными свидѣтельствами лѣтописей, что всѣ произведенія монументальнаго искусства выполнялись у насъ Греками, выписными или наѣзжими мастерами и артелями, или подрядчиками изъ Византіи, причемъ мраморы привозились изъ проконнесскихъ ломокъ уже вполнѣ отдѣланными, а мусія покупалась пудами въ Константинополѣ, о чемъ есть прямыя свидѣтельства, и исполнялась на мѣстѣ мозаичистами изъ Перы.

24. Такъ называемыя «Корсунскія врата» въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, 1192 г.

Напротивъ того, останавливаясь на мелкихъ предметахъ изъ разряда *бытовыхъ личныхъ уборовъ,* составляющихъ *главное* (хотя далеко не единственное) содержаніе кладовъ до-монгольскаго періода, мы наиболѣе близко подходимъ къ самому существу взаимной связи русской бытовой и художественной почвы и византійскаго на ней посѣва, въ томъ смыслѣ, что узнаемъ, въ чемъ именно нуждалась русская земля, что брала отъ византійской культуры, какъ видоизмѣняла принятое, какой смыслъ и значеніе придавала своимъ заимствованіямъ и пр.

На первомъ мѣстѣ должна стоять техника *перегородчатой эмали:* съ самаго начала X вѣка эмаль развивается въ Византіи особенно широко, усваиваетъ себѣ почти всѣ существующіе въ перегородчатой эмали пріемы, обогащается высшимъ разнообразіемъ цвѣтовъ и тоновъ, подъ вліяніемъ восточныхъ, воспринятыхъ Византіею вкусовъ, искавшихъ многоцвѣтности, пестроты красокъ, и становится особымъ искусствомъ. Прежде ограниченная орнаментальною сферою, эмалевая живопись, отчасти благодаря иконоборству, вызвавшаго появленіе мелкихъ образковъ, тѣльниковъ, но главное, благодаря тогдашнимъ вкусамъ, вошла въ употребленіе для священныхъ изображеній. Появленіе эмалевой иконописи не съузило, а расширило производство, за которымъ все-же осталась его орнаментальная сфера, столь блистательно представленная киворіемъ и особенно престоломъ Св. Софіи Константинопольской, и причина этого расширенія лежала столько-же во внутреннихъ условіяхъ самой византійской иконописи, къ этому времени какъ бы поспѣшившей выработать свои шаблоны, сколько въ совершенствѣ эмалевой техники. Какъ многочисленны были финифти во времена Константина Багрянороднаго, на то имѣемъ множество указаній въ его сочиненіяхъ: императорская казна и ризницы столичныхъ церквей изобиловали подобными издѣліями, торжественно выставлявшимися на праздникахъ и во время посольскихъ пріемовъ въ золотой Палатѣ. Тѣ-же издѣлія находились въ продажѣ у ювелировъ, обязательно доставлявшихъ во дворецъ, на случай особенно торжественнаго убранства его залъ, свои лучшія вещи. Въ это время эмалью украшали и церковную утварь, потиры и дискосы, кресты и оклады, а также и пиршественныя чаши, блюда, оружіе, предметы личнаго мужскаго и женскаго убора и лошадиную сбрую. Многочисленность эмалевыхъ издѣлій, сохранившихся до насъ именно отъ X—XI стол., всего лучше удостовѣряетъ насъ въ томъ, что это не была секретная техника, составлявшая монополію византійскаго двора. Это было художественное ремесло, проникшее на востокъ и западъ: въ Кіевъ и Грузію, Сѣверную Италію и Южную Германію, а по догадкамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, даже въ Персію и Индію. Финифтяныя издѣлія изготовлялись, въ общихъ чертахъ, такъ: эмальеръ самъ приготовлялъ золотой листъ для устройства на немъ перегородчатой эмали; этотъ листъ загибался съ краевъ по требуемой формѣ предмета, образка, куска орнамента и пр., и образовывалъ своего рода лоточекъ; по внутренней его сторонѣ или по дну выполнялся шиломъ рисунокъ въ видѣ пунктира, и затѣмъ, слѣдуя по линіямъ накола, эмальеръ выкладывалъ по нимъ весь контуръ изображеній тонкими золотыми ленточками, нарѣзанными сообразно толщинѣ будущаго слоя эмали, устанавливая ихъ на ребро въ видѣ перегородочекъ; между ними насыпался и затѣмъ плавился эмалевый порошокъ разныхъ цвѣтовъ.

*

25. Сигтунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ.

Здѣсь требовалась отъ мастера большая тщательность и техническая ловкость, и по этимъ качествамъ легко отличить чисто византійскую работу и константинопольскую эмалевую пластинку отъ русской или грузинской, въ которой ленточки бываютъ порваны, заходятъ концами одна за другую, измяты, грубо вырѣзаны и пр. Толщина эмалеваго слоя и соотвѣтственная вышина перегородочекъ помогаетъ отличать блестящую работу X или XI стол. отъ издѣлій временъ упадка эмалей въ XII и XIII вѣкахъ въ самой Византіи. Въ вещахъ особенно тонкихъ слой эмали не превышаетъ полмиллиметра, вещи погрубѣе бываютъ въ два миллиметра. Главное достоинство византійскихъ эмалей въ гармоніи красокъ, чистотѣ и интенсивности тоновъ, а главный недостатокъ въ отсутствіи рельефа моделлировки и въ схематизмѣ фигуръ и особенно драпировокъ. Но затѣмъ, достоинство эмалевыхъ красокъ заключается въ ихъ плавильныхъ свойствахъ: многія краски темнѣютъ, мѣняютъ цвѣта, когда онѣ подвергаются обжогу вмѣстѣ съ другими, столь тугоплавкими, что онѣ еще не расплавились, когда первыя успѣли сгорѣть. Тоны красокъ отчасти дѣло умѣнья, отчасти случая. Такъ, въ византійскихъ эмаляхъ особенно поражаетъ красота, тѣлесность цвѣта рукъ и ликовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чистый тѣлесный тонъ, съ легкимъ розоватымъ и оливковымъ оттѣнкомъ, встрѣчается только въ X и первой половинѣ XI вѣка, а позже составляетъ случайность. Извѣстную особенность древнихъ эмалей составляютъ также прозрачныя изумрудныя эмали и молочно-бѣлая краска для тѣла. Наконецъ, проба золота также играетъ видную роль въ исполненіи: въ Византіи для большихъ эмалевыхъ работъ употреблялся сильный процентъ примѣси: 20% серебра на 80% золота; въ русскихъ работахъ (Кіева, Рязани и пр.) также встрѣчаемъ въ эмаляхъ это низкопробное золото, и во Владимірскомъ кладѣ примѣсь къ золоту доходитъ до 30%. Заключительнымъ процессомъ эмалеваго производства является шлифовка готовой послѣ обжога эмалевой поверхности. Эта шлифовка или полировка эмалей достигала у византійскихъ мастеровъ высокаго совершенства, подобнаго шлифовкѣ драгоцѣнныхъ камней, и это причина, почему иныя эмалевыя древности, даже вынутыя изъ земли послѣ тысячелѣтняго въ ней пребыванія, оказываются сохранившими свою зеркальную поверхность, тогда какъ другія, невизантійскія, не будучи разрушены, стали даже неразличимы. Такъ, въ русскихъ эмалевыхъ вещахъ, найденныхъ рядомъ съ византійскими въ Рязанскомъ кладѣ 1822 года, наблюдается наибольшая степень разрушенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, упадокъ рисунка, грубость орнамента, нечистыя краски. Точно также мы видимъ любопытную разницу въ эмалевой техникѣ двухъ кіевскихъ кладовъ 1880 года и 1885 года: даже толщина слоя финифти рѣзко разнится въ обоихъ, а также оттѣнки красокъ и шлифовки, особенно синяго цвѣта, сохранившаго первоначальную чистоту и яркость.

Второй замѣчательный видъ техники въ древне-русскихъ издѣліяхъ, развившихся подъ вліяніемъ Византіи, составляетъ *скань, сканное* дѣло (отъ глагола съкати, сучить), въ простѣйшемъ видѣ существовавшая почти всегда въ народномъ художествѣ, но ставшая въ XI — XII столѣтіи особо утонченною и совершенною. Можно указать на Рязанскій кладъ 1822 года и Мономахову шапку, какъ на произведенія высоко художественныя. Тутъ дѣло не въ выборѣ способовъ и пріемовъ, но въ ихъ усвоеніи и развитіи, умѣньи примѣнить на дѣлѣ

извѣстный рисунокъ и открыть наиболѣе удачную компановку. Простѣйшая скань въ античныхъ вещахъ поразительно изящна, а въ варварскихъ издѣліяхъ, прирейнскихъ и особенно Англіи, груба и неуклюжа, также какъ утонченная филигрань XI и XII вѣка въ Россіи, Южной Германіи даетъ художественныя вещи, а современныя закавказскія работы того-же типа представляются утрированными.

Вещи Рязанскаго клада 1822 г. (см. ниже) представляютъ характерную технику: ихъ филигрань исполнена посредствомъ ссученыхъ или скрученыхъ золотыхъ нитей, по двѣ нити въ каждой веревочкѣ, и притомъ скрученныхъ настолько круто, столь тѣсными спиралями, насколько это было возможно сдѣлать; это и есть собственно *скань*, во Франціи (въ XIII в.) filigrane cordée; затѣмъ эту веревочку сплющивали молоткомъ въ ленточку, и тогда ея верхняя каемка представляла подобіе зерновой нити, или собственно филиграни. Въ медальонахъ Рязанскаго клада скань расположена, такъ сказать, ажурно, т. е. припаяна и ко дну, и по проложенной уже по дну скани, чтó придаетъ всему рисунку особую красоту и блескъ. Подобная-же техника блистательно примѣнена на Pala d'oro Венеціанскаго св. Марка, а также на нѣкоторыхъ предметахъ древности XI—XII стол., по преданію, будто-бы, принадлежавшихъ Карлу Великому.

Мы знаемъ два главныхъ вида *скани* или *филиграни*, употребляя пока эти термины въ условномъ ихъ тождествѣ, принятомъ, однако, почти повсюду. На первомъ мѣстѣ стоитъ работа изъ зернистыхъ нитей, или нитей мелкихъ зеренъ, изгибаемыхъ щипчиками и образующихъ бордюры, коймы и ажурные разводы: это древнее filum granum, filets grenus, grenetis и пр., собственно филигрань или *зернь*. Второй способъ состоитъ въ употребленіи волоченой или тянутой проволоки или нити, золотой и серебряной, которою или обматывается вещь, или украшается поверхность также выкладкою на ней въ различныхъ орнаментальныхъ формахъ. Эта филигрань также древня, какъ и первая, если не древнѣе, судя по тому, что она испоконъ вѣковъ господствовала на древнемъ Востокѣ, въ Египтѣ, древней Греціи и Этруріи и представила множество блестящихъ произведеній искусства въ издѣліяхъ ювелировъ Сиріи, Малой Азіи, Аѳинъ и Тосканы. Эта форма настолько древняя, что употребленіе перваго вида собственной филиграни или зерни въ издѣліяхъ эпохи переселенія народовъ, меровингской и пр. мы должны скорѣе объяснять занесенною къ варварамъ временною модою, т. е. своего рода новостью, римскимъ нововведеніемъ.

Но около IX столѣтія филигрань изъ волоченой нити является господствующимъ видомъ и создаетъ въ искусствѣ работы, по истинѣ, художественныя; при этомъ, въ древностяхъ Россіи IX—XII стол. мы имѣемъ едва-ли не лучшіе образцы этого вида. Эта форма всегда существовала въ западной Европѣ, но она какъ-бы вновь явилась на смѣну зерни и собственной филиграни, подъ вліяніемъ восточной торговли, и хотя средневѣковыя древности Персіи и Индіи намъ неизвѣстны, но чудныя филигранныя работы новѣйшей Индіи, Китая, Персіи и Арменіи находятся во многихъ собраніяхъ Европы.

Филигрань разныхъ видовъ составляетъ художественную форму, являющуюся періодически и притомъ въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ; однако, въ иныхъ

она удерживается почему-то съ особою настойчивостью, и такою страною является Сирія, страна ювелировъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Именно Финикія поставляла древнему міру всю эту массу поразительныхъ по своей тонкости филигранныхъ работъ, находимыхъ на Кипрѣ, Родосѣ, Критѣ и Сардиніи. Изъ Малой Азіи происходили драгоцѣнныя древности Пантикапеи и вообще побережныхъ колоній Чернаго моря. Сирійское происхожденіе серьги съ подвѣскою въ видѣ ассирійскаго креста, найденной въ Сардиніи, врядъ-ли подвержено сомнѣнію; тоже самое—сережки съ подвѣсною гроздью, или жемчужиною, или извѣстныя особенно на Кавказѣ серьги со шпенькомъ для насаживанія бусы. Эта послѣдняя орнаментальная форма встрѣчается, правда, лишь рѣдко, въ видѣ напр. браслетовъ изъ золотой проволоки съ насаженною на нее золотою филигранною бусою, но по явной связи съ позднѣйшимъ русскимъ типомъ серегъ, браслетовъ, шейныхъ гривенъ и височныхъ колецъ, пріобрѣтаетъ капитальную важность.

Этотъ филиграневый стиль украшеній явился вмѣстѣ съ привозными украшеніями изъ Сиріи и черезъ посредство арабскихъ торговцевъ, снабжавшихъ весь сѣверо-востокъ варварской Европы VIII—X столѣтій металлическими стеклянными издѣліями Сиріи и производствами ея фабрикъ полотна, шерсти и шелку.

Между финикійскими и кипрскими украшеніями мы видимъ обильныя височныя кольца спиралью изъ золота и электра, какъ съ изящной отдѣлкою, такъ совершенно гладкія, большія, быть можетъ, служившія браслетами. Здѣсь-же обильны были разнообразныя подвѣски въ формѣ калачика — «колта», и, благодаря Сиріи, эта форма распространилась по всей Малой Азіи, Греціи, берегамъ Африки до Марокко; самый обычай носить серьги долженъ былъ придти въ Египетъ, гдѣ его въ древности не было, изъ Месопотаміи, гдѣ онъ существовалъ издревле, черезъ Сирію и Іудею. Спеціально же серьги въ формѣ калачика съ утолщеніемъ кольца, или въ видѣ лунницы, получили названіе финикійскихъ.

Еще многочисленнѣе аналогіи (см. выше) между предметами русской древности IX—XI столѣтій и современными украшеніями Сиріи, какъ ихъ носятъ доселѣ въ Дамаскѣ, Бейрутѣ, Гауранѣ и безразлично у Друзовъ и Маронитовъ, Бедуиновъ и Сирійцевъ. Здѣсь еще доселѣ въ употребленіи нагрудныя украшенія въ видѣ лунницъ съ подвѣшенными листиками *(поталами)*, ожерелья изъ полуцилиндрическихъ продольныхъ бляшекъ, подвѣсныя на толстыхъ цѣпяхъ «капторги», иногда въ видѣ треугольныхъ коробочекъ, бляшки-амулеты и жолуди на шейныхъ цѣпяхъ, жемчужныя діадемы и, равнымъ образомъ, именно здѣсь наиболѣе удержались разнообразныя кики, кокошники, колпачки въ женскомъ головномъ уборѣ.

Наконецъ, весьма вѣское указаніе представляется намъ въ тождествѣ орнаментальной манеры, которое бросается въ глаза преимущественно въ *золотыхъ* вещахъ: таково тождество орнаментаціи поясныхъ бляшекъ клада изъ Тарса, клада Воронежскаго, клада, найденнаго въ Венгріи и другаго въ Кьюзи (Тоскана). Какъ на примѣръ, столь-же поразительный, можемъ указать на тождество замѣчательныхъ серегъ изъ тончайшей золотой и серебряной филиграни, съ фигурными бусами, иногда птичками, одинаково находимыхъ въ Казанской губерніи, на развалинахъ Болгаръ, и въ Калишской губерніи. Между этими находками, несом-

нѣнно, должна быть причинная, не случайная связь, какъ есть связь между обиліемъ гривенъ, находимыхъ въ Вятской и Витебской губерніяхъ.

Сканное дѣло приводитъ насъ къ величайшему памятнику русской древности, составляющему отечественное сокровище не только по историческому значенію, но и по художественному достоинству. Мы говоримъ объ извѣстной *Мономаховой шапкѣ* (см. рис. 1), важнѣйшемъ, если не единственномъ дѣйствительномъ памятникѣ древнерусскаго велико-княжескаго чина, завѣтной коронѣ московскихъ царей, бывшей обязательною въ Московскомъ періодѣ «утварью» священнаго вѣнчанія на царство, нынѣ ставшею выразительнымъ символомъ вѣковыхъ правъ и высшею эмблемою царской власти. Извѣстно, далѣе, что съ этимъ именно памятникомъ изъ всѣхъ такъ наз. «Мономаховыхъ» регалій связались въ послѣднее время и сложные вопросы исторіи царскаго вѣнчанія и царскаго титула въ Россіи.

Царскія утвари, признаваемыя за греческія издѣлія, были получены изъ Византіи разновременно, по различнымъ случаямъ и пріурочены къ старому преданію о вѣнча-

+ Κ Β Π Δ Κ Θ Τ Ξ Η

26. Византійская чаша (крабійца?) въ Музеѣ гр. Строгановыхъ.

ніи великаго князя, съ отнесеніемъ этого событія къ Владиміру Мономаху, какъ внуку Восточнаго императора и какъ избраннику, «его же Богъ изъ утробы освятивъ и помазавъ, отъ царское и княжеское крови смѣсивъ». Такъ, крестъ съ частицею Животворящаго Древа, носящій въ описяхъ названіе «креста *корсунскаго,* царя Константина, что съ животворящимъ Древомъ», или «большаго цареградскаго», или креста «въ рацѣ Цареградской», и возлагавшійся на царей при короновании, относится къ 1383 году; другой крестъ съ частицею, извѣстный подъ именемъ креста Владиміра

Мономаха, въ Благовѣщенскомъ соборѣ, по надписи, сдѣланъ въ 1621 году. «Враная» цѣпь съ крестомъ, появляющаяся при Иванѣ Ивановичѣ, и «златая сканная цѣпь аравійскаго злата», хранящаяся нынѣ въ Оружейной Палатѣ, возлагавшіяся при короновании на царя послѣ херувимской пѣсни и соотвѣтствовавшія, вѣроятно, древнему обычаю возложенія гривны, относятся также къ позднѣйшей эпохѣ. Икона золотая «Парамшина дѣла», съ эмалевымъ изображеніемъ Распятія могла быть нагруднымъ образкомъ, но тоже появляется только съ духовною Ивана Ивановича и исчезаетъ съ 1504 года. «Золотую коробочку», завѣщанную Иваномъ Даниловичемъ Калитою, считаютъ тождественною съ сосудомъ или чашею изъ красной яшмы, оправленною въ золото, на золотомъ поддонѣ, въ собраніи графа Строганова (рис. 26). Сосудъ этотъ относится не ранѣе, какъ къ XII вѣку, напоминаетъ потиры въ ризницѣ св. Марка, но самъ не былъ потиромъ, а чашею, и надпись должна содержать начальныя буквы имени и молитвенное обращеніе къ «Царю царей», а потому, возможно, что сосудъ былъ царскимъ. Однако, между нимъ и золотою коробочкою общаго только матеріалъ, такъ какъ позднѣе она значится подъ именемъ «коропки сердоничной, золотомъ кованой», «изъ судовъ коропка сердоничная», что скорѣе указываетъ на шкатулку изъ яшмовыхъ плитокъ, оправленныхъ въ золото. И эта шкатулка дана «княгинѣ съ меншими дѣтми» Калиты вмѣстѣ съ золотомъ, что князь «придобылъ есть, что ему далъ Богъ».

Шитыя оплечья или бармы не были исключительною принадлежностью царскаго сана въ Византіи, но цѣлаго ряда высшихъ чиновъ Имперіи, подъ именемъ маніакія, хотя стали придворнымъ мундиромъ не сразу, а сначала, приблизительно между V—VII столѣтіями, были принадлежностью царскаго сана и присныхъ семьи царской, затѣмъ, по обычаю, теряя въ своемъ значеніи и постепенно размножаясь, одежды съ шитыми оплечьями стали достояніемъ высшихъ военныхъ чиновъ, а послѣ того и гражданскихъ, наконецъ, также излюбленнымъ подаркомъ для варварскихъ князей. Съ того времени оплечья получили и украшенія эмалевыми иконками и императорскими портретами, и уже въ этомъ видѣ явились въ древней Руси принадлежностью князя, какъ въ Византіи—архонта.

И «поясъ большой или великій», завѣщанный Иваномъ Калитою и рано исчезнувшій, можемъ считать княжескою утварью, такъ какъ поясъ былъ издревле у всѣхъ народовъ Востока принадлежностью военнаго облаченія полководца и народнаго владыки. Въ самой Византіи, во времена древнія, облаченіе царя при вѣнчаніи составляли: дивитисій съ золотыми клавами и поясъ, въ то время, когда его подымали на щитѣ. Во времена Константина Порфиророднаго, поясъ былъ отличіемъ (βραβεῖον) сановъ: куропалата и нобилиссима, выше которыхъ тогда былъ только кесарь.

Краткій обзоръ свѣдѣній о томъ, какъ князья возводились на княженіе, показываетъ съ достаточною убѣдительностью, что особо вручаемыхъ знаковъ власти при возведеніи на великокняжескій престолъ или вовсе не было, и церемонія ограничивалась церковною службою, благословеніемъ, многолѣтіемъ, посаженіемъ на столъ въ церкви и всенароднымъ объявленіемъ, или же эти знаки придумывались на каждый разъ, смотря по тому, что было подъ рукою, какой напр. даже византійскій санъ уже имѣлъ великій князь, хотя послѣдній случай былъ, повиди-

мому, въ эпоху удѣловъ крайнею рѣдкостью. Іоаннъ III уже прямо примѣнилъ «золотую шапку» для вѣнчанія внука по старому чину.

О «Мономаховой шапкѣ» мы ничего не знаемъ изъ письменныхъ свидѣтельствъ великокняжескаго періода, какъ о вѣнцѣ, и даже можетъ быть вопросомъ, дѣйствительно-ли эта шапка разумѣется подъ тою золотою шапкою, которую Иванъ Калита завѣщалъ старшему сыну Симеону, а Иванъ Ивановичъ назначилъ Димитрію Донскому. Подъ именемъ шапки разумѣли также шлемы, и названіе «золотой шапки» остается неопредѣленнымъ.

Общій типъ царскаго вѣнца въ Византіи всегда представлялъ круглый металлическій обручъ—вѣнецъ, болѣе или менѣе богато украшенный. И потому, если въ Византіи совершалось возстаніе, провозглашали новаго императора, то, бывало, шли въ храмъ св. Софіи, снимали одинъ изъ обѣтныхъ вѣнцовъ, висѣвшихъ тамъ подъ киворіемъ и слывшихъ въ народѣ подъ именемъ вѣнцовъ Константина Великаго, и возлагали на голову новаго царя. Это были простые обручи и потому ничѣмъ не отличались въ X—XII вѣкахъ отъ вѣнца «кесаря», который сохранилъ и древнюю форму, и древнѣйшее названіе (στέφανος, не στέμμα). Но къ концу X вѣка византійская корона претерпѣла радикальное измѣненіе, а именно: внутри обруча ея и поверхъ головы устроена была матерчатая тулья, различныхъ цвѣтовъ, укрѣплявшаяся въ металлическомъ перекрестьи, на срединѣ котораго подымался драгоцѣнный крестъ на сферѣ. Извѣстно, что этого креста не было на вѣнцѣ Кесаря, севастократора и прочихъ первыхъ чиновъ Имперіи, но мы не знаемъ, какъ была устроена тулья такого кесарскаго вѣнца, о которой мы узнаемъ изъ разсказа Никиты Хоніата о плѣшивомъ Дукѣ, потерявшемъ въ процессіи по дорогѣ свой вѣнецъ и возбудившемъ смѣхъ своею лысиною въ зрителяхъ.

При взглядѣ на сохранившіяся европейскія короны сразу замѣтно разнообразіе въ ихъ формахъ, а это разнообразіе зависѣло отъ того значенія, какое въ древности европейскія національности придавали титулу императора, царя, короля, князя и пр.

Всѣ свидѣтельства о царскомъ вѣнчаніи Владиміра Мономаха относятся къ XVI вѣку и признаны нынѣ историческою критикою неправдоподобными, потому, прежде всего, что детали свидѣтельствъ не выдерживаютъ этой критики. Напротивъ того, занесенная въ письменность того-же времени легенда о вѣнчаніи Владиміра Святаго признается нынѣ преданіемъ, уцѣлѣвшимъ, быть можетъ, отъ историческаго факта, который остался неотмѣченнымъ. Если монеты представляютъ Владиміра Святаго въ царскомъ орнатѣ, то послѣдній на языкѣ современныхъ монетъ, обозначалъ лишь владыку, властителя, и притомъ такъ-же представлены и князья Святополкъ и Ярославъ: эти изображенія копируютъ византійскія, а извѣстно, что варварскія копіи наиболѣе передаютъ детали изображенія, и потому изъ присутствія креста на коронѣ Владиміра и хламиды было бы слишкомъ смѣлымъ выводить, что онъ былъ вѣнчанъ царемъ по соглашенію съ Византіею.

Властители многочисленныхъ народностей и государствъ, роившихся кругомъ Византіи во всѣ четыре стороны, искали титуловъ исключительно ради регалій, которыя были имъ необходимы въ качествѣ знаковъ сана, освящавшагося съ ихъ принятіемъ въ церкви, изъ рукъ епископа или патріарха. Если и бывало вѣнчаніе, то не «царское», а королевское, великокняжеское и т. д., и великая княгиня Ольга

постояла не только въ «суду», или золотомъ Рогѣ на корабляхъ, пока дожидалась пріема у византійскаго императора, но и на самомъ пріемѣ, какъ архонтисса, постояла долго, вмѣстѣ съ другими архонтиссами, возлѣ сидѣвшей императрицы, пока продолжались привѣтствія и ее пригласили сѣсть. Несомнѣнно, что греческая, ревнивая и даже злостная, по своему эгоизму, политика была выгодна молодымъ націямъ, избавляя ихъ отъ лишняго балласта придворныхъ интригъ, которыя принесла бы съ собою среда византійскаго двора, какъ было напр. у Меровинговъ, тѣмъ болѣе, что, какъ оказывается, это нисколько не мѣшало усвоивать всю обильную мишуру и погремушки придворныхъ чиновъ, какъ и естественно для народа въ молодости.

Еще важнѣе было то, что Византійцы, въ качествѣ умирающей націи, живо интересовались всѣми обычаями, особенно костюмами, народнымъ вооруженіемъ, значками и украшеніями племенъ, и, по мѣрѣ ознакомленія съ ними, въ Константинополѣ одна мода смѣняла другую: мода на Гунновъ, Готѳовъ, Персовъ, Сарацынъ, Булгаръ, Хазаръ, Варяговъ и пр., вплоть до крестовыхъ походовъ, когда мѣсто ихъ заступили Алеманны и Франки. Византійскія власти съ особенною внимательностью отыскивали всякія варварскія украшенія, изощрялись въ ихъ улучшеніи при помощи своихъ мастерскихъ, и затѣмъ выдавали ихъ въ видѣ наградъ и отличій предводителямъ. Въ соотвѣтствіе съ различными чинами, число одеждъ, раздаваемыхъ въ подарки «народамъ», было весьма значительно, а при большомъ дворцѣ, въ кладовыхъ, лежали въ запасѣ всякіе кафтаны, кавадіи, гуни и шубы для варваровъ и ихъ представителей въ церемоніяхъ. Такимъ путемъ произошло большинство всѣхъ знаковъ отличій въ европейскомъ средневѣковьи, а также большинство коронъ, вѣнцовъ, почетныхъ шапокъ, шлемовъ и вообще головныхъ уборовъ, мужскихъ и женскихъ. Такъ, изслѣдованіе русскихъ кокошниковъ и кикъ дало бы намъ, прежде всего, рядъ почетныхъ уборовъ древней Византіи, затѣмъ Руси и средневѣковой Германіи и Польши.

Шапка Мономахова не императорская стемма, не королевская корона — это легко доказать ея внѣшнимъ видомъ, но она легко могла быть «кесарскимъ» шлемомъ или почетнымъ золотымъ шишакомъ «кесаря», владыки «христіанскаго народа по ту сторону Дуная», какъ говорили въ Византіи. Тулья шапки состоитъ изъ восьми золотыхъ коническихъ пластинъ (почти треугольныхъ, но съ расширеніемъ или выгибомъ и чуть срѣзанныхъ наверху), выгнутыхъ плоскимъ полукругомъ и соединенныхъ или, точнѣе, сдвинутыхъ вплотную одна съ другою. Наверху всѣ пластинки подведены подъ вѣнечное полушаріе или полусферу, съ утвержденнымъ на ней крестомъ; ниже пластинъ соболья опушка, прикрѣпленная къ внутренней матерчатой шапкѣ, тулья которой укрѣплена оловяннымъ переплетомъ; соболья опушка возобновлена въ нашемъ вѣкѣ, но существовала уже въ XVII, какъ доказываютъ изображенія и описи, а сфера съ крестомъ должна была принадлежать XVI вѣку.

Древнѣйшая часть шапки — восемь пластинокъ; теперешнее полушаріе надъ ними является позднѣйшимъ придаткомъ и не подходитъ къ общей формѣ пластинокъ; концы пластинокъ орнаментированы полукругами, которые должны были имѣть продолженіе, а оставляемое пластинками свободное отверстіе имѣетъ ха-

рактерную форму звѣзды и не могло закрываться сферою или полушаріемъ. Слѣдовательно, присутствіе креста на сферѣ въ Мономаховой шапкѣ есть такой-же позднѣйшій придатокъ, какой имѣется и въ коронѣ венгерской и въ коронѣ Карла Великаго; въ XII—XIII вѣкахъ на западѣ знали хорошо, что крестъ на коронѣ означаетъ корону царскую, а потому и прибавили его; такъ сдѣлали и у насъ въ XV или XVI вѣкѣ. Именно эта прибавка ясно показываетъ, что царскаго вѣнца у насъ не было и надо было передѣлать на него великокняжескій. Но если не могло быть здѣсь креста, то, напротивъ, легко могла быть обычная звѣздообразная крышечка шишака, или восьмигранная розетка съ шипомъ или чашечкою для укрѣпленія въ ней пера (aigrette), султанскаго или княжескаго украшенія, и это вполнѣ согласуется съ формою золотыхъ шишаковъ изъ восьми—десяти золотыхъ пластинъ, скрѣпленныхъ наверху, въ XV—XVI вѣкахъ на Востокѣ, въ частности въ Индіи. Всего вѣроятнѣе, что отверстіе прикрывалось восьмистороннимъ конусомъ, а не полушаріемъ, наверху былъ промежуточный шарикъ и на немъ лилейная чашечка съ перомъ, или вмѣсто шарика, большая жемчужина въ гнѣздѣ или драгоцѣнный камень, что низъ шапки первоначально не былъ мѣховой, а составлялъ ободъ или обручъ, также золотой, украшенный также сканью, и рано отнятый по неизвѣстной причинѣ. Дѣйствительно, низъ тульи раздѣланъ особымъ орнаментомъ и былъ покрытъ жемчужными нитями, очевидно не для того, чтобы быть закрытымъ мѣховою опушкою. Если теперь эта опушка не закрываетъ низа, то и носить шапку въ современномъ видѣ нельзя, такъ какъ золотыя пластинки держатся на ней исключительно на выставкѣ короны подъ стекляннымъ колпакомъ, на подушкѣ, какъ она и помѣщена въ Оружейной Палатѣ, а если неосторожно поднять шапку за сферу, что естественно, при ношеніи шапки, то исподняя шапка съ опушкою должна выпасть. Если же мы представимъ себѣ, далѣе, что нижній ободъ былъ золотой и гладкій, набранный только сканью, то вся шапка въ этомъ видѣ будетъ походить на восточный шишакъ но, конечно, шапка Мономахова, не была уже собственно боевымъ шлемомъ или шишакомъ, что доказывается ея уборомъ, хотя форма гнѣздъ показываетъ, что они устроены уже въ нынѣшнемъ вѣкѣ, но со старинными камнями.

Скань или филигрань Мономаховой шапки заслуживаетъ исключительнаго вниманія: она относится къ типу, наиболѣе рѣдкому — «ленточной» филиграни, исполняемой изъ тонкихъ листовыхъ ленточекъ, выгнутыхъ и припаянныхъ къ лоточку, безъ зерни,—какъ-бы фактура перегородчатой эмали, но безъ самой эмали. Стало быть, здѣсь нѣтъ нитей, нѣтъ сученія, нѣтъ скани, и побѣждена высшая техническая трудность: нарѣзать совершенно ровныхъ, тонкихъ ленточекъ и припаять ихъ, не измявъ и не погнувъ неправильно; то, что въ перегородчатой эмали дѣлается въ сравнительно малыхъ размѣрахъ, по необходимости, лишь для контуровъ, здѣсь исполняется для крайне сложнаго и мелочнаго рисунка. Понятно, почему такого рода филигрань встрѣчается лишь въ небольшихъ частяхъ, для рисунковъ или геометрическихъ фигуръ, или цвѣтовъ, но среди обычной скани, и также понятно, почему такая утонченная техника была употреблена для великокняжескаго вѣнца. Эта высшая по технической утонченности скань существовала лишь въ византійскую эпоху, когда производилась изъ ленточекъ перегородчатая эмаль.

Такою сканью заполнено все поле пластинъ, кромѣ жгутовыхъ бордюровъ, выполненныхъ не скрученной золотою проволокою, нѣсколько острою и царапающею, но зерновымъ штабикомъ. Въ скани оставлено мѣсто только для большихъ «саженыхъ» жемчужинъ, по три на каждой пластинѣ, а болѣе никакихъ камней не было. Такого рода исключительное украшеніе жемчугомъ по золотой вещи имѣло мѣсто въ Византіи въ XI — XII вѣкахъ. Масса мелкихъ дырочекъ, повсюду наколотыхъ, въ пластинкахъ нашей шапки, остались отъ прежнихъ жемчужныхъ нитей: жемчужины сидѣли въ ячейкахъ розетокъ, репей, въ желобкахъ и по оригинальной каймѣ шапкѣ, то зернами, то густыми рядами. Такими гладкими ленточками или перегородочками выполнены въ Мономаховой шапкѣ не всѣ извивы скани, но лишь особыя части рисунка, какъ цвѣты или предметы на общемъ фонѣ скани, а именно: розетки, цѣпь, репья или индѣйскія пальметки, большія арабскія розетки, крестообразные или четырехлепестковые цвѣтки, арабески геометрическаго арабскаго рисунка и, наконецъ, восьмерки и завитки по бордюрамъ и желобки, согнутые въ видѣ гаммы. Но затѣмъ, вся общая скань, составляющая растительные разводы, исполнена тою-же ленточною сканью, *но съ насѣчкою* поверхъ и наискось, такъ что она, видимо, подражаетъ ссученой и сплюснутой скани, при чемъ мастеръ, если ему приходилось покрывать насѣчкою двѣ ленточки, лежащія рядомъ, дѣлалъ и насѣчку двойную, ища, видимо, убѣдить, что скань исполнена изъ ссученныхъ нитей. Эта насѣчка скани на растительныхъ ея разводахъ проведена такъ неуклонно, что, въ то время, какъ всѣ геометрическія орнаментальныя формы исполнены гладкими лентами, напротивъ того, даже вѣточки внутри арабесокъ опять покрыты насѣчкою: стало быть, она такъ или иначе связана именно съ растительными украшеніями.

Переходя къ орнаментальной схемѣ рисунковъ, выполненныхъ сканью на шапкѣ, мы должны замѣтить, прежде всего, что эта схема чисто византійская, не слѣдуетъ никакому декоративному плану и покрываетъ безконечною сѣтью разводовъ всѣ пластинки восьми граней шапки. Единственныя декоративныя построенія представляютъ, во-первыхъ, архитектурно расположенныя гнѣзда жемчуга и нити его, а во-вторыхъ, отдѣльные цвѣтки, помѣщенные въ опредѣленномъ планѣ, а не брошенные на общемъ полѣ, какъ въ восточномъ искусствѣ. Весьма важно также замѣтить, что изъ восьми пластинъ 4 одинаковаго рисунка съ мелкими розетками, 3 одинаковаго съ арабскимъ цвѣткомъ и 1 пластинка особеннаго рисунка со звѣздами. На этой пластинкѣ не три жемчужныхъ гнѣзда, а *четыре, расположенныхъ крестомъ:* очевидно, что это пластинка *лицевая.*

Орнаментація шапки и отдѣльные ея рисунки принадлежатъ византійскому искусству XI—XII вѣковъ и не имѣютъ ничего общаго съ поздне-татарскими, обыкновенно весьма грубыми, филиграневыми издѣліями, которыя мы знаемъ въ среднеазіатскихъ современныхъ издѣліяхъ Хивы, Бухары и Самарканда. Главный рисунокъ — виноградные побѣги, или разводы — завитки виноградной лозы, которые съ IV вѣка появились въ Византіи изъ римской орнаментики, и послѣ тысячелѣтней переработки въ византійскомъ орнаментѣ, усвоены были едва-ли не всею Европою и Азіею. Здѣсь мы находимъ особенное осложненіе орнамента: усики лозы становятся короткими, сидятъ рядами по *внутренней* сторонѣ

вѣтки и, такимъ образомъ, заполняютъ совершенно волюту, а по 4 угламъ четыреугольнаго поля ея помѣщено по два, по три усика въ каждомъ. Въ загибѣ каждаго усика сидитъ блестящее зернышко, и потому поле походитъ на филигранное, не будучи имъ въ сущности. Мы знаемъ пока точно такую-же орнаментацію только на серебряномъ кіотѣ древней рукописи Евангелія въ Гелатскомъ монастырѣ, XIII—XIV в. Обыкновенно рисунокъ подобныхъ завитковъ не закрываетъ сплошь поля, усики разставлены и, кромѣ того, прижаты къ вѣткѣ, изъ которой выходятъ, чѣмъ возстановляется, до извѣстной степени, первоначальный римскій типъ, тогда какъ здѣсь возобладалъ уже восточный орнаментальный принципъ. Внутри разводовъ выполнены рисунки: розетокъ съ привѣшенными подобіями цѣпочекъ изъ репьевъ, форма которыхъ близко напоминаетъ цѣпи на готскихъ коронахъ извѣстнаго клада Гварразара близь Толедо, VII вѣка; наши цѣпочки поддерживаютъ пару жемчужинъ; затѣмъ исполнены цвѣты крестообразной формы; протянутыя отъ этихъ цвѣтковъ цѣпочки представляютъ сассанидскій типъ ряда плющевыхъ листьевъ. Далѣе, въ срединѣ пластинокъ находимъ или такъ наз. арабскій цвѣтокъ (византійская схема XI—XII в. въ миніатюрахъ), или арабскую геометрическую фигуру съ розеткою внутри. Пластинки выполнены всѣ въ двухъ рисункахъ, мало чѣмъ разнящихся. По бордюру ихъ протянуты ряды восьмерокъ, очень характерной формы.

По нижней каймѣ шапки идетъ оригинальный рисунокъ, подобіе меандра, составленнаго изъ сомкнутыхъ буквъ *гамма* или глаголей, но въ существѣ представляющихъ ту-же форму желобковъ для жемчужныхъ нитей, которую мы находимъ на византійскихъ издѣліяхъ. Несомнѣнно, это рисунокъ арабскаго стиля и онъ не только напоминаетъ арабскія буквы наклоненіемъ своихъ линій, но и вся кайма какъ-бы подражаетъ молитвенной надписи, обычно находящейся на краяхъ шлема, въ данномъ случаѣ неумѣстной. Мы находимъ подобныя коймы на коробочкахъ съ талисманами X столѣтія въ восточной Россіи.

Еще тѣснѣйшее опредѣленіе древней скани Мономаховой шапки получаемъ сравненіемъ съ фактурой скани на окладѣ извѣстнаго (рис. 27) Мстиславова Евангелія (ок. 1125 г.), хранившагося въ Архангельскомъ Соборѣ, а нынѣ перенесеннаго въ Патріаршую ризницу и, такимъ образомъ, спасеннаго, быть можетъ, отъ разрушенія вслѣдствіе небрежнаго храненія и сырости. Образки оклада принадлежатъ весьма различнымъ эпохамъ: X и XII вѣку — эмали византійскаго происхожденія, XIII в.— древнерусскія эмали, и наконецъ 1551 года позднѣйшія русскія финифти. Скань оклада представляетъ только на первый взглядъ значительное сходство по рисунку съ древнѣйшими памятниками, вродѣ Мономаховой шапки: основу рисунка составляютъ разводы изъ закручивающейся вѣточки съ крутящимися усиками, волюты составляютъ различныя геометрическія фигуры, группируются около четырехъ розетокъ, украшены ложбинами съ жемчугомъ, крупными, сажеными жемчужинами и пр. Но это скань не золотая, а серебряная, золоченая, на серебряной позолоченной-же доскѣ, и по фактурѣ относится къ разряду «плоской», серебряной скани, употреблявшейся для украшенія русскихъ памятниковъ, преимущественно иконныхъ окладовъ, панагій, крестовъ, въ XV и XVI столѣтіяхъ. Эта скань вовсе не носитъ отличительныхъ признаковъ XII сто-

27. Окладъ Мстиславова Евангелія (1125 г.), въ Патріаршей ризницѣ.

лѣтія. Древнѣйшая скань, или филигрань, во время процвѣтанія въ Византіи золотыхъ дѣлъ мастерства, была двухъ родовъ: или въ видѣ сѣти изъ припаянныхъ на ребро тончайшихъ пластинокъ, подобныхъ тѣмъ, промежутки которыхъ наполнялись эмалью, или въ видѣ золотыхъ веревочекъ, расположенныхъ завитками. Въ обоихъ случаяхъ скань употреблялась по преимуществу золотая, имѣла довольно значительное возвышеніе надъ уровнемъ основанія, словомъ, имѣла видъ накладки. Такова скань круглой бляшки въ находкѣ кургана Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи: эта скань изъ позолоченнаго серебра имѣетъ совершенно тотъ-же типъ, что въ Мстиславовомъ Евангеліи: здѣсь, хотя и есть гладкіе репейки, но остальная скань грубо ссученная, а звѣздочки наведены красною и голубою финифтью, и скань представляется сплюснутою по позднѣйшему шаблону, хотя и самый типъ украшеній, и жемчужныя гнѣзда еще напоминаютъ древній образецъ.

Мы должны признать Мономаховъ вѣнецъ византійскимъ памятникомъ, который былъ выполненъ не въ Константинополѣ, но или въ Малой Азіи или на Кавказѣ, или въ самомъ Херсонѣ, словомъ, въ мѣстности, гдѣ византійское искусство въ XI—XII вѣкахъ соприкасалось съ развитымъ арабскимъ орнаментомъ. Мономахову шапку, по деталямъ техники, необходимо относить къ XII вѣку.

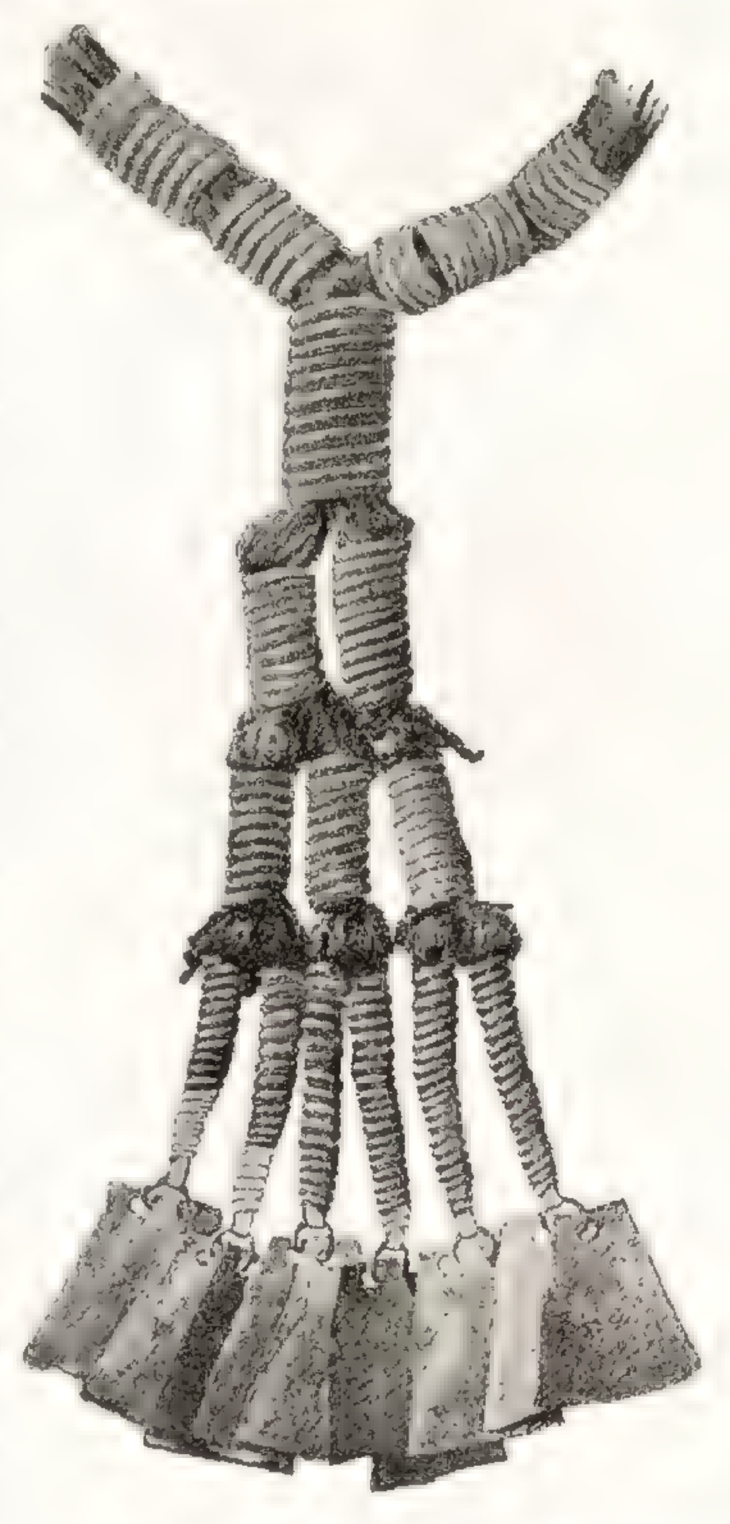
Мы имѣемъ множество памятниковъ X—XII вѣковъ, украшенныхъ именно по золоту тонкими филигранями разныхъ типовъ, сканью «веревочною» и пр., исполненныхъ не только въ самой Византіи, но и въ Италіи, Франціи, Германіи и Россіи. Между тѣмъ, тѣже нами описанные виды филиграни находимъ и въ византійскихъ и арабскихъ произведеніяхъ: а именно, филигрань исполняется изъ ссученныхъ и сплющенныхъ въ ленту нитей, которыя спаиваются по нѣскольку, рядомъ, образуя какъ-бы пучекъ упругихъ побѣговъ, которые только при концѣ загибаются усикомъ и охватываютъ зернышко. Внутри этихъ разводовъ, и отчасти поверхъ ихъ, припаивается гнѣздо съ камнемъ, которое, будучи приподнято надъ золотою поверхностью, получаетъ лучи, отраженные ею, и болѣе свѣтится.

Самое важное явленіе руссковизантійской среды есть связь русской жизни съ византійскою культурою. Утвердить эту связь варварской культуры съ ранѣе ея развившимися значитъ только подтвердить законъ непрестаннаго прогресса въ исторіи. Жизнь свѣжей національности въ сосѣдствѣ съ граждански-развитымъ обществомъ направляетъ всю чуткую воспріимчивость ея въ сторону заимствованія, усвоенія, а затѣмъ и соперничества, и эти отношенія проникаютъ глубоко во всю народную жизнь, разносимыя изъ города и быта высшихъ сословій въ жизнь села и простонародья. Таково было вліяніе Византіи на древнюю Русь, пока она была ея непосредственною сосѣдкою въ Херсонесѣ, Тмутаракани (въ XI вѣкѣ) и пока это-же византійское вліяніе приносили православная Грузія, Галичъ, берега Дуная, торговыя сношенія съ Царьградомъ. За это время чинъ великокняжескій, убранство обрядовое, знаки отличія и достоинства, внѣшнія формы, все это должно было видоизмѣниться въ связи съ византійскими формами. Предпославъ эти замѣчанія, необходимыя для пониманія русскихъ древностей до-монгольскаго періода, мы можемъ теперь перейти къ разсмотрѣнію открытыхъ въ почвѣ Россіи памятниковъ этой эпохи.

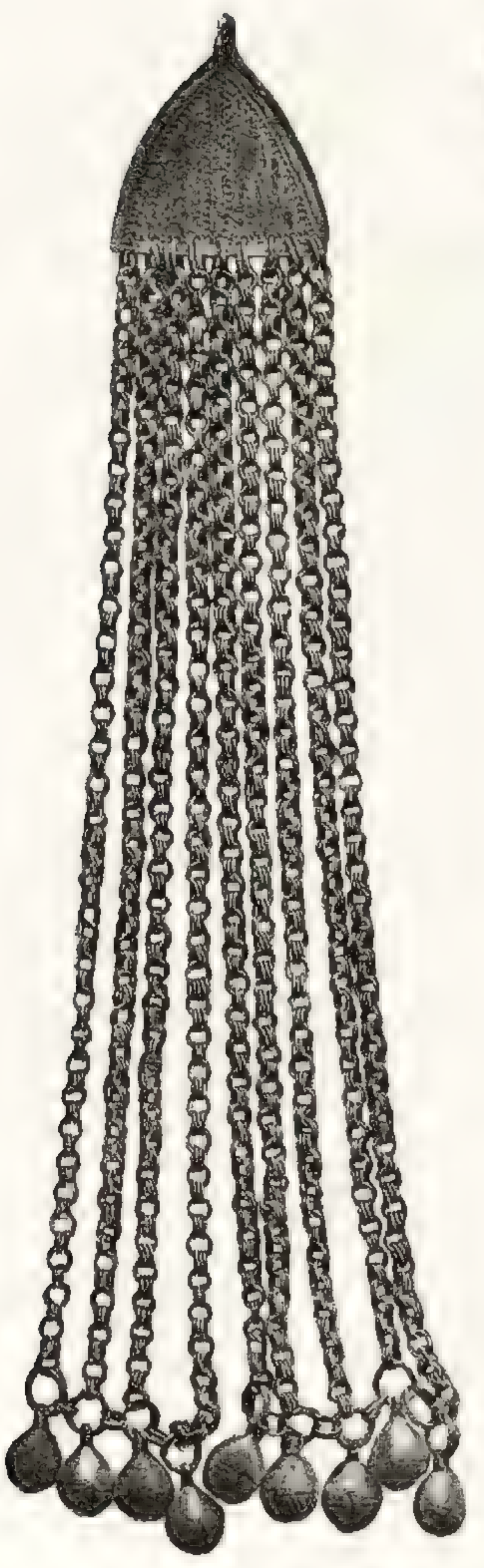

28. Головной уборъ изъ Люцинскаго могильника.

Общій обзоръ русскихъ курганныхъ древностей можно условно начать съ Запада, откуда пришли Славянскія племена въ своемъ обратномъ движеніи съ береговъ Дуная, будучи-ли потѣснены другими, или, скорѣе, въ поискахъ за нетронутыми мѣстами. *Люцинскій* могильникъ, открытый случайно въ 1889 г. близь самаго г. Люцина, Витебской губ., представляетъ преимущественно различные способы погребенія, изрѣдка трупосожженія и нѣсколько случаевъ закапыванія отдѣльно вещей, принадлежавшихъ покойнику и чаще изломанныхъ, послѣ того, какъ трупъ былъ сожженъ, или же вещей, приносившихся въ даръ на тризнѣ и, по обычаю, предварительно поврежденныхъ. Трупы оказывались одѣтыми въ шерстяныя рубахи, застегнутыя у ворота пряжкою и у мужчинъ перехваченныя кожанымъ поясомъ. У женщинъ верхняя одежда короче даже шушуна, что заставляетъ предполагать окутываніе ногъ. Оригинальная грубая шерстяная ткань, пронизанная рядами колечекъ, служила оборкою и оканчивалась бахромою или изъ шнурковъ, или чаще изъ мелкихъ бронзовыхъ спиралекъ. Такая бахрома, по своей длинѣ и своему составу, принадлежитъ къ первымъ признакамъ восточнаго характера тканей, очевидно подражающихъ драго-

29. Уборъ косъ изъ Люцина.

30. Плечевыя цѣпи изъ Люцина.

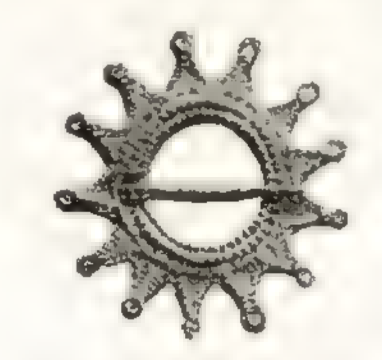
31. Фибула изъ Люцина.

цѣннымъ тканямъ, привозившимся съ Востока на варварскій Сѣверъ. Любопытны остатки головныхъ покрововъ съ бахромою, напоминающихъ византійскій маорій, и головные уборы, въ видѣ шерстяного жгута, унизаннаго проволочными спиральными кольцами, обыкновенно сплющенными, а иногда перстнями и кольцами съ пальцевъ; это, вѣроятно, воспроизведеніе римско-византійскихъ головныхъ уборовъ, въ которыхъ одна коса кладется кругомъ на голову и переплетается жемчужными нитями, а затѣмъ раздѣляется на много концовъ, почему и здѣсь спирали сдѣланы изъ рубчатой проволоки; въ поволжскихъ древностяхъ мѣдными кольцами убирается настоящая коса; подвѣсками служатъ бубенчики, листья (поталы) и колпачки (рис. 29). Нѣсколько рядовъ мелкихъ спиралей, перехваченныхъ пластинками, образуютъ особую головную повязку или діадему (рис. 28), преимущественно въ мужскихъ погребеніяхъ.

На шеѣ женскихъ костяковъ встрѣчается по двѣ, по три толстыхъ бронзовыхъ витыхъ гривны или обруча, ожерелья изъ раковинъ и цѣпи; въ гривнахъ замѣчательны петли въ видѣ сгибня и наглавника, въ него входящаго; на ожерельяхъ попадаются бусы, преимущественно бронзовыя, мѣдныя побрякушки и амулеты въ видѣ медвѣжьихъ костей и зубовъ, фигурки уточекъ и собачекъ, но ожерелій съ монетами доселѣ не найдено; бусы изъ стекла очень рѣдки. Грудь покрывалась цѣпями, цѣпочками, ожерельями въ видѣ цѣпей изъ крупныхъ колецъ, все это съ рядами подвѣсныхъ украшеній, громыхающихъ, звенящихъ и «торохтящихъ» на ходу; чаще встрѣчаются короткія цѣпочки, по три, четыре, даже по девяти, привѣшанныя къ бляхѣ или пряжкѣ, укрѣплявшейся на плечѣ (рис. 30). Фибулы встрѣчаются здѣсь еще въ архаическомъ типѣ арбалета (рис. 31), но рѣдко; обычная форма пряжекъ — кольцо (рис. 32 и 33), разомкнутое въ одной части и снабженное поперечною иглою; часто пряжки эти очень массивны, выбиты на шесть граней, орнаментированы наколомъ; большинство мелкихъ пряжекъ встрѣчено на шеѣ и на поясахъ. Гривны — въ видѣ плоскихъ серпообразныхъ колецъ (рис. 34). Украшенія ременныхъ поясовъ, носившихся только мужчинами, отличаются бѣдностью и грубостью: это рядами расположенныя (рис. 35) мѣдныя бляшки, съ самымъ незатѣйливымъ орнаментомъ въ видѣ плетеныхъ узоровъ или даже просто веревочекъ; къ пластинкамъ прикрѣплены колечки, внутри поясъ проложенъ берестою; бляшки часто имѣютъ

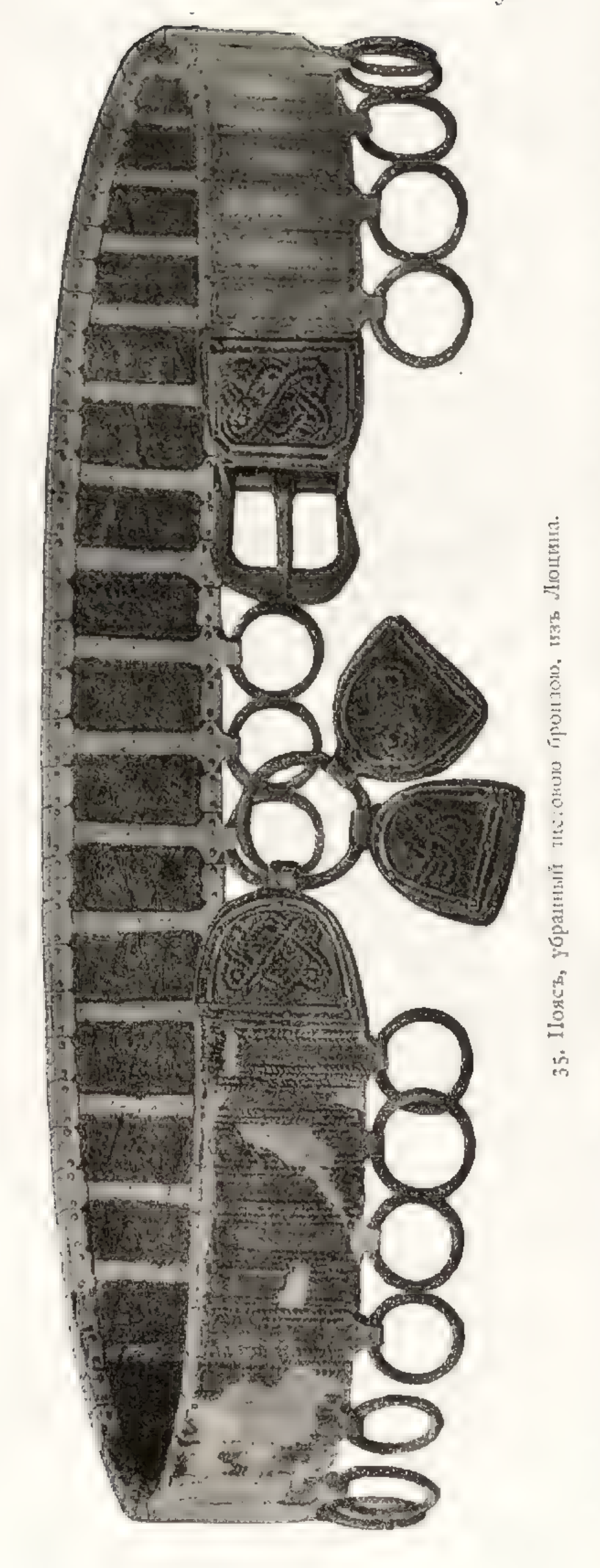
32. Фибула изъ Люцина

33. Пряжка изъ Люцина.

34. Люцинъ. Шейная гривна.

35. Поясъ, убранный листовою бронзою, изъ Люцина.

форму плющеваго листа,—наслѣдіе антика, переданное, однако, восточнымъ искусствомъ; иногда онѣ украшены грековосточнымъ узломъ; къ поясамъ привѣшивались ножи, шилья и пр. Наиболѣе характернымъ предметомъ въ Люцинскихъ древностяхъ являются массивные ручные браслеты и кольца, встрѣчающіяся на мужскихъ и женскихъ костякахъ одинаково часто и по нѣскольку разомъ. Непонятенъ видъ мужскихъ браслетовъ (рис. 36), имѣющихъ крайне неудобную, даже странную форму плоскаго и круглаго щитка, внутри котораго вырѣзано отверстіе (замѣчательно малое) для руки; образованное такимъ образомъ кольцо, во 1-хъ, разрѣзывается (не всегда), для того, чтобы можно было разгибать его по мѣрѣ надобности, и во 2-хъ, сплющивается по краямъ, въ видѣ рубчика, для того, чтобы оно не рѣзало тѣла. Доселѣ неизвѣстно происхожденіе этой странной вещи, которую иные считаютъ браслетомъ, другіе орудіемъ для тетивы, третьи — вотивнымъ, клятвеннымъ кольцомъ, или же налучнымъ кольцомъ, укрѣплявшимся на лукѣ для вѣрнѣйшаго направленія стрѣлы. Второй типъ браслетовъ имѣетъ видъ крупныхъ массивныхъ колецъ или, вѣрнѣе, согнутыхъ трубокъ, украшенныхъ ромбиками, наколами и плетеніями. Третій видъ—женскіе широкіе спиральные наручи и налокотники (рис. 37 и 38), изъ бронзовой ленты, свернутой въ десять и болѣе оборотовъ, украшенныхъ снаружи гранями или наколомъ,

и, наконецъ, пластинчатые браслеты изъ металлической ленты, съ городками и кружочками, со змѣиными наглавниками. Перстни встрѣчены именно въ этомъ-же типѣ спиралей, тогда какъ серегъ вовсе не найдено, что характерно для этого могильника. Одна замѣчательная булавка (рис. 39), съ плетеніемъ и конскими головами варварскаго восточнаго типа, усвоеннаго скандинавскимъ сѣверомъ, оказалась вызолоченною.

36. Браслетъ изъ Люцина.

Всѣ украшенія носятъ характеръ массивности, преувеличенія и грубости, свойственныхъ подражательнымъ древностямъ, каковыми были, напримѣръ, финскія, но вопросъ о томъ, какому именно племени Литовцевъ, Латышей, Ливовъ эти древности принадлежатъ, какая была здѣсь примѣсь Славянства, долженъ оставаться до времени не разрѣшимымъ. Подобныя Люцинскимъ находки сдѣланы и въ другихъ мѣстахъ Витебской губерніи, вообще замѣчательно богатой древностями. Такъ, въ Рѣжицкомъ уѣздѣ (дер. Шкляры), найдены были подобные массивные браслеты изъ бронзы съ спиральной насѣчкою, узкія спирали, пластинка въ формѣ треугольника съ цѣпочками, а въ Невельскомъ уѣздѣ найдена каменная форма для отливки имитацій куфическихъ диргемовъ.

Въ *Виленской губ.*, въ окрестностяхъ Свѣнціянъ, встрѣчены могильники, однозначущаго съ Люцинскимъ характера: тутъ найдены большіе бронзовые наручи, спиральныя кольца, нанизывавшіяся на косу, витыя гривны съ наглавниками, пластинчатые браслеты, гривны въ видѣ плоской ленты, увѣшанныя множествомъ поталовъ, бубенчиковъ и звонковъ (въ Литвѣ — эмблема дѣвичества), и шейные обручи съ широкою срединою ромбоидальной формы. Тамъ-же встрѣчены фибулы Люцинскаго типа, украшенныя красною эмалью. Въ мѣстечкѣ Мѣжаны, близь Свѣнціянъ, находимы были не разъ эмалевыя вещи: подвѣски, въ видѣ крестика и прорѣзнаго полулунія, съ красною и зеленою эмалью, совершенно тождествен-

37. Наручъ изъ Люцина.

38. Налокотникъ изъ Люцина.

ныя съ эмалевою подвѣскою Кіевской губ. Изъ окрестностей Вильны и разныхъ мѣстностей Виленской губерніи также происходятъ эмалевыя вещи: бронзовыя фибулы, подвѣсные или ременные кружки; разныя ажурныя пластинки и другія вещи открыты въ раскопкахъ близь Нарвы. Такимъ образомъ, эти эмали, вмѣстѣ съ находками Мощинскаго городка, Масальскаго уѣзда, Калужской губ., связываютъ примитивные типы Люцина съ древностями скандинавскими и прибалтійскими. Въ тѣхъ-же Мѣжанахъ раскопки обнаружили, однако, позднѣйшій типъ височныхъ колецъ различныхъ размѣровъ, всего чаще съ ромбическими расширеніями, лунницы, витыя пряжки, сережки съ тремя пупырчатыми бусами и витые перстни.

39. Булавка изъ Люцина.

Въ западной части *Витебской губ.* (Инфлянты), открыты недавно значительные финскіе могильники на берегу Канинскаго озера, въ Люцинскомъ и Двинскомъ уѣздахъ: здѣсь опять встрѣчаемъ головные жгуты изъ спиралей, шейныя пластинчатыя гривны, множество цѣпочекъ, массивные браслеты описаннаго вида, кольчужныя ткани и, наконецъ, пряжку съ гнѣздами красной эмали, указывающей, быть можетъ, на VI — VII стол. Вблизи границы Лифляндской губерніи, при дер. Дрейманахъ обнаруженъ могильникъ VIII — IX в., съ вещами, напоминающими Тамбовскія находки.

Спиральные браслеты и наручи, бронзовыя цѣпочки встрѣчаются во многихъ находкахъ Лифляндіи и Литвы; сходство съ Люциномъ представляютъ находки 1888 г. близь Вендена, Лифляндской губерніи, открытыя при проведеніи желѣзной дороги, въ кучѣ изъ кусковъ толстой шерстяной ткани и грубаго полотна, бронзовыхъ цѣпочекъ съ подвѣсками въ видѣ пѣтушковъ и бубенчиковъ, раковинъ и пр.; здѣсь найдены разомъ десятки спиралей, составлявшихъ украшеніе косъ, большихъ спиральныхъ браслетовъ и мелкихъ спиральныхъ колечекъ и трубочекъ, свитыхъ изъ ленты и надѣтыхъ или на шкуры, или на массивныя шейныя гривны.

40. Пряжка изъ Люцина.

Но большинство находокъ сѣверозападнаго края относится уже къ болѣе поздней эпохѣ, отмѣченной скандинавскими овальными фибулами, составляющими сравни-

тельную рѣдкость въ древностяхъ Россіи, и то за время весьма ограниченное, а именно IX и X столѣтія.

41. Чашечная фибула скандинавскаго типа.

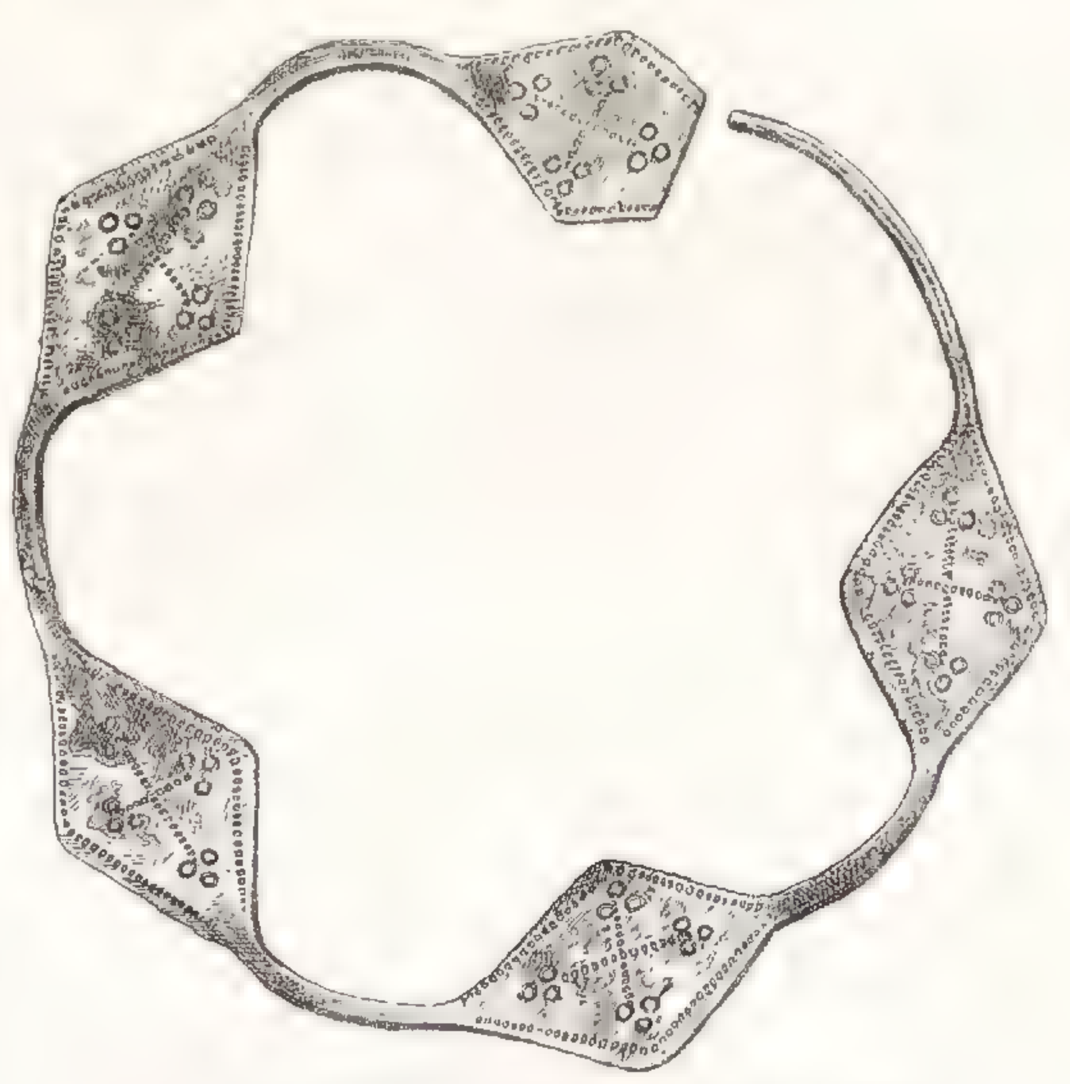
Многочисленны находки въ *южномъ Приладожьи*, по рѣкамъ Ояти и Пашьи, Новгородской губ., Тихвинскаго уѣзда, и Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, Петербургской губ., до теченія Волхова на западъ. Всѣ находки сдѣланы въ курганахъ, всегда малаго размѣра, насыпанныхъ на слоѣ пепла, или по настилкѣ изъ валуновъ, надъ погребеніями и весьма рѣдко надъ сожженнымъ трупомъ. Найденныя въ курганахъ монеты относятся къ разряду: аббасидскихъ VIII и IX в., саманидскихъ X в. и западныхъ — XI столѣтія. Систематическія раскопки доставили обширную группу характерныхъ древностей, между которыми первое мѣсто занимаютъ именно фибулы. Фибулы представляются здѣсь въ формѣ чаши, обыкновенно овальной, рѣже круглаго щитка, еще рѣже — трилистника, всегда сдѣланы изъ бронзы. Чашечныя фибулы встрѣчаются парами и состоятъ изъ бронзовой чашечки, или отлитой и затѣмъ орнаментированной рѣзьбою, или выбитой изъ листа, иногда съ ажурною орнаментальною накладкою изъ листа на толстой отлитой чашкѣ. Часто къ фибулѣ подвѣшивается цѣпь, иногда двѣ фибулы на плечахъ соединены висящею на груди цѣпочкою. Фибулы встрѣчаются въ Финляндіи (того-же неопредѣленно-вялаго, ремесленно-подражательнаго характера), Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи, далѣе во Владимірской и Ярославской губ., въ древностяхъ такъ наз. Мерянъ, и въ двухъ случаяхъ: въ Двинскѣ и въ Гнѣздовскомъ могильникѣ близъ Смоленска. Разновидность этихъ фибулъ, круглыя или щитообразныя, съ такою-же орнаментацію и тоже иногда съ наколкою, встрѣчаются также у Мерянъ, какъ и фибула въ видѣ трилистника, найденная, впрочемъ,

только въ одномъ экземплярѣ и ведущая свое начало отъ древнихъ восточныхъ пряжекъ на портупеяхъ.

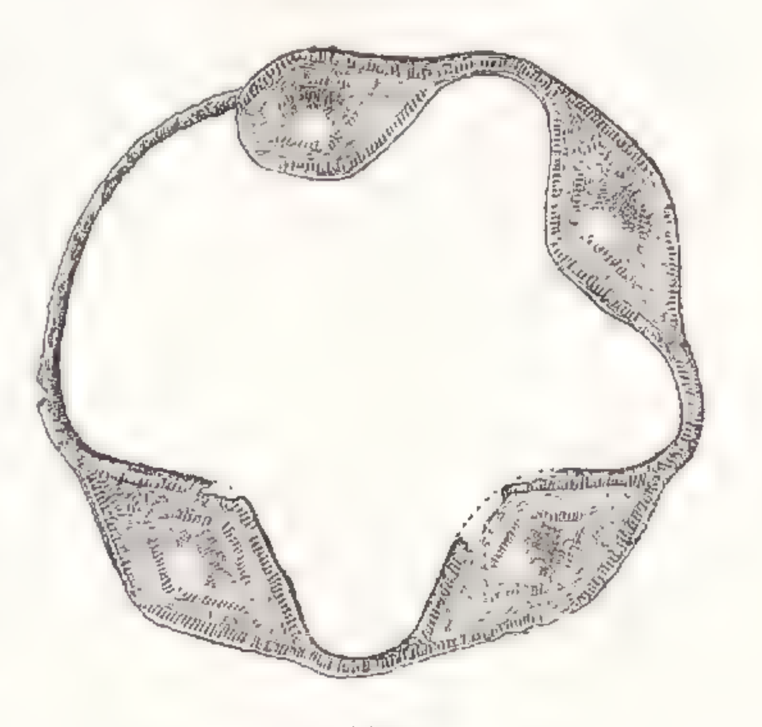
Многочисленны круглыя пряжки, съ иглою, въ видѣ кольца о трехъ граняхъ, чаще маленькія, отъ 0,1 до 0,01 м.; иногда кольцо разомкнуто и снабжено наглавниками. Гривны или шейные обручи грубо насѣчены спиралью изъ бронзы и серебра; послѣднія бываютъ витыя и вырѣзанныя изъ листа съ орнаментомъ въ видѣ зерневыхъ пирамидокъ, какъ въ могильникахъ Тамбовской губерніи. Браслеты изъ бронзы грубой работы, литые, массивные, въ видѣ калачика, покрыты углубленными зигзагами, которые въ восточныхъ издѣліяхъ затирались эмалевымъ составомъ подъ бирюзу; эти браслеты встрѣчаются также у Мерянъ, но имѣютъ особенное распространеніе на западъ и сѣверъ; по существу, орнаментъ грубо воспроизводитъ вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ и господствовалъ въ VII—VIII столѣтіяхъ. Такъ называемыя височныя кольца хотя и встрѣчаются въ Приладожьи, но рѣдко и въ небольшихъ экземплярахъ и, видимо, не составляютъ характерной особенности, какъ на западѣ и въ центральныхъ губерніяхъ. Собственно серегъ почти нѣтъ, а какія есть, представляютъ только грубое подражаніе серьгѣ обычнаго типа съ тремя бусами; вмѣсто перстней иногда употребляются спиральныя колечки. Ожерелья изъ бусъ, стеклянныхъ, шиферныхъ и горнаго хрусталя, рѣдки, иногда мониста составляются изъ сердоликовъ и желтыхъ бусъ, съ диргемами или прорѣзными бляшками. Главное мѣсто между древностями Приладожья образуютъ подвѣски и подвѣсныя украшенія: тѣ и другія крайне тяжелы, массивны, грубо имитируютъ филиграневыя издѣлія изъ благородныхъ металловъ; это имитированіе — повидимому, наиболѣе ясный признакъ финнскихъ народностей и составляетъ характеръ ихъ привычныхъ украшеній и на западѣ, и на отдаленномъ востокѣ. Въ числѣ подвѣсокъ важнѣе другихъ имѣющія форму животныхъ: фигурки гуся, утки, сдѣланныя изъ бѣлаго металлическаго сплава, снабженныя бубенцами, цѣпочками; затѣмъ встрѣчаются подвѣсныя лунницы, имитаціи нагрудныхъ плетеныхъ кошельковъ изъ бронзовой проволоки, всего чаще украшенныхъ конскими головками, по низу же колечками для подвѣшиванія къ этому кошелю или открытому карману подобій гребенки, уховертки, ключей, ложки и пр. Подвѣски, въ видѣ баранчиковъ съ цѣпочками, тождественны съ пріуральскими и сибирскими. Наконецъ, ременныя наборныя бляшки, штампованныя условнымъ, наиболѣе обычнымъ орнаментомъ арабскаго цвѣтка или плющеваго листа, и позолоченныя, ничѣмъ не отличаются отъ издѣлій Тамбовскаго могильника, кромѣ достоинства исполненія и матеріала. Особенно любопытны въ приладожскихъ курганахъ большія желѣзныя тарелки или сковороды, находимыя въ слѣдахъ очаговъ, устраивавшихся на материкѣ, для погребенія мужа и жены по сторонамъ очага, какъ образа жилаго, вѣчнаго дома. Аналогія техническихъ и художественныхъ формъ, для приладожскихъ вещей въ сферѣ древностей скандинавскихъ, и восточной Россіи, указываетъ намъ на общность и подражательность этой культуры. Уже поэтому нельзя относить ее къ Финнамъ и толковать звѣриныя и орнаментальныя формы приладожскихъ находокъ въ связи съ финнскою миѳологіею, а равно отдѣлять курганы по рѣкѣ Волхову отъ восточныхъ, по рр. Ояти и Паши,

и различать славянскія могилы отъ финнскихъ, впредь до полученія точныхъ данныхъ.

Второй типъ древностей на сѣверозападѣ Россіи открытъ раскопками въ такъ наз. *Вотской* пятинѣ, въ Петергофскомъ, Ямбургскомъ и Царскосельскомъ уѣздахъ, С.-Петербургской губерніи, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Древности мало отличаются отъ сосѣднихъ земель, прибалтійскихъ мѣстностей въ особенности, техникою, формами или разнообразіемъ типовъ; однако, мы здѣсь видимъ живой обмѣнъ и можемъ установить существованіе промысловъ. Здѣсь не рѣдкость и серебряныя вещи, напримѣръ, листовыя діадемы; серебряныя серьги очень обильны и т. д. Здѣсь мы встрѣчаемъ въ изобиліи такъ называемыя *височныя кольца* (или *ушныя*, какъ ихъ тоже называютъ), — украшеніе изъ тонкой проволоки, чаще бронзовой, рѣдко серебряной (рис. 42, 43, 44), согнутой кольцомъ, величиною отъ 2 до 7 сант. Эти кольца встрѣчаются парами и весьма постоянно въ женскихъ могилахъ, но доселѣ способъ ношенія ихъ въ точности неизвѣстенъ. «Височныя кольца» нерѣдко представляются расплющенными въ нѣсколькихъ мѣстахъ и, слѣдовательно, продѣвать ихъ въ уши нельзя, а между тѣмъ, эти кольца постоянно оказываются близь головы, притомъ парою. По тѣмъ случаямъ, гдѣ эти кольца были находимы продѣтыми въ кожу или матерію, можно

42. Височное кольцо изъ кургановъ Вотской пятины.

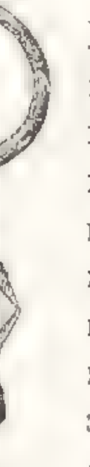

43. Тоже.

думать, что это были серьги, нацѣплявшіяся на покрывало или на кику, на мѣстѣ ушей. Въ Вотскихъ курганахъ височныя кольца имѣютъ два или три расширенія въ формѣ ромба, украшенныя наколомъ на-крестъ, и воспроизводящія собою бусы, нанизываемыя на проволоку; но тогда какъ буса кругла, здѣсь ромбикъ плоскій и стало быть, серьга не имѣла назначенія висѣть свободно, но, напротивъ, должна была прижимать ткань, представляя собою только видимость серьги. И потому вездѣ, гдѣ находимъ эти кольца, мы должны предполагать существованіе головныхъ уборовъ въ видѣ теплой кики или каптури, часто мѣховой, съ капюшономъ. Серьги въ нашихъ курганахъ также большія, до 7 сант., съ одною насаженною бусою — стало быть, типа VII — VIII в.; есть также и въ формѣ латинскаго S и собственно *колтки*, т. е. проволочной палочки, опущенной отъ колечка, съ насаженною бусою (рис. 45) или (кавказскій типъ) жемчужинкою. Спиральныя трубочки, находимыя здѣсь, служили для устройства борта на кафтанѣ, лацкановъ и пр., причемъ спирали располагались зигзагами, и за ними шелъ рядъ колечекъ, съ разомкнутыми концами, для свободнаго зажима. Фибулъ нѣтъ: вмѣсто нихъ только многочисленныя пряжки, круглыя, плоскія, позднѣе витыя, рѣдко серебряныя, но грубо украшенныя рѣзьбою и наколомъ (рис. 46).

44. Височное кольцо изъ кургановъ Вотской пятины.

Характерны шейныя цѣпи съ подвѣсками, представляющими, напримѣръ, схему коня, съ колечками, на которыхъ тоже прикрѣплялись подвѣски; дѣтскія цѣпочки всегда съ бубенцами или съ крестиками; есть цѣпи, идущія отъ плеча къ плечу и укрѣпляемыя на плечахъ ажурною бляхою съ иглою; есть цѣпи поясныя, съ ножичками, уховерткою и пр. Въ трехъ случаяхъ встрѣчены и здѣсь, и въ Приладожьи нагрудныя украшенія въ видѣ медальоновъ, одного, двухъ, трехъ, или даже четырехъ, орнаментированныхъ, или съ изображеніями эмблемъ, напр. грифона. Мониста и ожерелья здѣсь набирались бусами изъ стекляной смальты, горнаго хрусталя, бронзы, серебра, сердоликовъ и амулетовъ — зубовъ и клыковъ; любопытно преобладаніе

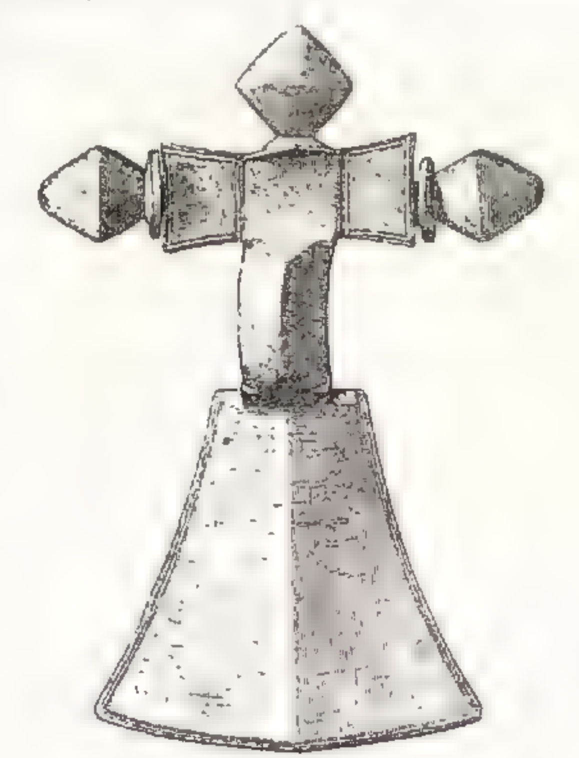

45. Серьга оттуда-же.

чернаго и бѣлаго цвѣтовъ, также бусъ посеребреныхъ и позолоченыхъ, въ общемъ дурнаго вкуса. Тѣльные крестики тождественны съ южнорусскими. Перстни представляютъ собою лишь видъ перстня, т. е. рѣзаны изъ листа, за-то большого размѣра, съ подобіемъ печатки громадныхъ размѣровъ, исполненной наколомъ, съ завитками вмѣсто изображенія; вмѣсто наколовъ — иногда витая спираль. Подвѣсныя бляшки, размѣра монетъ, прорѣзныя, рѣшеткою, изъ серебра, изрѣдка въ видѣ лунницы или полумѣсяца, обернутаго къ низу рогами, или пластинки съ подвѣшенными листиками, въ видѣ коника съ балаболками; штампованные медальоны съ дракономъ или грифономъ, служившіе талисманами. Браслеты изъ перекрученой проволоки, съ гнѣздомъ для камней по концамъ, или пластинчатые — древняго типа VI — VII в., съ наколами и разводами, даже плетеніями, но восточно-византійскаго, не скандинавскаго характера, и судя по прекраснымъ качествамъ рисунка, привозные съ запада, гдѣ, напр. въ Венгріи, находимъ ихъ въ особенномъ обиліи. Поясные наборы изъ литой или штампованной бронзы любопытны по сильному рельефу, который тоже указываетъ на западную отливку; рисунокъ все таже лилія, «кринъ сельный»; лошадиная голова послѣдней въ поясныхъ наборахъ бляшки охватываетъ зубами кольцо на концѣ ремня; по характеру рѣзьбы, позолоты, такая бляшка напоминаетъ скандинавскія древности.

46. Пряжка изъ Вотскихъ могилъ.

Въ Гдовскомъ уѣздѣ у р. Плюсы, на Чудскомъ озерѣ, раскопки обнаружили позднѣйшія древности: бронзовыя витыя гривны и браслеты поздняго времени, т. е. уже XIII — XIV стол., подвѣсной медальонъ съ изображеніемъ Распятія съ предстоящими, подвѣсныя бляшки съ прорѣзными крестами, височныя кольца и большія серьги съ нанизанными бусами, до восьми штукъ. Въ Новгородскомъ уѣздѣ, с. Косицкомъ, въ разрытомъ курганѣ оказалось девять скелетовъ; на груди средняго лежалъ крестъ-складень съ рельефнымъ изображеніемъ Распятія (западной работы) и Евангелистовъ; при другихъ скелетахъ найдены ушныя кольца изъ проволоки (одно височное), бронзовыя лунницы, грубыя подвѣски въ видѣ лапокъ, съ цѣпочками и пр.

47. Фибула въ видѣ арбалета изъ Вотскихъ могилъ.

Великолѣпное дополненіе къ славяно - финнскимъ древностямъ составляетъ

открытый въ 1892 г. въ Невельскомъ уѣздѣ, *Витебской губ.*, кладъ серебряныхъ вещей. Составъ клада, стиль и техническій характеръ, сближаютъ его съ Гнѣздовскимъ кладомъ. Въ Невельскомъ кладѣ заключались главнѣйшіе типы вещей: мы находимъ здѣсь въ серебрѣ то, чему грубыя имитаціи въ бронзѣ имѣемъ у Финновъ, видимъ рисунки, исполненные чеканомъ, рѣзьбою, наколомъ по серебру, которые у Финновъ или гдѣ-то для Финновъ, исполнялись отливкою изъ дурного серебра, сплава, бронзы. Большая серебряная шейная гривна, кованная по срединѣ на три грани, а по концамъ на пять, украшена пятью нанизанными на нее многогранными бусами; фоны граней позолочены, наколоты, и на каждой грани выбита розетка; весь дротъ гривны покрытъ городками, рѣзьбою. Другія пять гривенъ, изъ сплетенныхъ дротовъ, оканчиваются крючками, примитивнаго типа; такой-же браслетъ съ наглавниками, въ видѣ гнѣздъ съ камнями; небольшая дѣтская гривна изъ простого дрота съ бусами; пряжка плоская съ иглою; пара перстней украшены зернью. Замѣчательны четыре височныхъ кольца изъ серебряной проволоки и пара височныхъ колецъ, съ ромбами. Пара аграфовъ съ шариками, изъ дрота, обвитаго проволокою, однородны съ украшеніями X—XII в. Единственный пока экземпляръ ожерелья изъ десяти серебряныхъ бляхъ, какъ-бы пуговицъ, полыхъ, густо покрытыхъ бисеромъ.

48. Гривна и бляшки изъ Гнѣздовскаго могильника; нынѣ въ Эрмитажѣ.

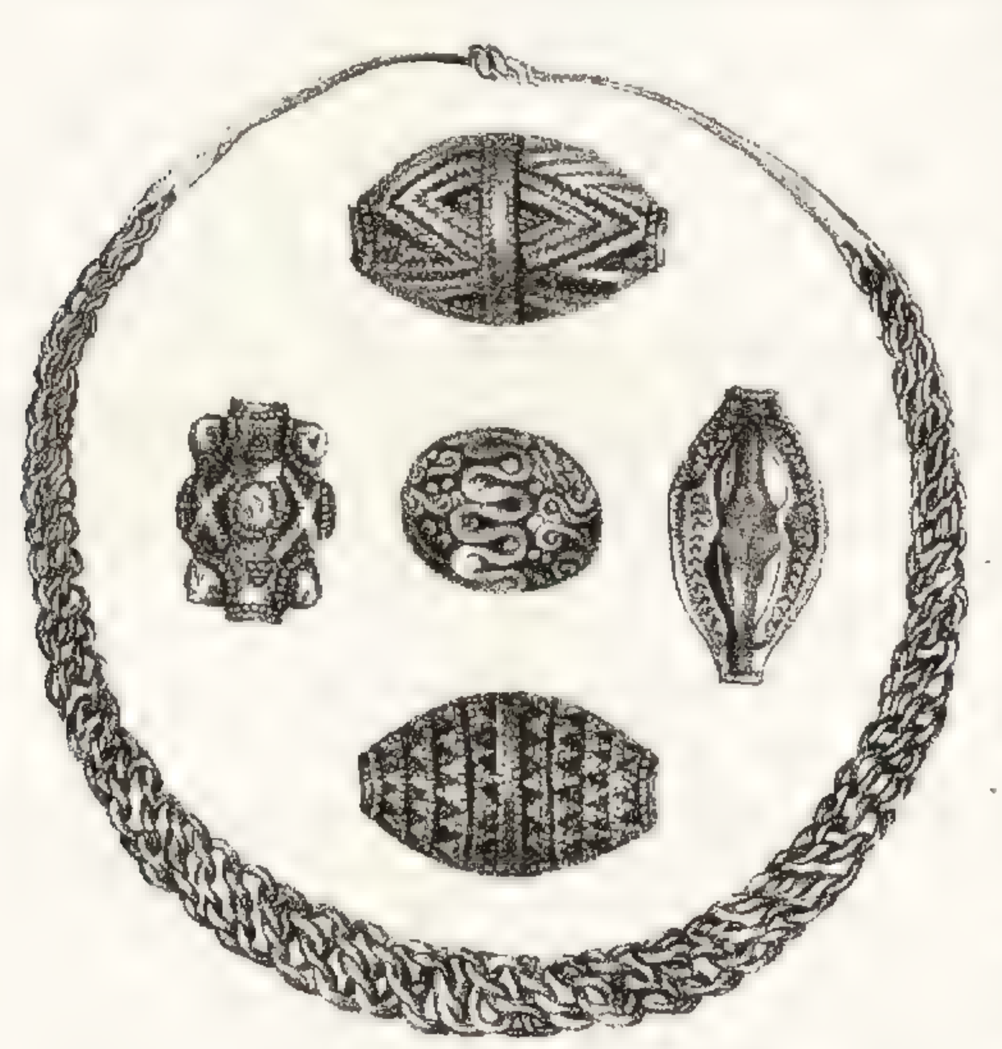
Гнѣздовскій могильникъ, въ 8 верстахъ къ з. отъ Смоленска, разслѣдованъ въ количествѣ 90 кургановъ: здѣсь встрѣчены одновременно погребеніе и трупосожженіе; въ насыпь зарывали горшки съ остатками тризны, продолжавшейся нѣсколько дней подъ-рядъ. Въ одномъ курганѣ жженыя кости лежали съ бронзовыми ажурными нагрудными подвѣсками (подобія кошелей), украшенными конскими головками, на нихъ цѣпочки съ поталами, какъ нагрудники у Финновъ на сѣверѣ, у Мерянъ и въ Тамбовскомъ могильникѣ. Тутъ-же была бронзовая лампочка (рис. 49), съ двумя рожками: широкимъ для свѣтильни и узкимъ для наливанія масла; лампочка имѣетъ видъ женской головы, въ каждой ноздрѣ вставлено по бирюзѣ, подражающей вставнымъ жемчужинамъ, носимымъ въ Индіи; носъ съ горбинкою; глаза были инкрустированы. Волосы выпущены узкою полоскою на лбу, и поверхъ ея расчесаны по обѣ стороны, затѣмъ спрятаны въ плотный чепецъ. Лампочка эта, римскаго типа, занесена съ Востока, хотя въ южной Европѣ были мѣста производства восточныхъ сосудовъ, по образцамъ Малой Азіи и Сиріи. Въ большомъ Гнѣздовскомъ курганѣ найдены обломки поливного блюда съ изображеніемъ дракона: блюдо тождественно съ посудою Херсонеса. Въ этомъ курганѣ было кострище воина: шлемъ изъ пластинъ, съ серебряною бляхою; мечъ, копье, щитъ, кольчуга разрушились; тутъ были игральныя кости, круглая бляха прибалтійскаго типа, поясной наборъ, серебряная бляшка съ звѣриною головкою, обычныя въ сѣверозападныхъ древностяхъ. Въ прочихъ курганахъ были овальныя чашечныя фибулы скандинавскаго происхожденія; на одной бляшкѣ изображена голова хищной птицы, какъ въ древне-кавказскихъ вещахъ, наконечникъ ноженъ съ прорѣзнымъ изображеніемъ орла, наконецъ серьги съ бусами, бубенчиками, гирьки отъ вѣсовъ и пр.

49. Лампочка изъ Гнѣздовскаго кургана; въ Историч. Музеѣ.

Въ 1868 году въ Гнѣздовѣ, но неизвѣстно, гдѣ именно, найденъ замѣчательный кладъ: часть его, 108 предметовъ, принадлежитъ Эрмитажу, а другая

Оружейной Палатѣ въ Москвѣ и заключаетъ въ себѣ: пять диргемовъ съ ушками, одну сассанидскую монету, одну англо-саксонскую, одну византійскую (Константина и Ирины) и рядъ вещей изъ разобраннаго погребальнаго убора. При вещахъ въ Эрмитажѣ есть двѣ сассанидскія монеты 532 и 595 г., Халифата 748 г., 8 саманидскихъ безъ ушковъ 908—953 гг.; кладъ долженъ быть относимъ къ концу X вѣка. Изъ вещей—двѣ серебряныя шейныя гривны, кованныхъ на 8 граней, съ наколами, съ гранеными пуговицами (рис. 52); три витыя гривны (рис. 50 и 51), а одна гривна (рис. 48) особенно большихъ размѣровъ (30 сант. въ попер.), какъ нѣкоторыя скандинавскія гривна, кована изъ листоваго серебра, полая, съ насаженными шариками, въ видѣ маковой головки, къ которой придѣлана чашечка цвѣтка изъ золотой пластинки, покрытой сканью. Пара браслетовъ изъ серебряной проволоки, съ бусами изъ стекляной пасты. Мониста изъ серебряныхъ бусъ и подвѣсныхъ бляшекъ: 32 бусы и 22 бляшки, изъ которыхъ десять имѣютъ форму лунницы, большаго и меньшаго размѣра, прочія въ видѣ подвѣсныхъ медалекъ. Орнаментація каждой бусы особая (рис. 50), изъ скани: завитки, городки, зигзаги, ромбики, розетки, звѣзды, подобіе саженаго жемчуга.

50. Гривна и бусы изъ Гнѣздова. Эрмитажъ.

Большинство бляшекъ (рис. 48 и 51) украшены сканью изъ геометрическихъ рисунковъ, или деревца, вѣточки, хищной птицы геральдическихъ формъ *(птица)*, грифа; на одной бляшкѣ можно различить голову въ кикѣ. Отмѣтимъ десять лунницъ (рис. 54, 56—58), съ трубочкою или тремя бусами, припаянными для продѣванія шнура; орнаментація на нихъ изъ подобій саженаго жемчуга. Низка изъ 23 бляшекъ дурнаго серебра, позолоченыхъ и прорѣзныхъ (рис. 55, 59—62), разныхъ рисунковъ: плетенія изъ грызущихся животныхъ, собаки, кони, свора собачья, затравившая лисицу; эта игра ленточныхъ сплетеній ведетъ свое начало отъ «арабесокъ». Восточные сюжеты видны здѣсь въ фигурѣ, удушающей двухъ грифовъ; есть личина въ шлемѣ и наличникѣ, съ двумя копьями на верху, нащечниками и носовою стрѣлкою (рис. 62). Пара чашечныхъ фибулъ изъ бронзы, съ ажурною накладкою. Двѣ круглыя серебряныя бляхи (фибулы), съ подвѣсными

51. Гривна и бляшки изъ Гнѣздовскаго могильника. Эрмитажъ.

52. Гривна и фибула изъ Гнѣздова. Эрмитажъ.

цѣпочками, съ тщательной рѣзьбою (рис. 63) плетенья съ птичьими головами; на другой (рис. 52) четыре оленя пьютъ изъ фонтана. Любопытный предметъ — нагрудный металлическій кошель (рис. 53), имитація обыкновенныхъ кошелей, называвшихся *капторга*, но особаго типа, повторяемаго въ пермскихъ древностяхъ: края кошеля образуютъ трубочки: верхняя для дрота, который пропускался внутрь одежды на груди; нижняя напоминаетъ арабскіе талисманы въ видѣ трубочки съ вложеннымъ листикомъ Корана; три застежки кошеля украшены бычьими головками.

53. Капторга изъ Гнѣздовскаго могильника. Эрмитажъ.

Въ 1885 г. въ Гнѣздовѣ найденъ новый кладъ восточныхъ монетъ: 76 диргемовъ X—XI в., съ остатками ожерелья изъ бусъ и лунницъ и семь обручей.

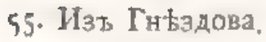
Близокъ къ Гнѣздовскому кладъ Волынской губ., найденный въ 1884 г., въ д. Борщовкѣ, Дубенскаго уѣзда, состоящій изъ трехъ гривенъ, тутъ уже кольчатыхъ или плетеныхъ, пары (рис. 64) лунницъ и 5 большихъ серегъ превосходной работы (рисун. 65 — 67); здѣсь, при помощи доступныхъ кустарю пріемовъ, путемъ оригинальной орнаментики изъ зерни, филиграни и скани, получается богатое украшеніе,—замѣчательное ручное мастерство, создавшее тончайшую скань, которая сучится изъ двухъ металлическихъ нитей, и которою, какъ и зернами филиграни, выполняютъ ячейки, шарики, городки, весь крайне простой, въ сущности,

54. Лунница изъ Гнѣздова. Эрмитажъ.

рисунокъ. Подобныя серьги были находимы не разъ въ Калишской губерніи и оправдываютъ воспоминаніе былинъ «о богатой Волыни».

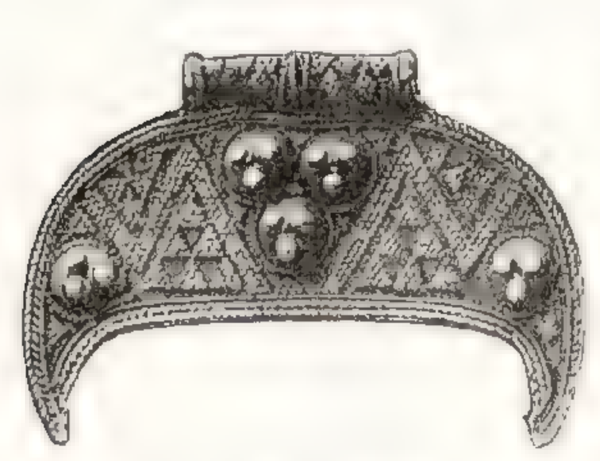
55. Изъ Гнѣздова.

56. Изъ Гнѣздовскаго могильника.

Находка Кіевской губерніи, Липовецкаго уѣзда, села Юрковцы, тоже состояла изъ массивной серебряной гривны, девяти серебряныхъ лунницъ, пяти бусинъ, для раздѣленія лунницъ на шнурѣ, и серегъ «волынскаго» типа.

Въ Швеціи также были найдены въ одномъ кладѣ и серьги «волынскаго» типа, и лунницы, и рядъ подвѣсныхъ бляшекъ, тождественныхъ съ гнѣздовскими; очевидно, это сокровище варяга совмѣщало въ себѣ драгоцѣнности личныхъ уборовъ, господствовавшихъ на «пути изъ Варяговъ въ Греки».

57. Изъ Гнѣздова.

59. Изъ Гнѣздова.

Въ сосѣднихъ съ Гнѣздовомъ могильникахъ Смоленской губ., напр. села Горбачева *Бѣльскаго уѣзда*, находятъ уже (потому, что они иной, болѣе поздней эпохи) серьги типа полулунія, съ семью лопастями, изъ котораго выработались, путемъ варварской утрировки, такъ называемыя московскія семилопастныя серьги; хотя и этотъ смоленскій типъ представляетъ уже варварскую передѣлку древняго сирійскаго типа серьги, штампованной изъ листа и куска проволоки.

58. Изъ Гнѣздова.

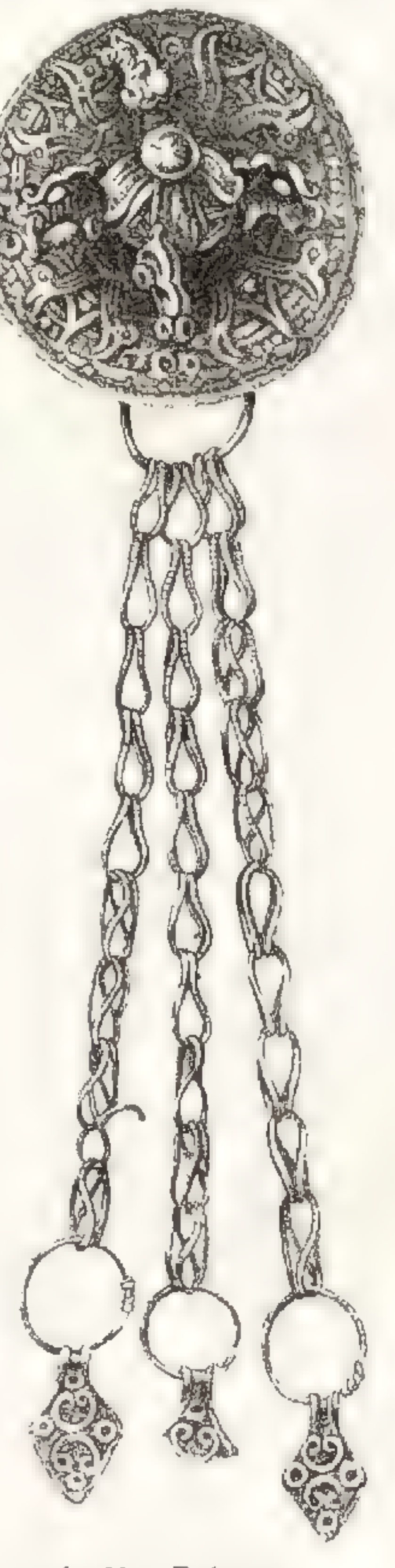

60. Изъ Гнѣздова.

Въ Бѣльскомъ и Ельнинскомъ уѣздахъ встрѣчаются также височныя кольца со щитками, какъ и «московскія» серьги. Шейныя гривны обратились здѣсь въ кольца изъ бронзовой проволоки. Затѣмъ встрѣчаются тѣ-же подвѣсныя лунницы и подвѣски въ видѣ трубочекъ съ поталами въ могильникахъ Тамбовскихъ, Рязанскихъ и Владимірскихъ, а также въ видѣ бронзоваго звѣрка съ подвѣсными бубенцами, уховерткою и пр. Браслеты здѣсь — или изъ гладкой и витой проволоки, или пластинчатые, съ узорами и наколами. Перстни въ простѣйшей формѣ колечка или изъ витой проволоки, съ узорами на печаткѣ, а также ажурные, какъ въ тамбовскихъ древностяхъ. Любопытны подвѣски изъ кости въ видѣ лебедей, тоже объясняющихъ воспоминанія былинъ о живыхъ пуговкахъ на кафтанахъ богатырей.

61. Изъ Гнѣздова.

63. Изъ Гнѣздова.

Развѣдки въ Могилевской и Минской губерніяхъ, произведенныя въ послѣдніе годы, крайне скудны. Близь *Мстиславля* онѣ открыли тѣ-же височныя кольца, перстеньки, семилопастныя серьги, витые браслеты, ожерелья изъ бусъ; въ *Рогачевскомъ уѣздѣ*, на Днѣпрѣ, сдѣланы подобныя-же находки, а въ *Климовичскомъ уѣздѣ* найдены тончайшія височныя колечки и легкіе браслеты; въ *Быховскомъ уѣздѣ*, среди такихъ-же вещей, есть штампованная бляшка съ изображеніемъ идущаго воина, держащаго въ правой рукѣ вѣнокъ, съ короткимъ мечемъ. Въ *Старо-Быховскомъ уѣздѣ*, въ мѣстности *Вотня*, найдены, вмѣстѣ съ арабскими монетами и тремя серебрениками Св. Владиміра, пара височныхъ колецъ и двѣ лунницы.

62. Изъ Гнѣздова.

Въ Минской губерніи раскопки графа Тышкевича въ *Борисовскомъ уѣздѣ* дали обширную коллекцію съ знакомыми типами: орнаментальныя серьги колодочкою, гривны, бронзовыя и желѣзныя, иногда больше самой большой гнѣздовской, въ типѣ серебряныхъ; ожерелья изъ бусъ и бляшекъ со сканными разводами, подвѣска въ видѣ звѣрка съ цѣпочками, грековосточнаго стиля, круглыя пряжки,

браслеты, гладкіе или витые, выпуклые, съ концами, въ видѣ конской головы, происходящей отъ древняго типа Сибири и Кавказа, причемъ, первоначально, это

64. Лунница изъ клада Волынской губ., Дубенскаго уѣзда.

было изображеніемъ лошадиныхъ, или оленьихъ головъ, съ завернутою верхнею губою, но загнутые рога, исполненные рѣзьбою, пропали; эти головы, въ Швеціи и Даніи, утратили реальныя черты и были принимаемы долго за змѣиныя. Среди ушныхъ украшеній есть типъ колецъ, съ острымъ концемъ и наглавникомъ, извѣстный въ древностяхъ Дагестана.

По системѣ рѣки Березины были производимы раскопки въ уѣздахъ Минской губерніи: въ *Бобруйскомъ уѣздѣ* раскопки обнаружили или бѣдное, или въ христіанскую эпоху скудно обставленное (?), или, по условіямъ жизни, примитивное погребеніе; встрѣчались костяки въ сидячемъ положеніи, при нихъ серебряное или бронзовое колечко, ножикъ; у женщинъ — ножницы, немного бусъ; крайне грубая посуда, шиферныя пряслицы отъ веретенъ, простыя пряжки, серпы и топоры. Височныя кольца и множество спиральныхъ колецъ и колечекъ, изъ тонкихъ лентъ, составляютъ характерную черту этихъ могилъ, вмѣстѣ съ стеклянными (голубаго стекла) браслетами, витой формы, получавшимися изъ Сиріи.

65. Серьга изъ Волынскаго клада.

66. Серьга изъ Волынскаго клада.

Серьги здѣсь — въ формѣ колечка съ бусами, мониста бусъ и лунницъ, коньковъ, бляшекъ, якорей; перстни поздняго типа — витые; бронзовыя гривны рѣдки.

Въ *Мозырскомъ уѣздѣ* раскопки по Припети обнаружили скудныя погребенія: нерѣдко въ курганѣ было только огниво съ кремнемъ, поясной ножикъ, пряжка поясного ремня и кольцо на пальцѣ. Вообще, изъ предметовъ украшенія встрѣчены: бусы ожерелій, серьги, перстни, кольца для волосъ и браслеты; кольца согнуты изъ проволоки и не спаяны. Художественный видъ имѣютъ только бусины изъ золота, серебра и бронзы, съ зернью. Отсутствіе оружія указываетъ на христіанское погребеніе, и потому, соображенія, на основаніи лѣтописи, о примитивности населенія, должны быть оставлены въ сторонѣ, какъ любительскія догадки, излишнія при современномъ непониманіи самыхъ вещей въ ихъ историческомъ развитіи. Статистическій методъ, и здѣсь, какъ всегда, безъ научной критики вещей, не можетъ дать серьезнаго вывода.

Въ 1890 г. произведены раскопки въ *Рѣчицкомъ уѣздѣ*, на правомъ берегу Днѣпра, между устьями Припети и Березины, въ количествѣ 245 кургановъ. Большое число разслѣдованныхъ могилъ помогло убѣдиться, по крайней мѣрѣ, въ исторической безразличности разныхъ видовъ погребенія: надъ материкомъ или въ материкѣ, въ ямахъ, и, наконецъ, съ примѣненіемъ трупосожженія; всѣ три формы встрѣчаются здѣсь нерѣдко въ одномъ могильникѣ. Здѣсь найдено оружіе, у поясовъ — ножи, огниво, кремень, оселокъ въ сумкахъ, бронзовыя и желѣзныя колечки на поясныхъ ремняхъ. Между украшеніями: серьги и кольца, височныя и для косы, иногда изъ серебряной проволоки, но серьги были рѣдки, и главный видъ украшеній сводился къ бусамъ: аметистовымъ, сердоликовымъ, хрустальнымъ, золоченаго стекла. Монетъ найдено мало — одна византійская и три арабскія X столѣтія.

67. Серьга Волынскаго клада.

Въ предѣлахъ Кіевской и Волынской губ., въ округахъ Овруча и Коростѣна, открыты могильники Древлянъ (?), въ видѣ курганныхъ группъ по нѣскольку сотъ въ каждой, часто сбитыхъ вмѣстѣ, такъ что насыпи сливаются основаніями, и на 307 могильниковъ приходится не менѣе 7.400 кургановъ; раскопано только 313. Оружіе встрѣчалось рѣдко: это

были копья, кинжалъ, ножъ, дротики; предметы домашняго быта чаще: глиняные сосуды, или ихъ днища, иногда съ клеймами, деревянныя ведра, три чаши (?) будто-бы изъ человѣческаго черепа, огниво, кремни, ножи, серпы, пряслицы изъ краснаго шифера. Отъ одеждъ сохранился воротникъ съ галуномъ и застежкою. Застежками служили или бронзовое, серебряное кольцо, или бусы, продѣвавшіяся въ ременныя петли, изъ сердолика, серебра и бронзы или стекла съ позолотою. Поясныя пряжки были круглыя, плоскія. Обувь имѣла видъ полусапоговъ, съ острыми носками. Украшенія сосредоточивались около головы: въ женскія косы вплетались кольца изъ серебряной или бронзовой проволоки и бусы; кольца были по размѣру косы, и только одно кольцо оказалось собственно «височнымъ», т. е. прилегало къ правой височной кости; встрѣтился разъ и арабскій вѣнечный жгутъ изъ семи серебряныхъ колецъ, нанизанныхъ на валекъ изъ березовой коры; найдены были остатки кокошника изъ коры, обтянутой шерстяною тканью, на которой нашиты были колечки и бусы. Сережки состояли изъ колечекъ съ нанизанными шариками. Монетъ не встрѣчено, кромѣ двухъ случаевъ, а равно и браслетовъ; перстни, чаще изъ серебра,— поздніе, витые, рѣже изъ пластинокъ. Серебряныхъ украшеній найдено почти втрое больше, чѣмъ бронзовыхъ, но за-то встрѣчено только пять орнаментированныхъ предметовъ: пряжка въ видѣ спирали, бляха, раздѣленная накрестъ, ременныя пряжки, перстень съ изображеніемъ вѣтки. Но эта скудость находокъ въ могилахъ и отсутствіе орнаментаціи предметовъ болѣе свидѣтельствуетъ о культурномъ развитіи племени, у котораго, вѣроятно, рано распространилось христіанство и установились правильные обряды погребенія, развилась осѣдлая жизнь и съ нею ремесла. Курганы оказываются бѣдными, и памятниковъ быта и искусства надо искать въ кладахъ и городищахъ, а не въ могилахъ, куда перестали класть лучшія вещи.

Погребальный типъ могилъ Радимичей (?) разслѣдованъ (262 кургана) въ *Черниговской губерніи* и обнаружилъ тѣ-же формы могилъ, что предполагаютъ у Древлянъ. Никакого оружія при покойникахъ; изъ утвари—только глиняные горшки у головы и ногъ, сдѣланные безъ гончарнаго круга. Украшеніями въ мужскихъ могилахъ оказались поясныя бронзовыя пряжки и литыя кольца на поясѣ. Въ женскихъ могилахъ, у головы — височныя кольца, о семи щиткахъ, рѣже серьги, на шеѣ — витыя гривны изъ бронзы и ожерелья изъ бусъ, стекла, глины, сердоликовъ, аметистовъ и горнаго хрусталя, а также подвѣсокъ въ формѣ розетки, лунницы, бубенчика; браслеты и перстни изъ проволоки; серебряныхъ предметовъ больше, чѣмъ бронзовыхъ. Изъ подвѣсокъ важны пять саманидскихъ диргемовъ 900—950 гг.

Раскопки въ *Суражскомъ* и *Новозыбковскомъ уѣздахъ* дали собраніе характерныхъ, по изяществу, уборовъ. Обильны мониста изъ бусъ, зерневыхъ, сердоликовыхъ, бѣлой, голубоватой смальты, часто стекляныхъ съ золотою и серебряной накладкою по безцвѣтному стеклу, всегда одной формы, сплавленныхъ такъ, что листикъ золота и серебра остается закрытымъ. На мониста вѣшались бубенчики, прорѣзныя бляшки съ лунницею, крестики съ желтою эмалью, нерѣдко бляшки съ фигурами, напр. бычачьею головою. Лунницы иногда встрѣчаются дюжинами,

почти во всякой могилѣ;[1] типы лунницъ варьируются отъ серебряныхъ, густо орнаментированныхъ, до грубыхъ, бронзовыхъ, и ажурныхъ бляшекъ, съ подвѣснымъ крестикомъ. Далѣе, любопытна форма семилепестковой серьги, проще серьги калачикомъ, о семи жемчужинахъ на спаяхъ. Височныя кольца изъ проволоки, часто десятками въ могилѣ. Бронзовыя гривны, или витыя, или кованныя на три грани, съ наглавниками.

Въ *Остерскомъ уѣздѣ* находки мѣняютъ характеръ: тутъ вновь встрѣчаемъ бронзовыя лунницы съ красною эмалью, близкія къ кіевскимъ и каневскимъ вещамъ, или же подвѣски въ видѣ конька, какъ въ губ. Смоленской, круглыя бронзовыя фибулы съ нарѣзнымъ орнаментомъ, бубенцы, бронзовые перстни; все это болѣе древняго періода.

Въ предѣлахъ южной Россіи, для данной эпохи, на первомъ мѣстѣ по значенію стоятъ два кургана въ чертѣ города Чернигова: *Черная могила* и небольшой курганъ, извѣстный подъ именемъ могилы «княжны Чорны». Черная Могила заключала въ себѣ срубъ, обложенный кирпичемъ, и множество вещей: два желѣзныхъ шлема, которые были подложены шапками изъ дорогихъ тканей, кольчуги, ножи, двѣ золотыхъ византійскихъ монеты IX вѣка, Имп. Василія и Константина, и два турьихъ рога, описанныхъ выше (рис. 10—15). Ниже этихъ вещей было круглое кострище, въ пять саженъ въ поперечникѣ, со слоемъ угля и костей конскихъ, птичьихъ и рыбьихъ, и въ кострищѣ — скипѣвшіяся вещи: мечи, копья, стремена (по парѣ), сабля, ножи, щиты, стрѣлы, серебряныя пуговицы, бронзовыя бляхи, бубенчики и кольца, бусы, гребенки изъ кости, иглы, игральныя кости, сосуды изъ желѣза и мѣди, замокъ, серпы, долота, топоръ, оселки, пряслицы, и, наконецъ, зерна ржи и овса.

Курганъ «княжны» былъ разрытъ еще въ началѣ нашего столѣтія и заключалъ въ себѣ груды человѣческихъ костей; на половинѣ высоты—слой угля, съ остатками панцырей, кольчугъ, кострюли, серебряной облицовки турьяго рога, съ рисункомъ, исполненнымъ чернью и рѣзьбою; тутъ-же найденъ колтъ въ видѣ головки орла.

Большой курганъ, называемый «Гульбище», на Болдиныхъ горахъ, въ 2 вер. отъ гор. Чернигова, надъ Десною, содержалъ въ себѣ, на глубинѣ 2 саж., также скипѣвшуюся металлическую массу изъ шлема, кольчуги, меча, копья и пр.; подъ ними былъ чугунъ съ бараньими костями, еще ниже слой угля, въ которомъ найдено: десять костяныхъ пуговицъ, украшенныхъ рѣзьбою, каждая съ особымъ рисункомъ, дюжина серебряныхъ и золотыхъ дутыхъ пуговицъ, восемь круглыхъ пуговицъ изъ серебра, восемь серебряныхъ бляхъ съ рѣзьбою, 17 маленькихъ серебряныхъ бляшекъ отъ пояса, 28 квадратныхъ рѣзныхъ бляшекъ съ позолотою отъ поясного набора, 11 ромбоидальныхъ серебряныхъ бляшекъ, служившихъ застежками кафтана, далѣе подобныя-же вещи изъ бронзы, утварь изъ желѣза, бусы, куфическая монета IX вѣка, до 200 слитковъ серебра и бронзы отъ расплавившихся вещей и остатки домашней утвари.

Въ окрестностяхъ Чернигова, по дорогѣ къ Троицкому монастырю, курганы были того-же характера, но вещи находимы были только въ незначительной части ихъ и состояли изъ ушныхъ или височныхъ колецъ, съ нанизанными на нихъ под-

вѣсками или бусами, ожерелья изъ бусъ съ лунницами, перстни въ видѣ колецъ, пряжки и обрывки тканей.

Подобные курганы были и близъ м. Сѣдиева, съ кострищами и такими-же предметами, но тамъ найдено въ нѣсколькихъ курганахъ по парѣ глиняныхъ сосудовъ съ человѣческими костями, поставленными на верху насыпи: обычай указанъ лѣтописцемъ у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ. И здѣсь богатство утвари не соотвѣтствуетъ бѣднымъ уборамъ; причиною этого могъ быть самый обрядъ сожженія; любопытно щегольство богатыхъ тканей, преимущественно шелковыхъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ, не заходившихъ дальше на сѣверъ. Это обиліе драгоцѣнныхъ тканей въ южной части Черниговской губ., частію въ Полтавской, а также и въ Кіевской (въ Каневскомъ уѣздѣ), и рѣзныхъ издѣлій изъ кости напрашивается на сравненіе съ скиѳо-сарматскою эпохою.

68. Перстни изъ с. Шмарона, Лихвинскаго уѣзда, Калужской губ.

Находки *Калужской губ.*, стоящія между древностями приволжскими и древностями системы Оки и Десны, отрывочны и скудны. Въ Мещовскомъ у. найдено много семилучевыхъ серегъ, бубенчики, браслеты, частію витые изъ проволоки, перстни, оригинальное кольцо, со спиралью въ срединѣ, и цѣпь. Въ Жиздринскомъ уѣздѣ тѣже височныя кольца, большія бляхи дурного серебра, съ изображеніями фантастическихъ животныхъ. Въ Лихвинскомъ уѣздѣ, кромѣ серебряныхъ перстней, тоже съ изображеніемъ (рис. 68) «птица», лиліи (крина), найдена серьга изъ низкопробнаго серебра, въ типѣ такъ наз. семилучевой серьги, но съ пятью узорными лопастями; сверху по рѣшеткѣ вырѣзаны двѣ птицы. Подобныя находки сдѣланы въ Чернскомъ уѣздѣ, *Тульской губ.*, въ могильникѣ по р. Зумѣ: витые бронзовые браслеты и перстни, семилопастныя серьги изъ серебра. Близъ города Бѣлева сдѣлана была находка двухъ серебряныхъ витыхъ гривенъ и браслетовъ, каменныхъ бусъ и семнадцати серегъ изъ низкопробнаго серебра. Одна побольше и три поменьше были «московскаго» типа о семи лопастяхъ, а въ тринадцати дана форма подвѣсной вазочки съ ножкою; на рѣшеткѣ видна пара крохотныхъ животныхъ, оленей или коней, пьющихъ изъ чаши.

Древности, открытыя близъ *г. Рязани*, въ Барковскомъ и Кузьминскомъ могильникахъ на Окѣ, представляютъ типичныя формы и могутъ частію относиться къ VIII — IX столѣтіямъ; сравнительно съ могильниками тамбовскими эти древности бѣднѣе и менѣе характерны: почти нѣтъ вещей серебряныхъ, нѣтъ и тамошнихъ сплавовъ, а всѣ вещи бронзовыя; ихъ тонкая работа, ихъ обиліе свидѣтельствуютъ въ пользу мѣстнаго производства. Фибулы, въ видѣ самострѣла и вѣера,

относятся къ VII — VIII в.; бронзовыя гривны снабжены круглымъ щиткомъ на подвижныхъ шарнирахъ, съ пятью подобіями жемчужинъ, въ типѣ шейныхъ обручей у варварскихъ наемниковъ византійскаго двора VI — VIII стол. Многочисленны височныя кольца изъ проволоки, круглыя и плоскія пряжечки. Но еще болѣе характерна масса трубочекъ изъ спиралей, образующихъ бахрому ткани; спирали крохотныя, и изъ нихъ составлены горизонтальныя полосы и зигзаги. И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ подражаніемъ привозному золотому галуну парчевой матеріи; къ бордюру прицѣпленъ рядъ колечекъ, для бахромы, какъ бывало на верхней царской, греческой одеждѣ (евангельскія «воскрылія»). Есть здѣсь и листовыя круглыя бляхи, до 15 сант. въ попер., во всемъ подобныя Лядинскимъ и Томниковскимъ (см. рис. 71—72), кромѣ языка въ срединѣ: здѣсь бляхи снабжены скобочками для пришивки къ платью; встрѣчаются и парныя застежныя бляхи съ подвижною крышечкою и обычными треугольными вырѣзками. Масса пряжекъ — однообразнаго, почти фабричнаго издѣлія. Любопытны мониста изъ металлическихъ бусъ съ колечками для подвѣсокъ; здѣсь можно предположить, что колечки «наузовъ», бахромы, въ силу тюркскихъ воззрѣній, повели къ употребленію бахромы, какъ амулета. Подвѣски отличаются массивностью, укрѣпляются на толстыхъ цѣпяхъ. Листки или поталы, прорѣзныя плетеныя бляшки и бляхи съ насѣчкою.

Близь гор. Зарайска на берегу Остра найдена любопытная бляшка отъ ремня изъ бѣлаго сплава съ изображеніемъ льва, преслѣдующаго лань, вмѣстѣ съ ушными подвѣсками о пяти и семи лопастяхъ и серьгами въ простѣйшей формѣ колечка съ подвѣшенною бусою.

69. Подвѣска изъ Касимовскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

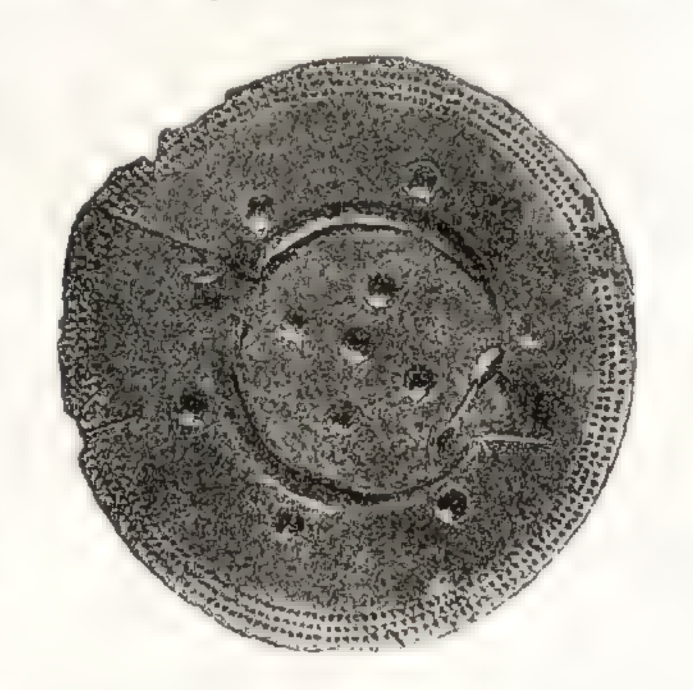
Въ *Касимовскомъ уѣздѣ*, въ 1878 году, разслѣдовано было на р. Ключѣ, впадающей въ Оку, 63 кургана: изъ утвари встрѣчались только горшки; почти всѣ предметы изъ бронзы. Шейныя гривны, иногда съ раковинами, спиральныя кольца, браслеты, изъ дрота и пластинчатыя, височныя кольца изъ проволоки, иногда съ бисеромъ, бусы голубоватаго стекла, подвѣски, серьги изъ проволочнаго колечка, съ одною стекляною бусою. Ориги-

нальны: перстень съ печаткою, на которой выбита такъ называемая свастика, а фонъ заполненъ эмалью; пара ушныхъ подвѣсокъ, подражающихъ эмалевымъ серьгамъ. Здѣсь-же встрѣчается и наушная подвѣска (рис. 69) изъ листоваго, турнаго серебра, въ видѣ лунницы съ характерною дужкою въ видѣ иглы, обычная и въ муромскихъ находкахъ.

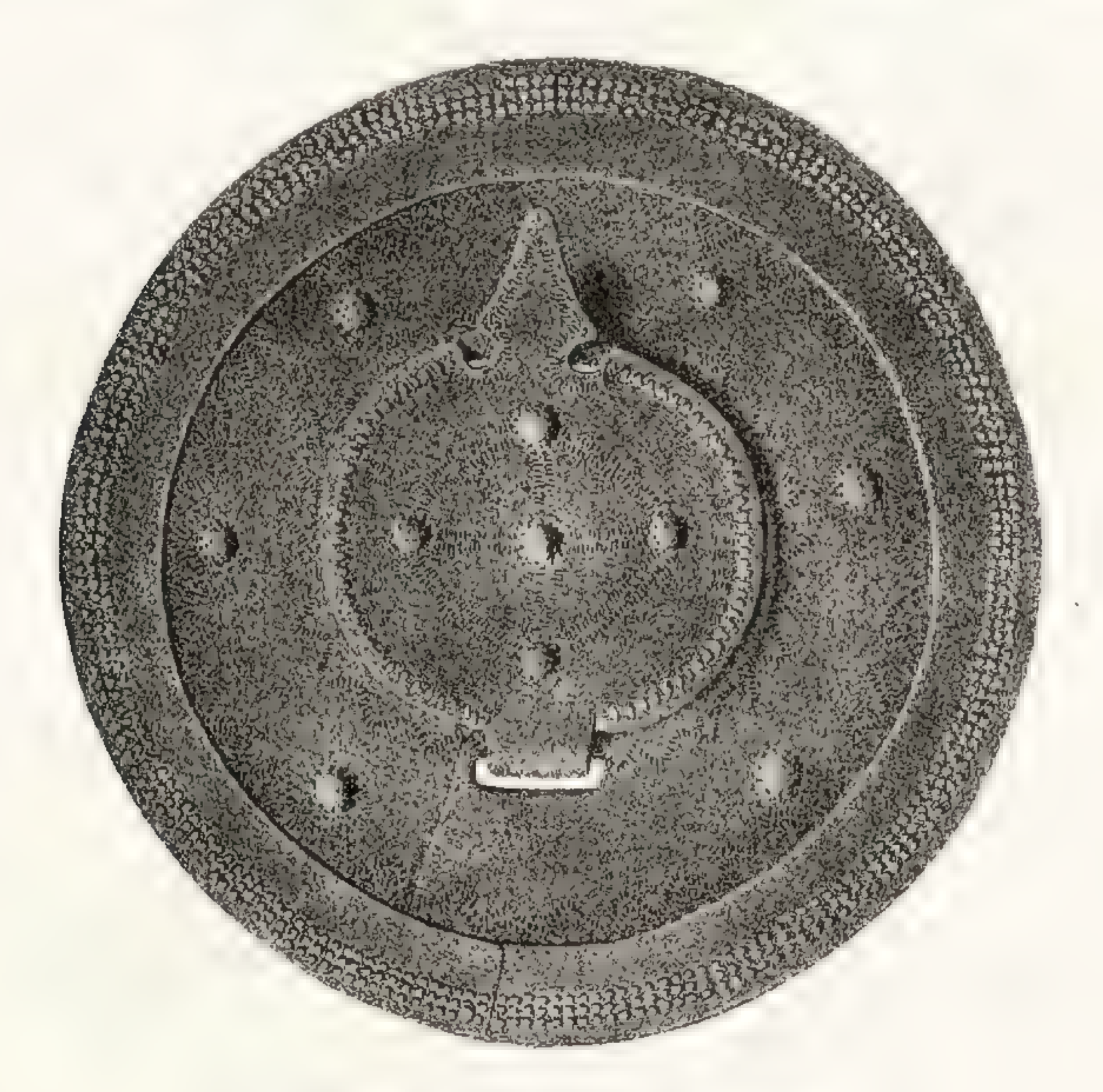
70. Серьги изъ Томниковскаго могильника.

Изслѣдованный въ 1888 г. *Курманскій* могильникъ находится въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, на правомъ берегу Оки, въ ряду песчаныхъ бугровъ, носящихъ названіе «Городка». Рѣка ежегодно вымывала здѣсь массу бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей, мѣстами попадается много костей и черепковъ, кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій, и подъ верхней почвой почти вездѣ существуетъ болѣе или менѣе толстый, отъ $^1/_4$ арш. до сажени, слой черной земли съ примѣсью золы и угля. Могильникъ состоялъ изъ безпорядочно разбросанныхъ могилъ, по способу погребенія и трупосожженія, изслѣдованныхъ въ числѣ 31, и доставилъ обильное количество находокъ, происходящихъ изъ могилъ, прежде разоренныхъ, а также изъ тризницъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь мало головныхъ украшеній, кромѣ височныхъ колецъ. На шеѣ толстыя, витыя гривны изъ бронзы (рѣдко изъ серебра), тоже съ круглою плоскою коробочкою въ рединѣ, орнаментированною жемчужинами. Въ женскихъ уборахъ преобладаютъ низки бусъ, подвѣсокъ изъ бронзы, витыхъ трубочекъ и лунницы. На груди, поверхъ одеждъ, носилась круглая бляха изъ листовой мѣди, съ вырѣзкою въ срединѣ и крышкою, типичная для Тамбовскихъ могильниковъ и находимая тамъ изъ серебра. Пояса бываютъ и здѣсь съ наборными бляшками, но поясныя украшенія съ подвѣсками и бубенцами здѣсь рѣдки. Любопытны плечевыя парныя украшенія изъ плетенаго кольца съ бронзовыми подвѣсками и, наконецъ, бронзовыя украшенія косъ за спиною въ видѣ ленточныхъ завязей, распущенныхъ четырьмя, пятью и шестью кончиками, какъ-бы звѣздою: подражаніе матерчатымъ украшеніямъ, свойственнымъ быту тюркскихъ кочевниковъ. Противъ Лядинскаго и Томниковскаго могильниковъ здѣсь нѣтъ многихъ укра-

71. Пряжка изъ Томниковскаго могильника.

шеній: рѣшетчатыхъ пластинокъ съ подвѣсками, треугольныхъ бляхъ на спинѣ съ погремушками, діадемъ на головѣ, лунницъ на шеѣ съ гремучими украшеніями, рѣшетчатыхъ пряжекъ и пр. Здѣсь встрѣченъ древнѣйшій типъ фибулы «арбалетной», большого размѣра, но не встрѣчено совсѣмъ монетъ. Слѣдуетъ-ли считать Рязанскій могильникъ древнѣе Тамбовскихъ, или же оскудѣніе типовъ и бѣдность металловъ отнести къ грубости поселеній, и считать оба могильника

72. Пряжка изъ Лядинскаго могильника.

современными, т. е. относящимися къ VIII—IX стол.,—впредь до историческаго анализа предметовъ и типовъ, сказать нельзя.

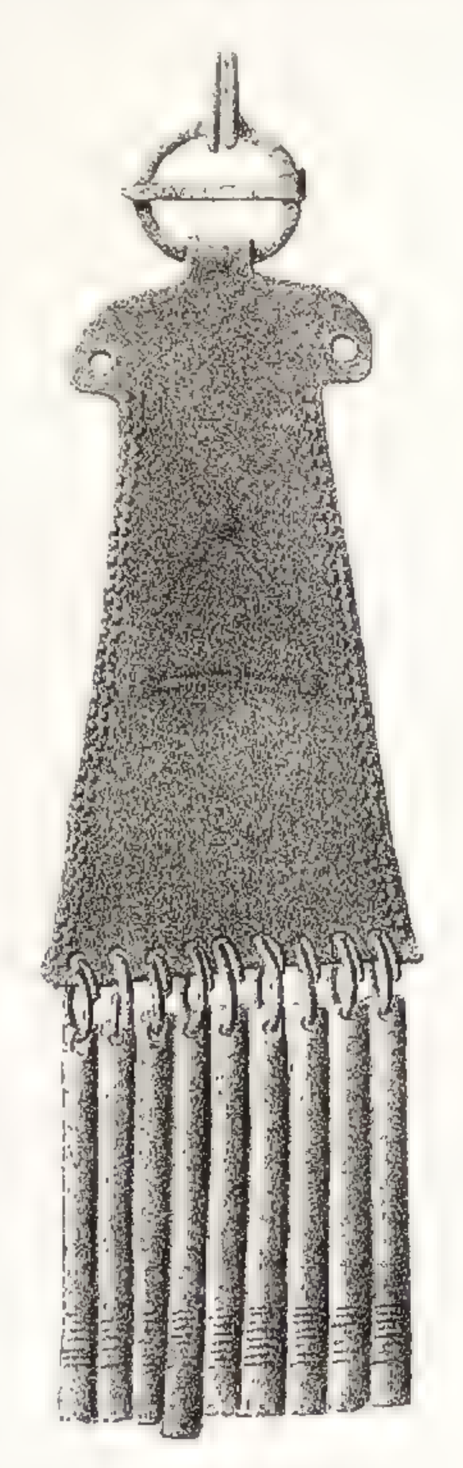
Рязанская находка, поступившая въ 1891 г. въ Императорскій Эрмитажъ и состоящая изъ большихъ подвѣсокъ, плетеныхъ кружковъ—подобія кошелей—съ цѣпочками и серегъ о семи лучахъ, поразительна выработкою проволочнаго плетенія и полнымъ отсутствіемъ художественныхъ формъ.

Въ 1869 г. открытъ въ Тамбовской губ. *Лядинскій* могильникъ, на р. Лядѣ, притокѣ Цны; онъ обнаруженъ благодаря проведенію желѣзной дороги и далъ богатую коллекцію вещей, но систематическая раскопка на перевалъ всей уцѣлѣвшей (четвертой) части могильника была исполнена только въ 1888 г. На этой части было открыто 143 могилы. Мужскія могилы обозначались находкою въ нихъ

кремней, желѣзныхъ ножей, удилъ, ключей, а также ременныхъ наборовъ и предметовъ вооруженія и утвари: топоровъ, бронзовой посуды и т. д.; въ женскихъ могилахъ находились вѣнчики, серьги, ожерелья, браслеты, украшенія косъ, подвѣски и посуда изъ жженой глины.

Поясные наборы представляютъ разнообразную орнаментацію серебряныхъ и бронзовыхъ бляшекъ, иногда позолоченныхъ, исполненныхъ штампомъ или чаще отливкою. Бляшки имѣютъ видъ листовъ плюща или сердечекъ, индѣйской пальмы, калачика, полулунія и проч.; изъ наколовъ или рѣзьбою сдѣлана пальметта, или штампомъ — жемчужныя нити по бордюру и кайма изъ саженаго жемчуга, далѣе штампомъ внутри бляшки схема цвѣтка, листа, вѣточки, аканѳоваго развода, личины по восточнымъ рисункамъ эпохи появленія Арабовъ. Подобные типы часты въ Венгріи, гдѣ вообще крупные поясные наборы, связанные тѣсно съ одеждою кочевниковъ и конныхъ варварскихъ отрядовъ, представляютъ необыкновенное богатство формъ, украшеній, матеріала и т. д. Тамбовскія бляшки гораздо меньше венгерскихъ; ихъ отливныя и штампованныя формы находятся въ разногласіи съ прочими вещами могильника, примитивная орнаментика которыхъ, въ видѣ веревочки, жгута, спиралей и пр., тѣсно примыкаетъ къ финнскимъ типамъ, тогда какъ поясные наборы нашихъ могильниковъ были предметомъ привоза. Изъ находимыхъ здѣсь серегъ слѣдуетъ отмѣтить кавказскій типъ, еще античнаго рисунка, съ подвѣшенною гроздью (рис. 70).

Въ Лядинскомъ могильникѣ замѣчательны круглыя застежныя бляхи, большого размѣра, носившіяся на груди и дѣлавшіяся, чаще всего, изъ листоваго серебра, въ формѣ тонкаго щитка, съ круглымъ или овальнымъ отверстіемъ, которое закрывается вырѣзною крышечкою съ язычкомъ, для застегиванія на груди тонкаго платка или чадры (рис. 71 и 72). Подобныя бляхи найдены въ Алтайскихъ курганахъ; въ Средней Азіи доселѣ въ употребленіи сходныя украшенія большого размѣра изъ листового серебра.

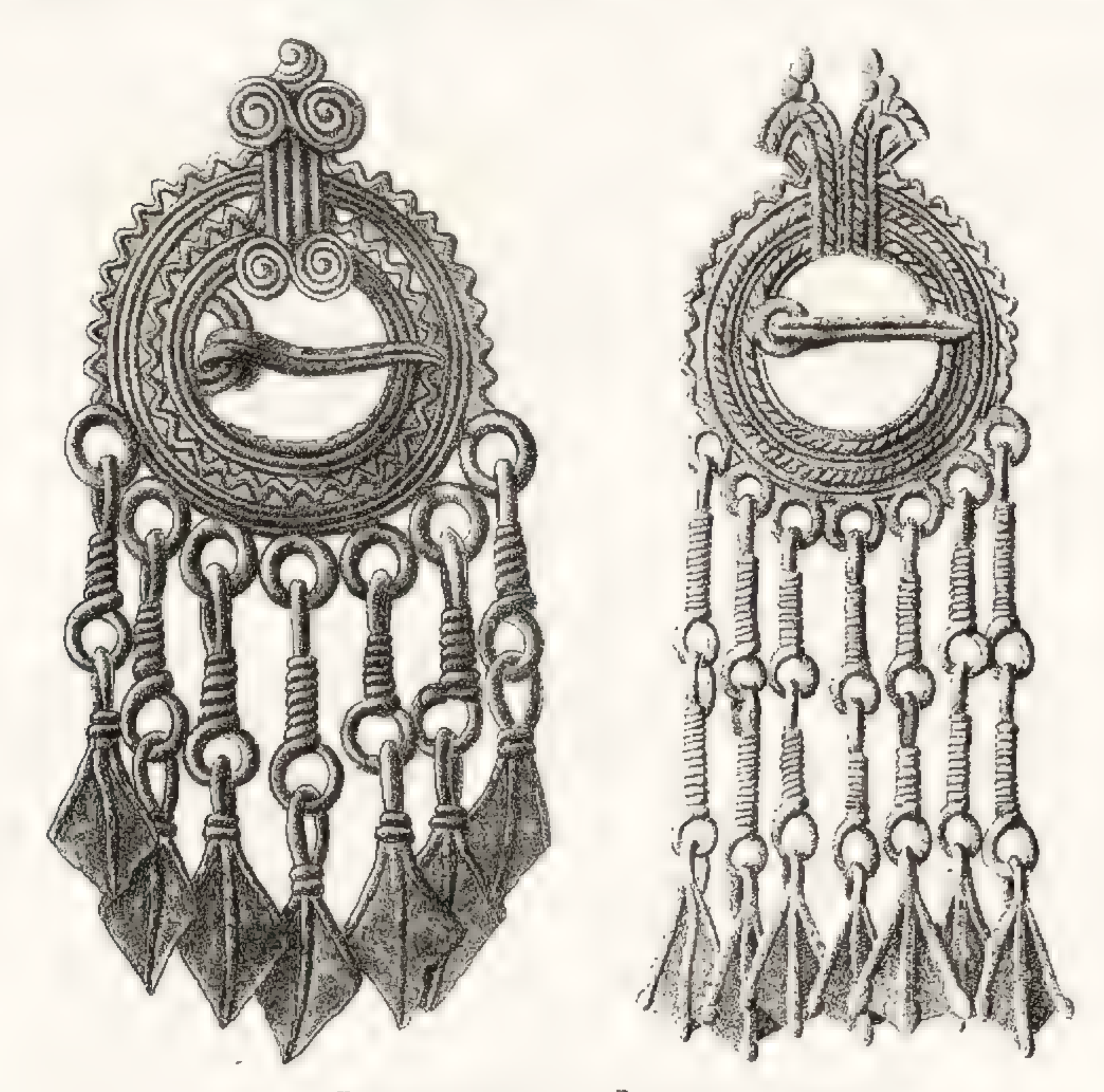

73. Изъ Лядинскаго могильника.

Въ Лядинскомъ могильникѣ мы встрѣчаемъ (рис. 73), напримѣръ, среднеазіатскія длинныя пластинки, часто изъ серебра, съ двумя завитками на верхнихъ концахъ, напоминающими, что на нихъ нѣкогда изображалось древо жизни (пальма), и съ пряжкою наверху, служащею единственно для того, чтобы это украшеніе прикрѣпить на боку или на спинѣ; снизу къ пластинкѣ привѣшены простыя по-

гремушки въ видѣ свернутыхъ трубочекъ. Туркменскія женщины доселѣ носятъ это украшеніе (тлыкъ) на спинѣ, или подвѣшиваютъ сзади къ косѣ.

Обычною грубостью отличаются круглыя большія пряжки изъ проволочнаго плетенія, съ волнистыми зигзагами въ промежуткахъ, причемъ бронзовая проволока подражаетъ тонкой скани; сверху — украшенія въ видѣ конскихъ головокъ (см. рис. 75), а по низу рядъ колецъ съ цѣпочками, которыя оканчиваются листьями,

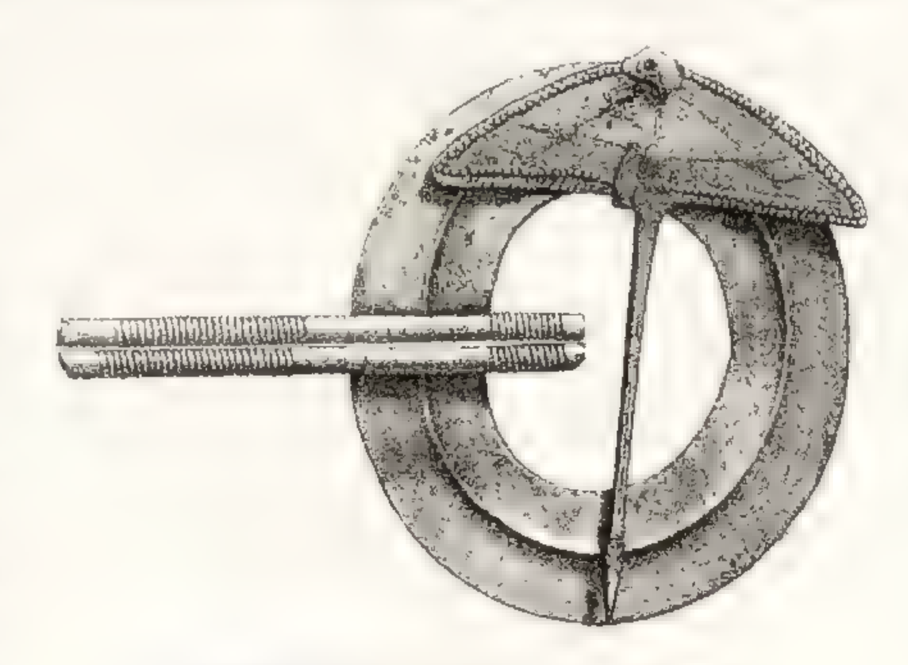

74 и 75. Бронзовыя пряжки изъ Лядинскаго могильника.

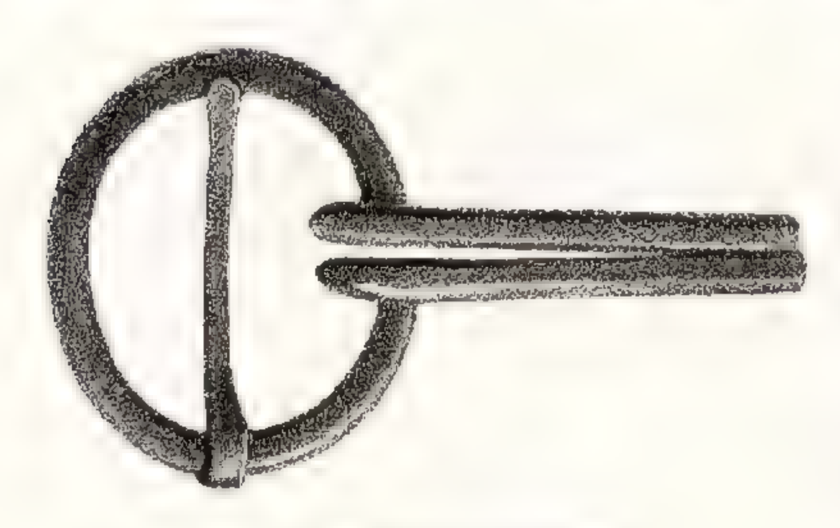
бубенцами, гусиными лапками (рис. 74 и 75). Подобныя пряжки встрѣчены въ Ярославской и Владимірской губ.; пермскіе и великоболгарскіе экземпляры старѣе Тамбовскихъ. Далѣе, любопытны пряжки въ видѣ кованаго круглаго кольца съ иглою и двумя продольными остріями (рис. 76—78), очевидно, пронизывавшими легкую ткань и помогавшими удерживать не только пряжку, но и самую ткань въ складкахъ; подобныя пряжки доселѣ существуютъ у латышей въ Витебской губ. Браслеты здѣсь встрѣчаются еще пластинчатые, грубые, безъ орнаментаціи, что наиболѣе свидѣтельствуетъ о грубости инородческихъ вкусовъ. Серьги очень

рѣдки, но и тѣ—въ видѣ простого колечка съ колткомъ. Бусы разнообразнаго цвѣтнаго стекла или смальты, получавшіяся изъ первыхъ рукъ, съ сирійскаго Востока, образуютъ ожерелья; встрѣчаются также и колокольцы, звѣриные зубы, когти, что обычно у тюркскихъ племенъ.

Характерны головныя женскія украшенія: мы встрѣчаемъ здѣсь (рис. 79, внизу), особый видъ головной повязки, въ видѣ тонкой, рѣдко серебряной, чаще бронзовой тесьмы или ленты, сдѣланной изъ тонкихъ трубочекъ, нанизанныхъ на шнурки и перехваченныхъ поперечными жамками, или скобочками; эта повязка напоминаетъ русскій ремешокъ, надѣваемый на волосы. Подобныя украшенія мы видимъ въ Витебской губ., Лифляндіи, и Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губ. Это украшеніе является имитаціею византійскихъ жемчужныхъ нитей, перехваченныхъ золотыми шарнирами и огибавшихъ голову по главной косѣ, уложенной въ видѣ коронки. Въ Тамбовскихъ могильникахъ косы часто оказываются намотанными на палочки, какъ напримѣръ, въ Муромскомъ могильникѣ Симбирской губ., и обвитыми ремнемъ, съ металлическимъ наборомъ или бронзовыми спиральными трубочками; украшенія изъ мѣдной проволоки на косахъ встрѣчаются въ восточной Россіи и въ позднѣйшую эпоху.

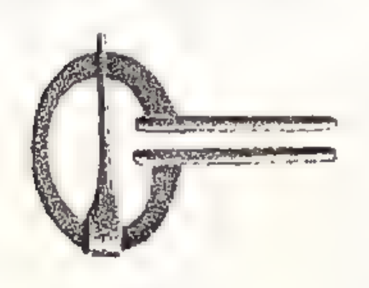

76. Пряжка изъ Лядинскаго могильника.

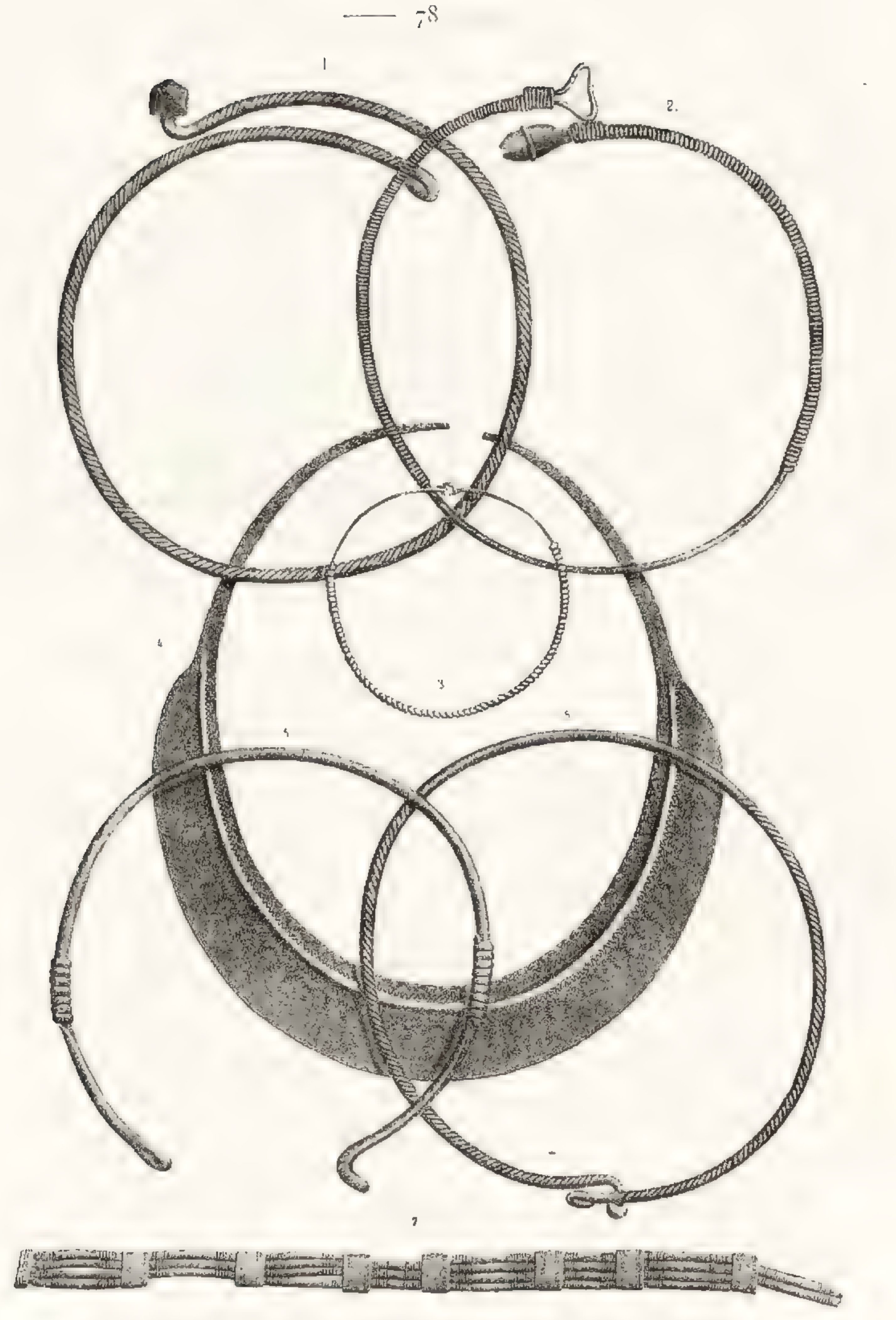

77. Пряжка изъ Лядина.

Въ тамбовскихъ могильникахъ встрѣчены оригинальныя головныя шпильки изъ длинной рукоятки, обмотанной, для крѣпости, проволокою, причемъ на концѣ эта проволока загнута спиралью и употреблялась для закручиванія локоновъ или косъ вмѣстѣ съ тонкимъ покрываломъ; рукоять оставалась висѣть (рис. 80). Въ женскихъ могилахъ находятъ часто и обычныя гривны или шейные обручи изъ бронзоваго дрота, иногда обмотаннаго про-

78. Тоже.

79. Гривны, браслетъ (3) и головной уборъ (7) изъ Лядинскаго могильника.

волокою, или же вовсе гладкаго, или, наконецъ, витаго (рис. 79), и вообще одинаковыя съ гривнами Владимірской, Рязанской и Витебской губерній. Но здѣсь есть также и плоскія гривны въ видѣ серпа или полулунія, собственно копіи византійскаго *мениска*,—лунницы, или древнерусской *гривны цатовой*, причемъ тамбовская копія (рис. 79 и 81), бываетъ обыкновенно снабжена грубыми подвѣсными трубочками, въ видѣ «рясенъ»; для дешевизны, изъ серебра здѣсь исполняется только верхняя накладка, орнаментированная наколомъ. Древнегреческій типъ плетеной нагрудной цаты съ подвѣсками можно видѣть въ ожерельѣ на рис. 82.

Наконецъ, въ Лядинскомъ могильникѣ оказались извѣстныя въ пермскихъ древностяхъ нагрудныя украшенія (рис. 83) въ видѣ четыреугольной рѣшеточки изъ проволочныхъ плетеній, съ конскими головками по обоимъ верхнимъ угламъ, причемъ жгуты чередуются съ зигзагами и съ подвѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ. Подобныя украшенія въ Перми, будто-бы, называются у мордвы *сустугами*. Эти украшенія воспроизводятъ въ металлѣ *кошель, калиту* (у киргизовъ — *калта*), *кишень*, или четыреугольную кису, изъ матеріи, носившуюся на груди (чаще всего плетеную), — откуда и происходитъ рѣшетчатое кружево нашихъ подвѣсокъ,

80. Шпилька изъ Лядина.

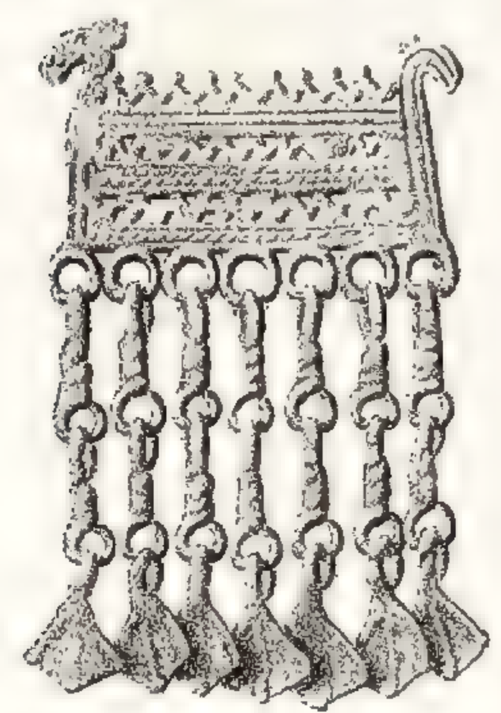
81. Гривна изъ Лядинскаго могильника.

съ бахромою — наши цѣпки и балаболки, — и также съ завязками, кончики которыхъ и обозначаются конскими головками. Подобныя матерчатыя кисы соот-

82. Шейная гривна изъ Лядинскаго могильника.

вѣтствуютъ, затѣмъ, металлическимъ коробочкамъ или *капторгамъ* «Русовъ» Ибнъ-Фоцлана, а также особымъ амулетамъ, въ видѣ серебряныхъ дощечекъ, выложенныхъ бисеромъ и камнями, съ шнуромъ наверху. Найденныя въ могильникѣ монеты оказались подражаніями арабскимъ диргемамъ (VIII—IX стол.).

83. Изъ Лядинскаго могильника.

Большое собраніе такихъ-же древностей извлечено изъ могильника, открытаго въ *Шацкомъ уѣздѣ*, Тамбовской губ., въ с. Ново-Томниковѣ. Этотъ нетронутый могильникъ доставилъ лучшіе экземпляры Тамбовскихъ древностей. Предметы были все тѣ-же, но лучшаго исполненія, часто изъ серебра, а также изъ превосходной бронзы, покрытыя нѣжною патиною. Изъ новыхъ предметовъ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить двѣ поясныя ременныя большія бляхи изъ бронзы; одна (рис. 84) для наконечника ремня или языка, длинная, съ узоромъ изъ косыхъ крестовъ, кавказскаго типа, эпохи переселенія народовъ; другой наконечникъ (рис. 85) украшенъ

прорѣзнымъ узоромъ изъ условныхъ разводовъ двухъ пальметокъ, той-же схемы, какъ въ венгерскихъ ременныхъ наборахъ VI—VIII ст. Наши бляхи также

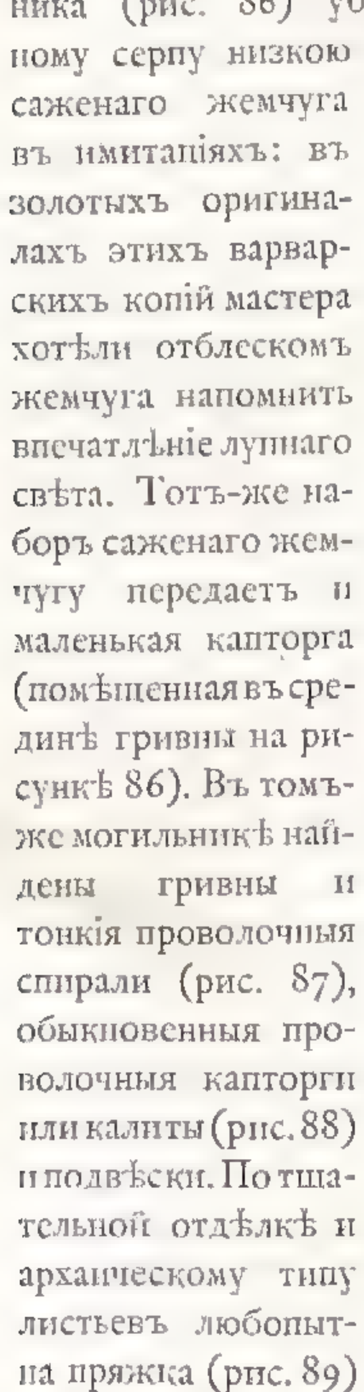
84. Ременный язычекъ изъ Томниковскаго могильника.

едва-ли могутъ относиться къ болѣе позднему, чѣмъ VIII—IX стол., времени, и потому Томниковскій могильникъ, и по тщательности своихъ издѣлій, и по типамъ, легко можетъ предшествовать Лядинскому.

85. Тоже изъ Томникова.

Гривна Томниковскаго могильника (рис. 86) убрана по лунному серпу низкою саженаго жемчуга въ имитаціяхъ: въ золотыхъ оригиналахъ этихъ варварскихъ копій мастера хотѣли отблескомъ жемчуга напомнить впечатлѣніе луннаго свѣта. Тотъ-же наборъ саженаго жемчугу передаетъ и маленькая капторга (помѣщенная въ срединѣ гривны на рисункѣ 86). Въ томъ-же могильникѣ найдены гривны и тонкія проволочныя спирали (рис. 87), обыкновенныя проволочныя капторги или калиты (рис. 88) и подвѣски. По тщательной отдѣлкѣ и архаическому типу листьевъ любопытна пряжка (рис. 89)

86. Гривна и калита (капторга) изъ Томникова.

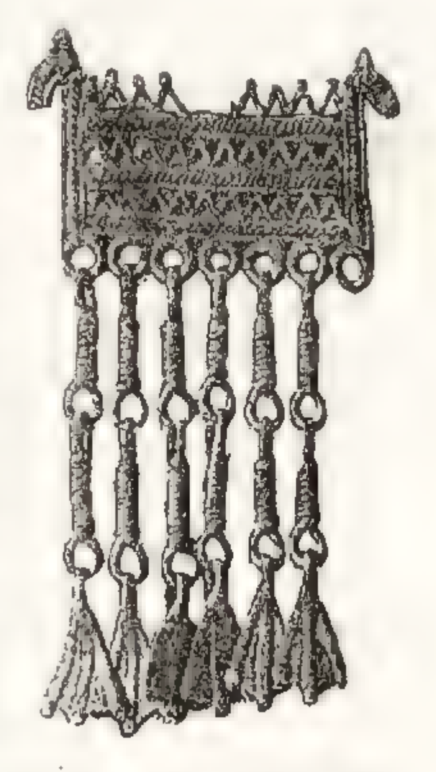
съ четырьмя подвѣсными жгутами, замѣнившая описанную ранѣе четыреугольную пластину.

Близь Моршанска и въ 57 вер. отъ Тамбова открыты также значительные могильники, но менѣе сохранные, причемъ вещи, найденныя въ нихъ, не такой тщательной работы, какъ можно видѣть изъ круглой пряжки съ подвѣсками: точнѣе говоря, это — подвѣски, только нацѣплявшіяся на одежду иглою (а не служившія для ея застегиванія), украшенною уже безъ смысла двумя конскими головками (рис. 90), какъ калиты.

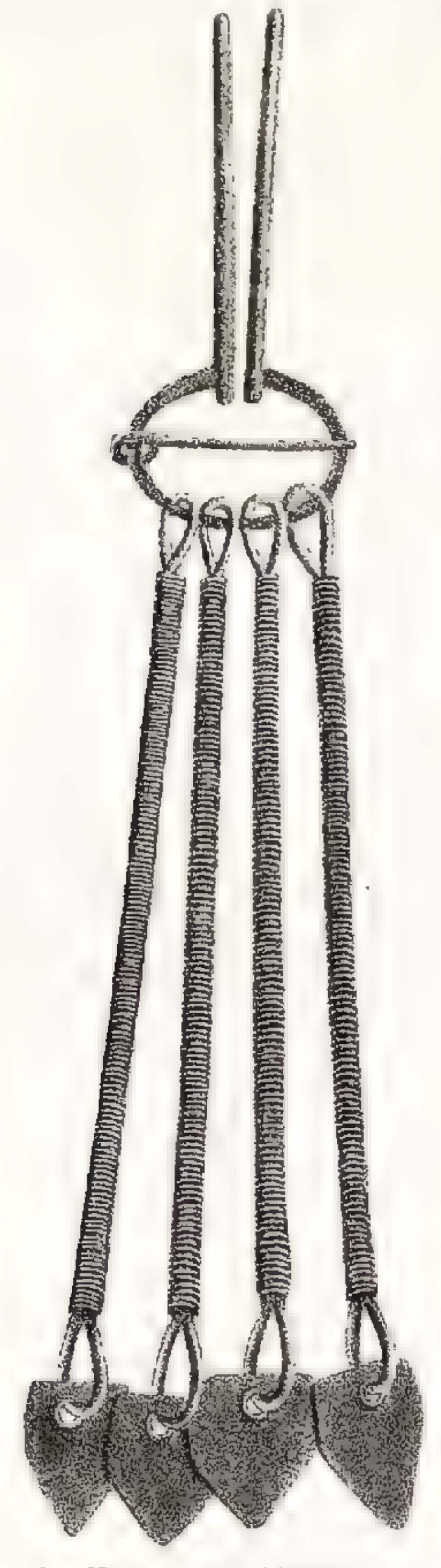
87. Гривна и проволочная спираль изъ Томникова.

Между древностями бассейновъ Оки и Волги стоятъ древности Московской губерніи, имѣющей болѣе 300 курганныхъ могильниковъ, изъ которыхъ изслѣдовано около 400 кургановъ. При мужскихъ костякахъ находили иногда только грубый горшокъ, ножикъ и пряжку; на женскихъ остовахъ почти всегда бусы изъ стекла или горнаго хрусталя, изъ сердолика въ видѣ граненыхъ низокъ, шейныя бронзовыя гривны, бронзовые, изрѣдка серебряные браслеты, перстни, серьги, разныя подвѣски и погремушки; оригинальнымъ предметомъ являются височныя подвѣски о семи лопастяхъ, которыя находятъ около головы, иногда вплетенными въ волосы на вискахъ. Оружіе и монеты вовсе не встрѣчаются, что, однако, нельзя считать послѣдствіемъ жизни племени въ сторонѣ отъ торговыхъ путей, такъ какъ въ курганахъ находятъ и бусы, и куски шелковыхъ тканей, а въ селѣ Черкизовѣ былъ найденъ нѣкогда (нынѣ въ Румянцовскомъ музеѣ) большой сосудъ изъ олова, весь покрытый штампованными изображеніями птицъ, звѣрей, сфинксовъ и грифоновъ, относящійся къ предметамъ восточнаго привоза. Быть можетъ, Московскіе курганы относятся къ болѣе поздней эпохѣ, когда уже не было болѣе въ обычаѣ носить ни диргемовъ, ни монетъ въ ожерельяхъ. На позднѣйшую эпоху XI — XII стол. указываютъ и самые предметы своими производными формами. Височныя кольца часты, сдѣланы изъ бронзовой проволоки, иногда украшены нанизанными на проволоку серебряными бусами.

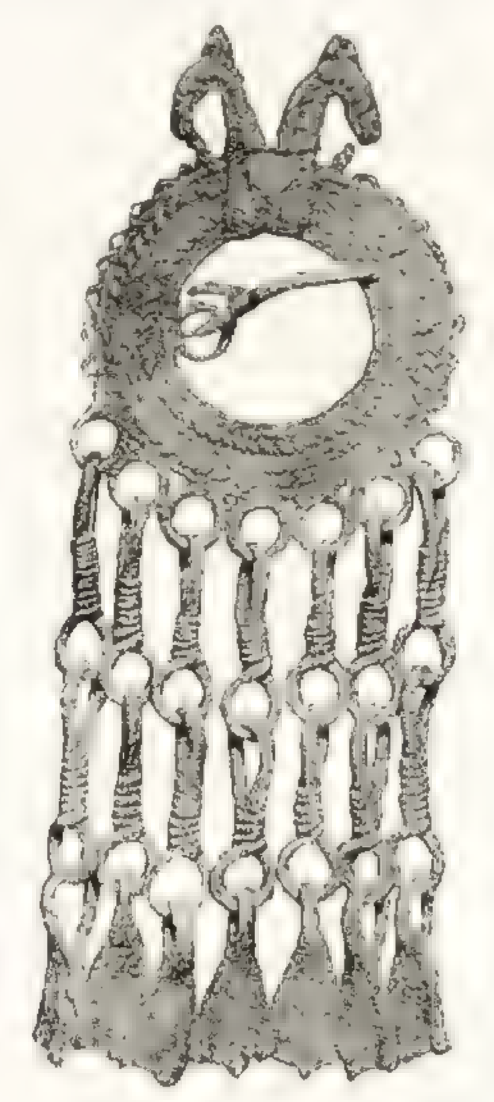

88. Калита изъ Томникова.

Серьги имѣютъ любопытную форму такъ называемаго московскаго типа, а именно кольцо большого размѣра (стало быть, это опять не серьга, а то, что называется височнымъ кольцомъ) имѣетъ внизу широкую форму калачика, но такъ расчле-

89. Пряжка изъ Томникова.

90. Пряжка Моршанскаго могильника.

неннаго, что наверху онъ образуетъ 7 лучей, а внизу лунницу о 7 лопастяхъ, которыя замѣнили прежнія гнѣзда съ камнями или жемчугомъ. Въ Коломенскомъ уѣздѣ встрѣченъ также иной, болѣе любопытный типъ, гдѣ подвѣсная часть представляетъ вазу съ узорными ручками и узкою ножкою; по бордюру все раздѣлано петельками или глазками, воспроизводящими жемчужную обнизь. Форма (рис. 91), причудливая, утрированная и поздняя, исполнена штампомъ и рѣзьбою изъ листового серебра. Шейныя гривны всегда изъ бронзы съ плетеніемъ въ срединѣ — также поздняя форма. Ожерелья изъ золоченыхъ бусъ, а также смальты, янтаря, сердолика, бисера, зеленаго, голубого и желтаго; въ Богородскомъ уѣздѣ встрѣчены большія шарообразныя бусы изъ хрусталя, напоминающія кавказскія; въ ожерельяхъ

встрѣчаются лунницы изъ сплава и бляшки весьма неопредѣленныхъ штамповъ. Браслеты чаще пластинчатые, рѣдко витые жгутомъ и перстни изъ проволоки съ

91. Серьга изъ Коломенскаго уѣзда, Московской губ.

широкою печаткою. Пряжекъ мало, и только одинъ разъ встрѣчена круглая, съ гнѣздами для эмали, занесенная съ запада. Прежній кошель измѣнился въ подвѣску изъ пары конскихъ головокъ, несоразмѣрно большихъ, и полоски для

92. Городище.

93. Шурскало, у Ростовскаго озера.

94. Городище.

колецъ съ цѣпочками; иногда она имѣетъ треугольную форму (на новгородскомъ нарѣчіи «кошелемъ» называется треугольная сережка), иногда рѣшеточки.

Мерянскія древности были предметомъ систематическаго изслѣдованія и продолжительныхъ раскопокъ графа А. С. Уварова, съ 1851 по 1854 годъ, въ уѣздахъ: Суздальскомъ, Владимірскомъ, Юрьевскомъ, Переславскомъ и Ростовскомъ; всего, подъ личнымъ наблюденіемъ графа Уварова и П. С. Савельева, изслѣдованы 163 мѣстности и разрыто всего 7.729 кургановъ. Археологическія разысканія,

95. Изъ Мерянскихъ кургановъ.

96. Городище, у Переславскаго озера.

направившіяся отъ Суздаля къ Ростову, съ цѣлью опредѣлить характеръ мерянскихъ могилъ на самомъ мѣстѣ первоначальнаго жительства Мери, подтвердили слова Нестора: «а на Ростовскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ Меря-же». У Плещеева озера изъ общаго числа разрытыхъ кургановъ изслѣдовано 2.358 могилъ, на берегахъ Ростовскаго 353 кургана, между тѣмъ какъ остальные разбросаны по обширному пространству между Клязьмою на югѣ, Тверскою губерніею на западѣ, Угличскимъ и Ярославскимъ уѣздами на сѣверѣ, Шуйскимъ и Ков-

97. Осипова пустынь у Переславскаго озера.

98. Мерянскіе курганы.

99. Осипова пустынь.

ровскимъ на востокѣ. Но, такъ какъ раскопки, сосредоточившіяся около ядра мерянской земли, дали богатый, единственный по полнотѣ матеріалъ для изученія ея древностей, то остается невозможнымъ опредѣлить границы распространенія племени и сосѣднихъ народностей: Муромы, Мордвы, Черемисовъ и Вѣси, и въ особенности сосѣдившихъ съ Мерью на западѣ Славянъ, Кривичей и Вя-

тичей. На западной сторонѣ, по берегамъ Москвы, Клязьмы и Волги были многочисленныя поселенія, и по отсутствію естественныхъ преградъ, рано должно было произойти сліяніе пограничныхъ племенъ и ославяненіе Мерянскаго племени. На Востокѣ мерянскія поселенія останавливаются у теченія трехъ рѣкъ: Мебри, впадающей въ Унжу, притокъ Волги, такъ какъ здѣсь былъ рубежъ сплошныхъ лѣсовъ. Напротивъ, Меряне далеко подымались вдоль рѣкъ на сѣверъ, а на югѣ сливались съ родственными народностями до предѣловъ Рязанской и Тамбовской губерній.

100. Осипова пустынь.

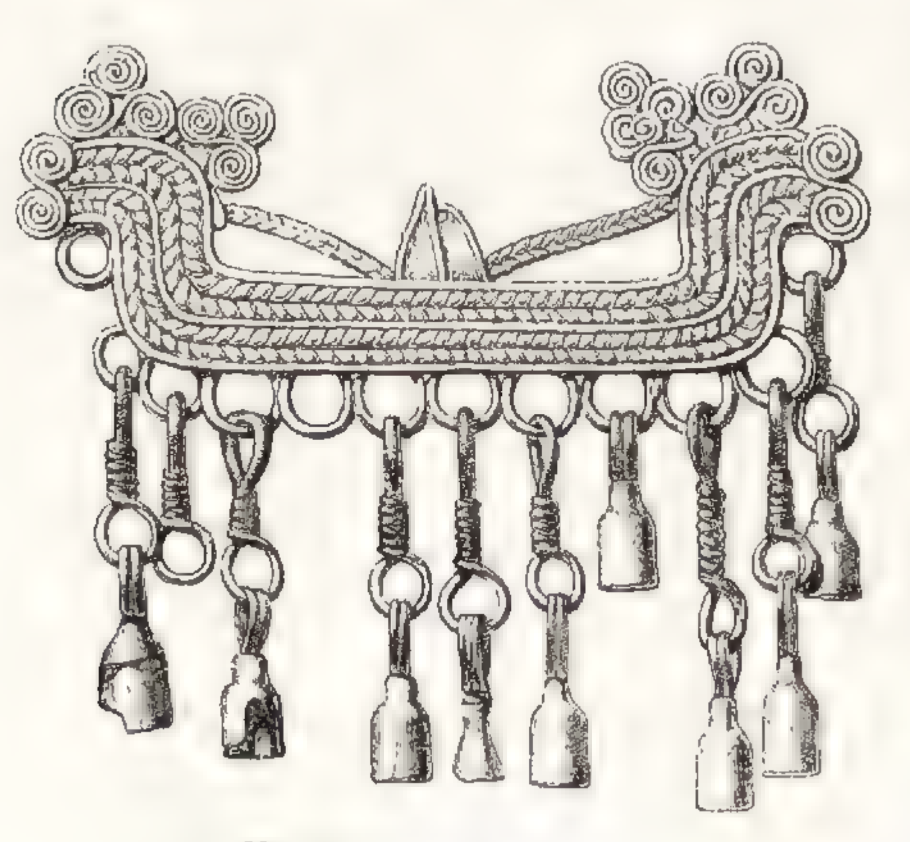

101. Васильки.

Меряне выбирали для кургановъ мѣста возвышенныя, по преимуществу холмы, и въ окрестностяхъ Переславскаго озера гора Гремячь, близь села *Веськова,* вся покрыта курганами, причемъ древнѣйшія могилы съ жжеными костями были расположены на вершинѣ; позднѣйшія, съ предметами христіанской эпохи, — по ея отлогостямъ. На восточномъ берегу того-же озера гора Круглица у села Большая *Брембола,* «Княжи могилы», у с. Малая Брембола «Могилки» и др. съ монетами саманидскими и западными, времени отъ 905 по 1024 годъ. Лежащее по близости село *Городище* содержитъ до 1.340 кургановъ, остатки города и церкви; тутъ найдены серебряныя западныя монеты VIII вѣка. Искусственная насыпь, извѣстная подъ именемъ *Александровой горы,* глубиною болѣе пяти саженъ, стоитъ вблизи Городища: въ ея насыпи встрѣчены монеты IX и X столѣтій въ нижнихъ слояхъ, а въ верхнихъ издѣлія существовавшаго здѣсь въ XV вѣкѣ монастыря. На берегу Ростовскаго озера у села *Шурскала* курганы занимали «Красную Горку»; здѣсь обнаружены монеты X и XI вѣковъ. Въ Городцѣ на Сарѣ вырыты въ грудѣ серебряныя монеты, разрубленныя на половинки и четвертинки: сассанидскія, VIII вѣка и первой половины IX вѣка. На западъ отъ Переславскаго озера, близь с. *Осипова Пустынь* курганы содержатъ и

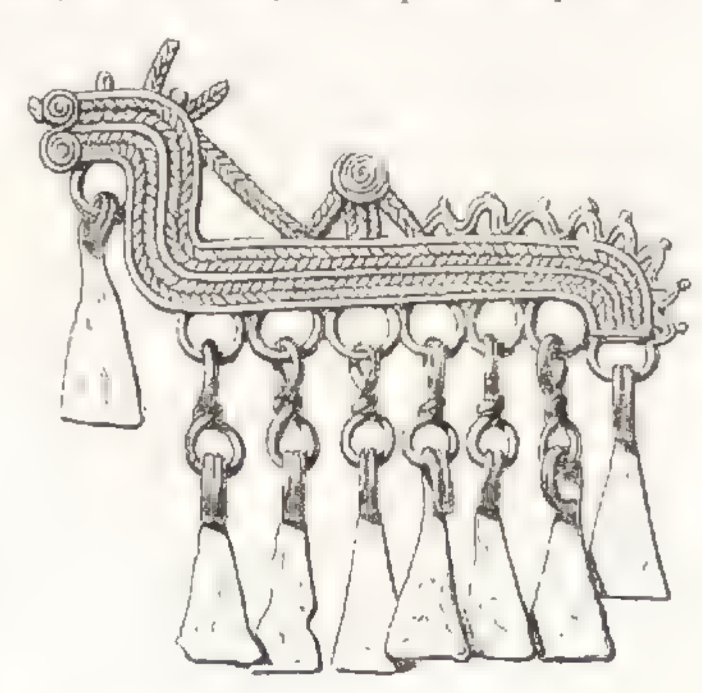
102. Мерянскіе курганы. С. Васильки.

103. Изъ Мерянскихъ могилъ.

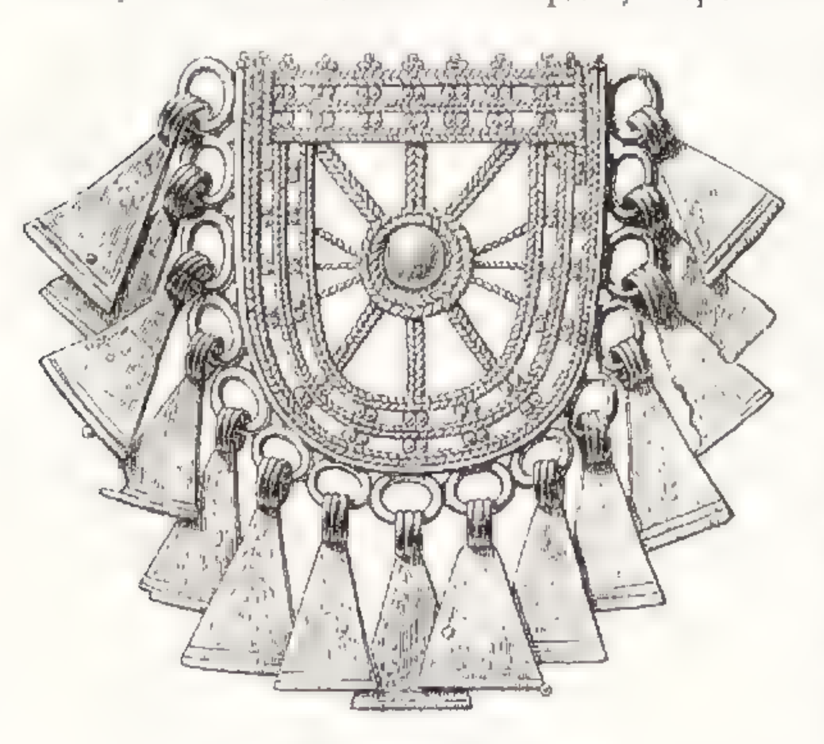
восточныя, и западныя монеты X и XI вѣковъ. Къ числу древнѣйшихъ поселеній Мерянъ относится и мѣстность города Владиміра на Клязьмѣ.

Меряне слѣдовали различнымъ обычаямъ, то сожигая, то погребая мертвыхъ: при сожженіи окружали покойника жизненною обстановкою; при погребеніи клали его лицомъ на Востокъ, ставили въ ногахъ горшки съ явствами, вокругъ тѣла уборы и утварь, оружіе, конскую сбрую, вѣсы и гири, иглы, ножницы, серпы, замки; тѣло убирали амулетами, подвѣсками, бляхами, перстнями, браслетами. Конскія могилы рѣдки (по двѣ и по три на нѣсколько сотъ кургановъ) и принадлежали всегда погребенію вождей. Всѣ мерянскіе курганы относятся къ языческой эпохѣ; христіанскіе кресты и образки не могутъ служить указаніемъ вѣры, такъ какъ бываютъ нацѣплены на мониста въ качествѣ украшеній; при крайней грубости собственныхъ издѣлій, Меряне скупали украшенія, какія только могли достать, какъ это дѣлаютъ Мордва, Черемисы и теперь.

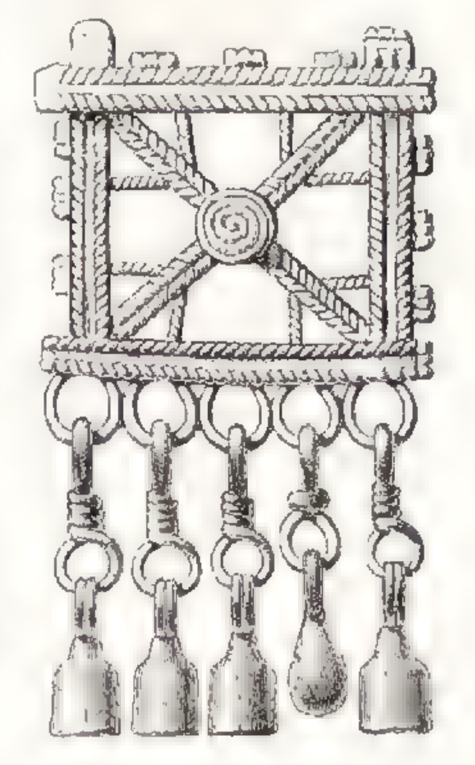

104. Изъ Мерянскихъ могилъ.

Чужія издѣлія и монеты шли съ Востока: *бусы* и *браслеты*, изъ цвѣтного и золоченаго стекла, шли изъ Сиріи, а металлическія вещи изъ Волжскихъ Болгаръ. Съ запада и сѣвера получалось оружіе; съ береговъ Балтійскаго моря чашечныя фибулы и предметы убора, орнаментированные тою рѣзьбою, которую знаемъ въ скандинавскихъ древностяхъ. Простые уборы и предметы утвари изъ бронзы и желѣза были изготовляемы на мѣстѣ. Всѣ дорогія ткани — парча, галуны, получались изъ Византіи чрезъ посредство Варяговъ, Кіевскихъ и Новгородскихъ торговцевъ.

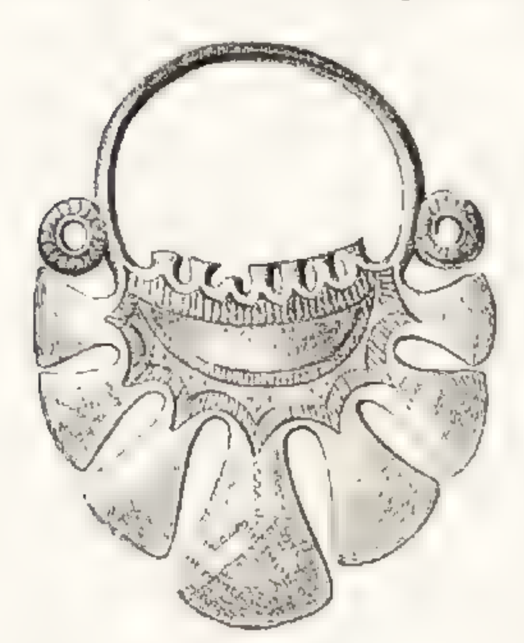
105. Мерянская подвѣска.

106. Тоже.

Бронзовыя и глиняныя статуэтки, найденныя здѣсь

въ немногихъ экземплярахъ, могли имѣть значеніе амулетовъ, прогоняющихъ злаго духа, какъ изображенія руки, лапы, рога, находимыя въ могилахъ, или натуральные когти, клыки, зубы, янтарныя бусы въ монистахъ, тоже игравшія роль въ финскомъ сложномъ суевѣріи. Суевѣрныя мелочи въ мерянскихъ украшеніяхъ весьма обильны.

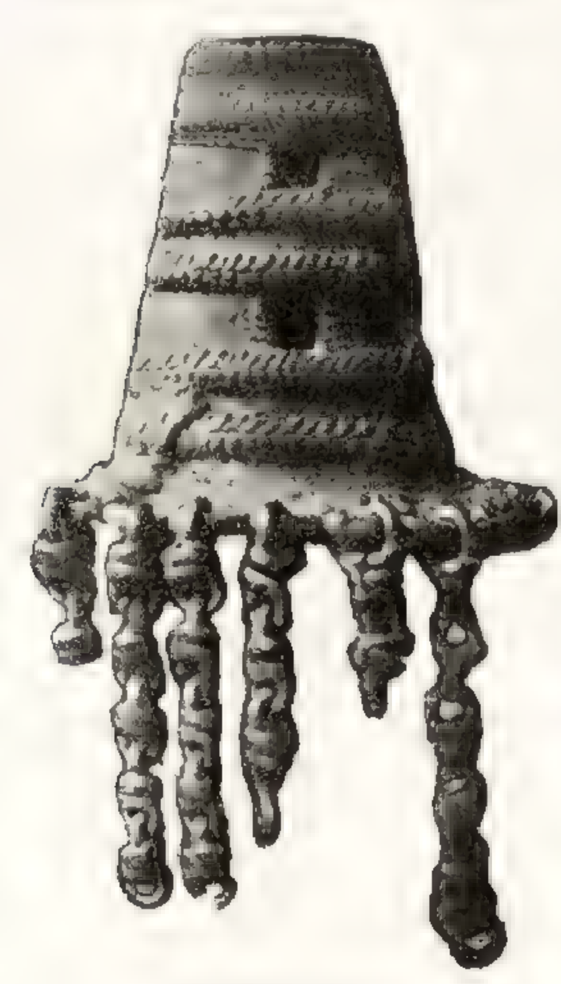

107. Изъ Мерянскихъ могилъ.

108. Серьга изъ Мерянскихъ могилъ.

Меряне носили на головахъ, по волосамъ, ремни съ нацѣпленными на нихъ височными кольцами, серебряными и бронзовыми, до восьми у праваго виска и всегда менѣе у лѣваго; встрѣчены также серебряныя листовыя діадемы. Въ ушахъ и около ушей носили серьги, особенно въ восточной части области; онѣ состояли изъ проволочнаго кольца съ металлическими бусами; серьги были серебряныя или бронзовыя, золоченыя, очень рѣдко золотыя; главный типъ заимствованъ отъ Кіевскихъ Славянъ, а лучшіе, серебряные экземпляры, всѣ привезены изъ Кіева. Гривны изъ серебра очень рѣдки, чаще изъ бронзы, даже изъ желѣза. Въ женскихъ могилахъ встрѣчаются ожерелья и мониста, съ нацѣпленными на шнурокъ бусами, подвѣсками и монетками: какъ бѣдна была мерянская земля и незначительна торговля, видно изъ того, что даже стеклянныхъ бусъ здѣсь было мало, и бусы изъ аметиста, хрусталя и сердолика рѣдки; въ качествѣ украшеній, на мониста вѣшались даже извѣстныя пряслицы изъ глины и краснаго шифера, тоже добывавшіяся изъ Кіева.

109. Изъ Мурома.

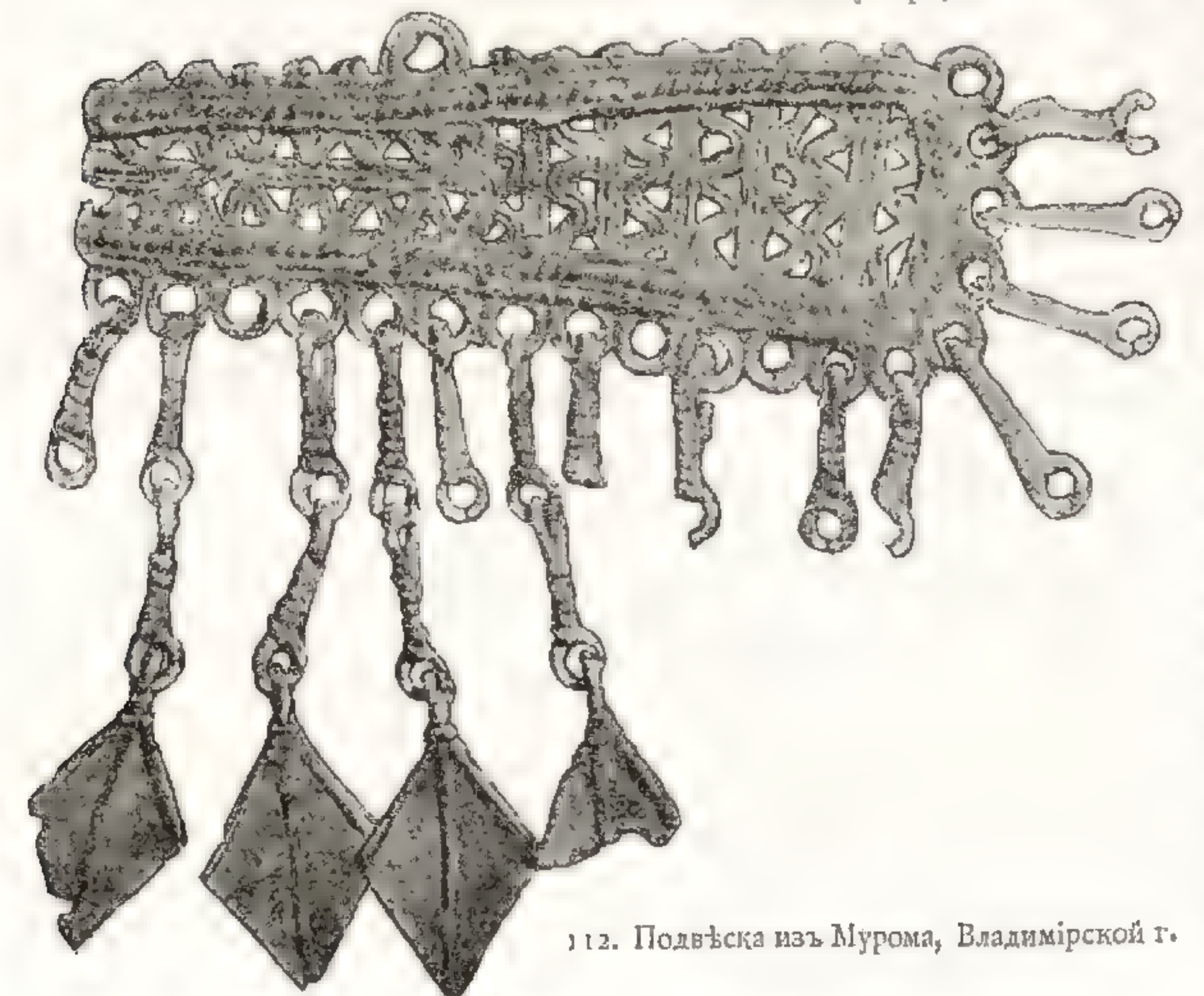
Подвѣски были отлиты или штампованы изъ серебра, но не составляютъ, собственно, мерянскихъ древностей, а относятся къ древностямъ приднѣпровскимъ (Кіева и Смоленска), судя по ихъ совершенному тождеству съ вещами Кіевскими и Гнѣздовскими. Прилагаемые здѣсь рисунки серебряныхъ подвѣсокъ, найденныхъ въ курганахъ селеній: Большая Брембола, Васильки, Осипова Пустынь, Городище, Шурскало, даютъ почти всѣ важнѣйшіе типы гнѣздовскихъ подвѣсокъ частью въ оригиналахъ изъ серебра съ настоящею сканью, частію же въ отливныхъ копіяхъ изъ дурнаго

серебра: тѣже розетки изъ двойной рубчатой скани, вѣточки съ зернами, крутящіяся розетки, плетенія, крины, подобіе птицы изъ зерневыхъ схемъ, луницы. Въ разрядъ подвѣсокъ здѣсь попадаютъ круглые образки Спаса, Богородицы, Святыхъ, соединяемые съ другими бляшками, крестами серебряными, мѣдными, каменными, янтарными и оловянными. Напротивъ того, крупныя наплечныя привѣски (родъ фибулъ и застежныхъ пряжекъ) и поясныя, исполненныя изъ бронзы, относятся почти всѣ безъ исключенія къ собственнымъ издѣліямъ мерянскаго племени и сохраняютъ полную характерность тяжелаго, массивнаго убора, вообще свойственнаго тюркскимъ племенамъ и принесеннаго въ Европу средне-азіатскими кочевниками. Таковы подвѣски въ видѣ треугольниковъ съ цѣпочками и лапчатыми кистями, нацѣпляемыя на мониста, пришпиливаемыя къ одеждѣ на плечахъ, у груди; другія подвѣски имѣютъ

110. Московской губ., Звенигородскаго у., с. Боброва.

111. Изъ Тверской губ.

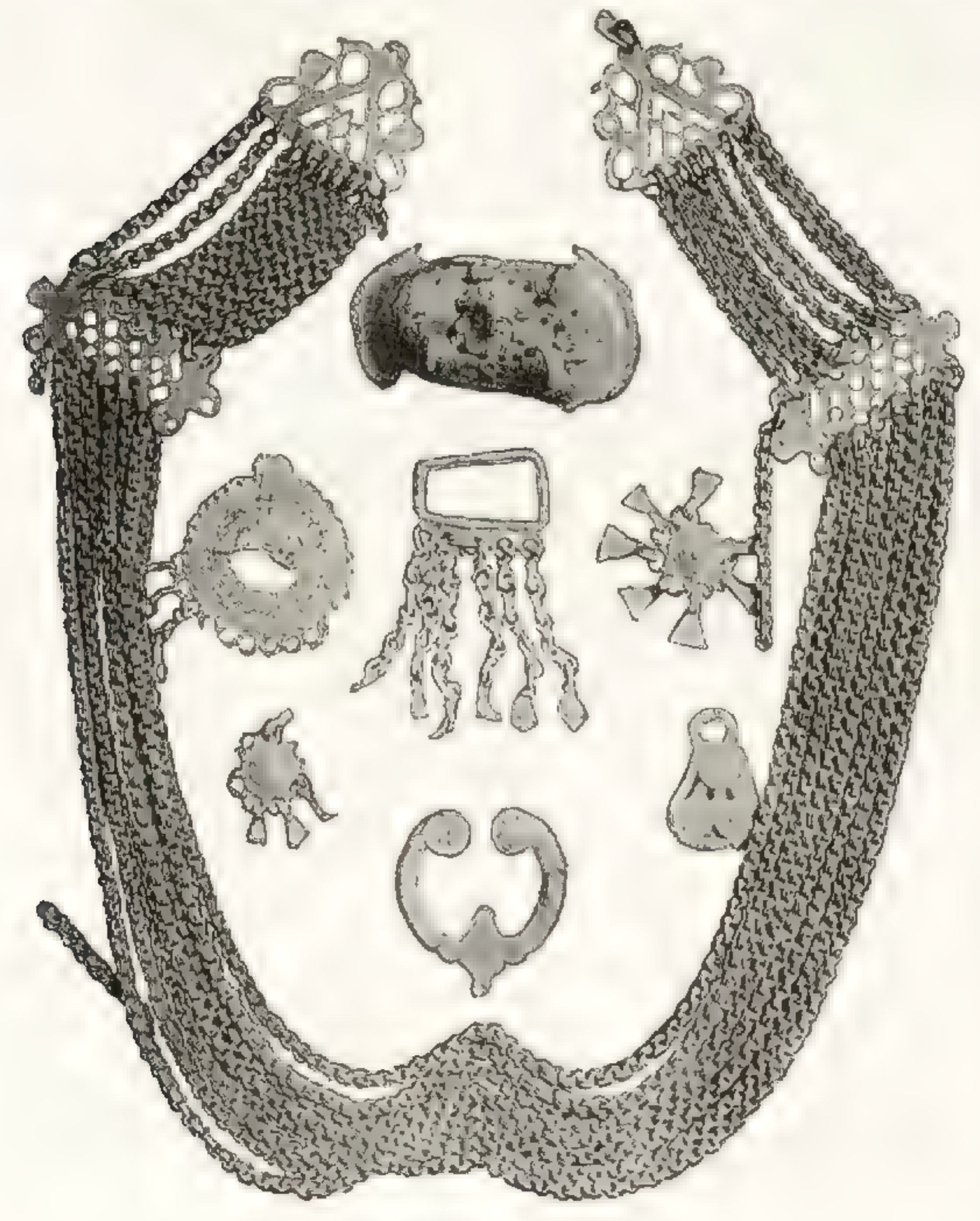

112. Подвѣска изъ Мурома, Владимірской г.

113. Подвѣска изъ Мурома.

видъ плетеныхъ калитъ или кошелей *(капторги)*, или же круглыхъ кольцеобразныхъ фибулъ, съ длинными цѣпочками, растянутыми на рѣшеточку, точно также, какъ ихъ византійскіе оригиналы изъ золота и жемчуга; третьи на подобіе коньковъ и птичекъ съ цѣпочками и бубенчиками, или же лапчатыми петалами, тождественны съ пермскими вещами, а происходятъ отъ варварскихъ фибулъ V—VIII столѣтій. Пряжки въ мерянскихъ могильникахъ имѣютъ или круглую готскую форму, или позднѣйшую арабскую — четыреугольную. Арабскій типъ имѣютъ и всѣ ременныя бляшки отъ поясовъ, съ штампованными или же отлитыми въ бронзѣ рисунками, свойственными такъ называемому Арабскому Востоку даже и доселѣ. Браслеты украшены накономъ, рѣдко наводятся черныо, или же дѣлаются изъ свитыхъ дротовъ и скрученной проволоки; наиболѣе любопытны браслеты, носившіеся выше локтя. Уборы, громыхающіе своими бубенцами, въ лучшемъ случаѣ сбитые изъ мѣдной проволоки, или же грубо отлитые, отличаются нескладностію геометрическихъ формъ. Бытовая среда Финновъ была очень характерна, благодаря жизни въ глуши и ея безпомощности, но тѣмъ бѣднѣе была она

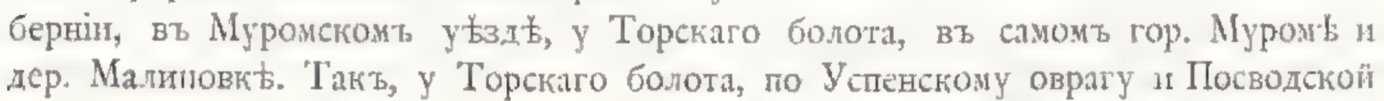
114. Историческій музей. Муромъ.

художественными формами, даже сравнительно съ древностями тамбовскихъ могильниковъ и береговъ Оки. Не Славяне что-либо брали и заимствовали отъ Мерянъ, а Меряне брали все, что могли, у Славянъ — таково свидѣтельство сравнительнаго изученія могильниковъ, хотя Меряне были здѣсь автохтонами. Ихъ примѣръ доказываетъ извѣстную истину, что народъ, поставленный природными условіями въ полное обособленіе отъ другихъ, не развивается въ культурномъ отношеніи и приходитъ въ упадокъ. Меряне рано стали исчезать подъ напоромъ пришлаго славянскаго населенія, имѣвшаго позади себя западно-славянскую культуру. Славяне являлись здѣсь носителями этой культуры и, если принимали на первое время финнскіе обычаи, то это только способствовало быстрѣйшему поглощенію финнской національности.

115. Подвѣска изъ Муромскаго уѣзда.

Болѣе замѣчательны по художественнымъ формамъ находки Владимірской гу-

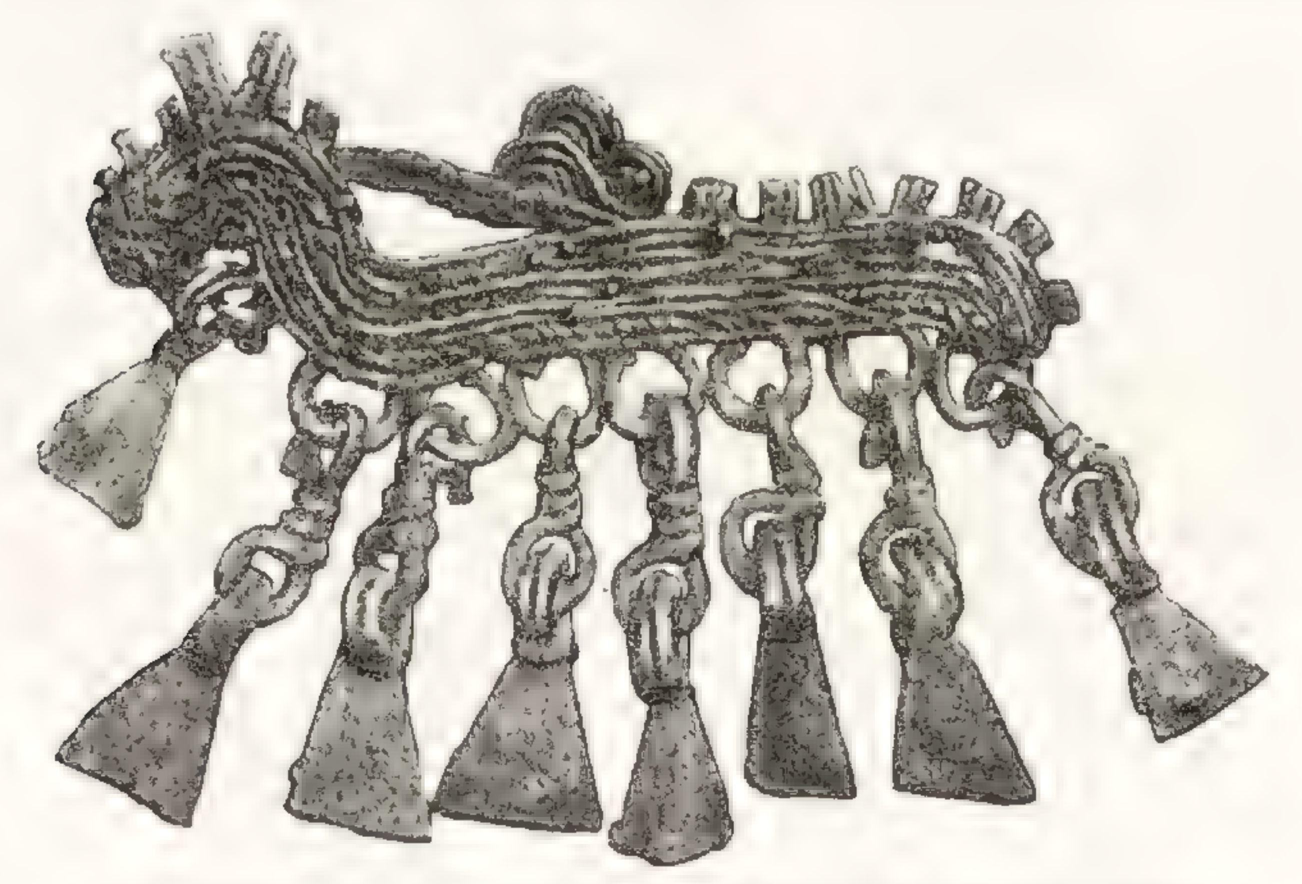
берніи, въ Муромскомъ уѣздѣ, у Торскаго болота, въ самомъ гор. Муромѣ и дер. Малиновкѣ. Такъ, у Торскаго болота, по Успенскому оврагу и Посводской горѣ у гор. Мурома, между старыми находками, есть любопытное шейное украшеніе изъ цѣпей (рис. 114), укрѣплявшееся прорѣзными треугольными бляхами на обоихъ плечахъ и пониже на груди продолговатыми бляхами. При этомъ найдены слѣдующія вещи (помѣщенныя въ снимкѣ внутри рисунка 114): чашечная овальная фибула скандинавскаго типа, круглая сканная пряжка, подобная-же проволочная продолговатая, круглая выпуклая подвѣска, двѣ поменьше, массивная круглая пряжка сѣверозападнаго *(люцинскаго)* типа съ красною эмалью въ утолщенныхъ концахъ; кромѣ того, подвѣска (рис. 113) изъ пяти сканныхъ кружковъ, воспроизводящая изящныя ячейки изъ золота (съ поталами), назначавшіяся для саженаго жемчуга и найденныя между готоаланскими вещами въ Ставропольской губ. (ср. Венгерскую подвѣску, III вып. *Рус. Древ.* рис. 176 — 8), и, наконецъ, большое ажурное (подобіе скани изъ проволоки) продолговатое украшеніе въ формѣ рѣшеточки съ подвѣсными колокольцами (ср. рис. 112); множество мелкихъ массивныхъ

116. Владимірской губ., г. Муромъ.

подвѣсныхъ украшеній, изъ петель съ цѣпками, поталами, или полосокъ съ колечками; три шейныхъ обруча оказались нагруженными рядомъ тяжелыхъ спиральныхъ колецъ, а къ одной гривнѣ было прямо приклепана серьгообразная пластина, съ наколомъ, вѣроятно, добытая изъ Тамбова или съ береговъ Оки. Въ находкахъ дер. Малиновки уже оказалось много серебряныхъ вещей, стеклянныхъ бусъ, бронзовыхъ обручей, браслетовъ и пряжекъ, съ арабскими монетами VIII—IX столѣтій, извѣстные по тамбовскимъ могильникамъ серебряные круглые щитки (см. рис. 40 и 41), съ отверстіемъ. Любопытны серебряныя лунницы (серьги?), найденныя парою на груди скелетовъ и украшенныя пирамидками зерни и бисерными нитями, и подобныя имъ наушныя украшенія съ привѣсками (рис. 115 и 116). Это позднѣйшее звено формы, которую мы встрѣтили въ древностяхъ Кавказа, Ставропольской губерніи и приволжскаго края.

Находки *Костромской* губерніи и уѣзда, добытыя въ 1893 году, не обнаружили ничего новаго и только засвидѣтельствовали скудость мѣстности въ художественномъ отношеніи. Между находками обычны височныя кольца съ ромбическими щитками, пряжечки съ завернутыми въ трубочки концами; характерны для тамбовскихъ могильниковъ всякія подвѣсныя балаболки грузнаго типа, грубыя формы ременныхъ наборовъ для пояса, уже не изъ штампованныхъ бляшекъ, серебряныхъ, позолоченыхъ, и даже не изъ бронзовыхъ массивныхъ бляшекъ, но изъ мѣдныхъ колечекъ и пластинъ. Единственная художественная форма—жгутъ

117. Подвѣсной къ поясу коникъ изъ Корчевскаго уѣзда, Тверской губерніи.

и плетеніе, а по части фигуръ—крохотные пѣтушки и коники съ подвѣсками, и то рѣдкіе въ этомъ медвѣжьемъ углу. Въ качествѣ сережекъ—расплющенныя проволочныя кольца и обыкновенная въ Вятскомъ краѣ сережка античнаго типа,

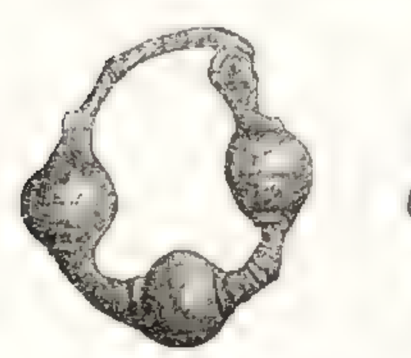
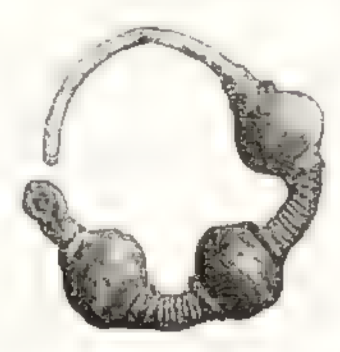
грубо вырѣзанная изъ листа бронзы, съ приклепанными листиками. Здѣсь-же встрѣчены подвѣски въ видѣ треугольной пирамидки изъ ячеекъ, образованныхъ спиралью и снабженныхъ цѣпочками съ петалами на концѣ.

Въ 30 верстахъ отъ *Твери* вверхъ по Волгѣ найдены въ могильникѣ обычныя мелочи: височныя кольца изъ серебряной проволоки, подвѣшенныя къ ожерельямъ изъ золоченыхъ бусъ, имитаціи арабскихъ диргемовъ и европейскія серебряныя монеты второй половины XI вѣка; на груди бубенчики; пояса, пряжки и перстни скудныхъ орнаментальныхъ формъ. Между подвѣсными серебряными бляшками нашлись съ изображеніемъ животнаго, тождественныя съ бляшками Калужской губ. Въ Корчевскомъ уѣздѣ раскопанъ могильникъ по р. Медвѣдицѣ у с. Посадъ: нашлись тѣ-же височныя кольца изъ серебряной проволоки, но также и пара серебряныхъ серегъ съ тремя бусами, бронзовыя гривны и ожерелья съ монетами X и начала XI вѣка; шесть западноевропейскихъ монетъ лежали въ чашечкѣ съ бронзовыми разновѣсами, на груди, за пазухою покойника, такъ какъ въ древней Россіи монету принимали на вѣсъ. Тутъ-же была лунница изъ серебра съ обычною зернью и три серебряныя бляшки съ животнымъ, изображеніе котораго находимъ и на тверскихъ монетахъ. Важенъ рядъ подвѣсокъ къ поясамъ, тождественныхъ съ мерянскими украшеніями, каковы коньки съ лапками (рис. 118), треугольныя рѣшеточки, перстни съ погремушками изъ грубаго плетенія, а самыя погремушки въ видѣ бубенцовъ съ разрѣзами, для пущаго звона. Въ курганѣ близь дер. Хрипелево, найденъ начельникъ изъ серебряной пластинки, шейный обручъ изъ серебрянаго дрота, четыре пластинчатыхъ браслета и два серебряныхъ перстня со сканью; височныя кольца украшены иногда серебряною серьгою съ бусами.

118. Ярославской губерніи, Мышкинскаго уѣзда.

Въ Углицкомъ уѣздѣ, *Ярославской* губ., могильникъ при дер. Вороновой доставилъ много предметовъ погребальнаго убора, но изъ 19 кургановъ интересъ представили не болѣе трехъ. Въ одномъ при женскомъ остовѣ найденъ серебряный вѣнчикъ, большое височное кольцо съ тремя малыми, на него нанизанными, на лѣвомъ вискѣ кольцо съ пятью ромбиками, перстни, браслеты; серебряная бляшка съ узоромъ изъ крестиковъ. Въ другомъ курганѣ была пара «московскихъ» серегъ. У дер. Кирьяковой на берегу Волги раскопано 55 кургановъ; проволочныя

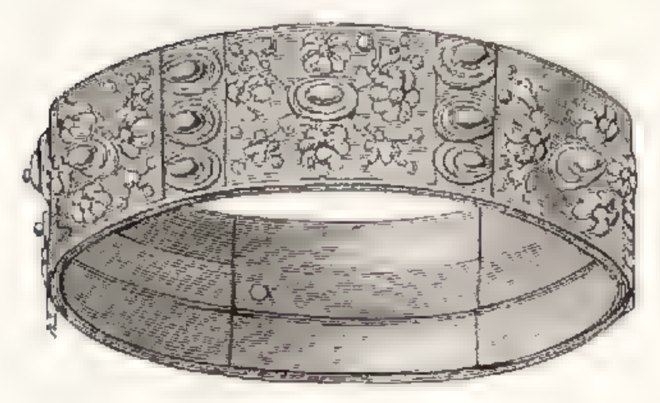

119. Пара серегъ изъ Мышкинскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

кольца на вискахъ найдены продѣтыми въ кожу (отъ мѣховой шапки?), бронзовыя гривны, литые браслеты съ грубыми наглавниками въ видѣ головы животнаго, перстни съ вырѣзанными кружочками; бронзовая пряжка подражаетъ эмальированнымъ фибуламъ; вѣнчикъ изъ серебряной ленты, образки и крестикъ бронзовые. У деревни Жуково въ 50 курганахъ находимы были англо-саксонскія монеты и арабскіе диргемы X—XI столѣтій; изъ вещей — серебряный вѣнчикъ, круглая пряжка изъ бронзы съ подвѣсками, также изъ проволоки. Въ Мышкинскомъ уѣздѣ близь села Кривецъ, въ Рыбинскомъ уѣздѣ близь дер. Юрьевецъ, кромѣ височныхъ колецъ изъ проволоки попадается больше подвѣсныхъ бляшекъ. Встрѣчаются подражанія подвѣскамъ въ видѣ ячеекъ съ лапчатыми цѣпочками, въ видѣ птички съ цѣпочками и даже гиппокампа (рис. 118), пряжки Люцинскаго типа, серебряныя бусы, сережки (рис. 119). Курганы по р. Сити, Мологѣ и Себлѣ, съ монетами конца X и начала XI вѣка и бусы; лучшія вещи зашли сюда случайно.

Въ *Нижегородской* губ., того-же уѣзда, могильникъ близь деревни Малое Терюшево доставилъ довольно большое количество вещей, сходныхъ съ могильниками Ярославскими и приволжскими: таковы круглыя плетеныя пряжки, поясные грубые наборы. Тутъ-же найдена, однако, кривая сабля и бронзовая подвѣска въ видѣ мусульманскаго амулета изъ трубочки для вложенія листка корана. Серебряныя ажурныя пряжки и серьги съ гладкими бусами изъ Нижегородской губ. имѣютъ тѣсную связь съ уборами монголовъ или Средней Азіи. Въ Сергачскомъ уѣздѣ, въ с. Гагинѣ, въ 1894 году обнаруженъ прямо Мордовскій могильникъ XIV стол.: здѣсь найдены серебряныя пряжечки, проволочныя трубочки отъ косъ, серебряные, но узкіе пластинчатые браслеты, а также браслеты восточные, витые жгутами, съ наглавниками, въ которыхъ вставлены стекла; наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить обиліе серебряныхъ «сюльгамовъ», т. е. колечекъ съ двумя лопастями (рис. 136); все это сообщаетъ своеобразную физіономію древностямъ. Общимъ съ древнею Русью являются развѣ мѣдные поясные наборы, бусы изъ сердолика, хрусталя и серебра, перстни со сканными украшеніями, — подобіями печатокъ, подѣленныхъ, какъ щитокъ, накрестъ.

120. Золотые обручи, найденные въ Казанской губ.

Развалины знаменитой столицы Волжскихъ булгаръ на Волгѣ, въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губ. (село Успенское) представляютъ нынѣ груды камня, разбиравшагося прежде окрестными жителями на постройки, какъ разобраны остатки другого булгарскаго города—Биляра въ Чистопольскомъ уѣздѣ. Но, несмотря на

непрестанные поиски жителей, находка монетъ, серебряныхъ, мѣдныхъ и изрѣдка золотыхъ, металлической утвари, перстней, серегъ, металлическихъ зеркалъ, стеклянныхъ, глиняныхъ и каменныхъ издѣлій не прекращается. Подобныя-же древности попадаются и далѣе въ Спасскомъ уѣздѣ, близь дер. Тенишевки и Измери, а также въ уѣздахъ Тетюшскомъ, Лаишевскомъ и др. Уже Петръ Великій жалѣлъ о постепенномъ разрушеніи и исчезновеніи остатковъ славнаго города и дѣлалъ распоряженія о поддержаніи его памятниковъ. Городъ былъ обширенъ,

121. Желѣзная (Лангобардская) корона.

но дома были деревянные и мѣнялись жителями лѣтомъ на войлочныя юрты; были тамъ большія мечети съ училищами и ханы. Многіе памятники его относятся еще къ эпохѣ до 968 года, когда городъ было разоренъ Русскими; онъ продолжалъ существовать до XIII вѣка, когда все царство было завоевано Монголами; къ эпохѣ монгольскаго владычества относятъ и время построенія каменныхъ зданій, нынѣ представляющихъ собою развалины. Монеты чеканились въ Болгарѣ, съ Батыя или Берки, т. е. съ 1250-хъ годовъ до средины XV вѣка.

Самою замѣчательною находкою Казанской губ. является пара великолѣпныхъ обручей изъ золота съ драгоцѣнными камнями, найденныхъ въ прошломъ вѣкѣ и нынѣ безслѣдно пропавшихъ, но своевременно, къ счастью, зарисованныхъ. Вещи эти имѣютъ значеніе непреложнаго свидѣтельства былыхъ богатствъ Приволжья въ періодъ IX—XII ст. Эта пара обручей (рис. 120), также какъ и такъ наз. Желѣзная или Лангобардская корона Италіи (рис. 121) были *обѣтными вѣнцами*, жертвованными въ церкви, для подвѣшиванія въ алтарѣ, на киворіи. Такой памятникъ

служитъ достойнымъ и непосредственнымъ продолженіемъ драгоцѣнныхъ сассанидскихъ древностей Пермской губерніи, а предлагаемые здѣсь рисунки приволжскихъ коронъ и Желѣзной Короны (рис. 120 и 121) ясно показываютъ ихъ тождество, художественное и техническое.

122. Капторга изъ Спасска, Казанской губ.; находка 1869 г.

Къ древностямъ X вѣка относится кладъ, найденный въ 1869 году, близь Великихъ Болгаръ, въ Спасскомъ уѣздѣ: въ кладѣ было 48 серебряныхъ слитковъ (рис. 125) и одна куфическая монета; затѣмъ, пять серебряныхъ браслетовъ, изъ скрученныхъ дротовъ (рис. 128), причемъ гнѣзда на концахъ ихъ украшены сердоликами. Пара золотыхъ кольчатыхъ серегъ съ насаженными

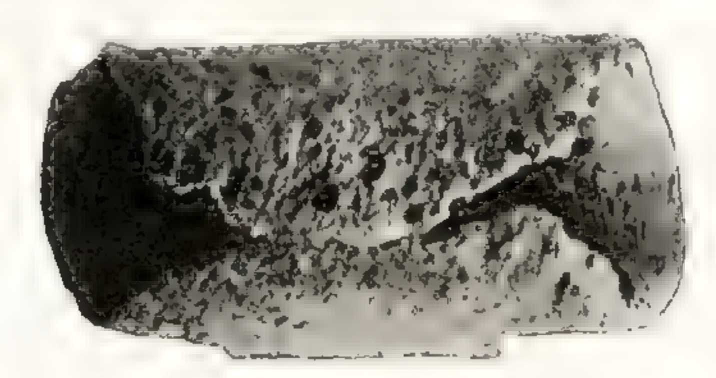
на проволоку тремя желудями (рис. 126) изъ листоваго золота, къ которымъ еще подвѣшены цѣпочки съ листьями; тутъ-же была пара серебряныхъ серегъ и одна серьга изъ золота, богато украшенная (рис. 124) сканными бусами, съ фигуркою птицы по срединѣ; фигурка исполнена вся изъ скани, съ ягодкою въ клювѣ. Большое монисто изъ золотыхъ желудей и тонкихъ бляшекъ (рис. 129 и 130), три серебряныхъ перстня, одинъ съ печаткою въ видѣ пальметки (рис. 123) и, наконецъ, коробочка или капторга изъ серебра, (рис. 122) съ орнаментами и чернью, и арабскою надписью въ срединѣ. Подобная изображенной на рис. 124 серьга съ птицею найдена въ Билярскѣ, другая пара въ Перми. Великолѣпное монисто изъ собранія графа Л. А. Перовскаго состоитъ изъ 26 серебряныхъ бусъ и 8 монетъ: трехъ саманидскихъ 912—951 гг. и пяти булгарскихъ поддѣлокъ. Въ Болгарахъ находятъ серьги въ видѣ лунницы, причемъ щитокъ богато украшенъ, а ободокъ воспроизводитъ саженый жемчугъ (см. рисунокъ 132). Браслеты имѣютъ видъ узкаго пластинчатаго наруча съ наглавниками въ видѣ головы животнаго, иногда

123. Перстень изъ Спасска.

124. Ушная подвѣска изъ Спасска.

125. Слитокъ изъ Спасска.

126. Серьга изъ Спасска, Каз. г.

127. Браслетъ изъ Спасска.

бываютъ витые изъ серебряной проволоки; есть серьги (рис. 134) звѣздчатаго типа, оригиналъ «половецкихъ» серегъ, и серьги кіевскаго образца (рис. 133).

128. Браслетъ изъ Спасска, Казанской губ.

Въ Сызранскомъ уѣздѣ, *Симбирской* губ., рядъ находокъ открывается повтореніемъ болгарскихъ типовъ: серебряныхъ перстней со сканной розеткою, чернью, пластинчатыхъ браслетовъ, серебряныхъ сюльгамовъ; оригинальный уборъ жен-

129. Монисто изъ Спасска, Казанской губ; находка 1869 года.

130. Тоже.

скихъ косъ, продѣтыхъ каждая въ деревянныя втулки или футляры, съ бронзовыми кольцами, встрѣченъ въ Муранскомъ могильникѣ. Серебряныя монеты, здѣсь найденныя, чеканены въ Сараѣ и Болгарахъ въ XIV столѣтіи.

Въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ открытъ обильный могильникъ позднѣйшей эпохи у села Муранки: здѣсь найдено множество сюльгамовъ (рис. 136), серебряныя подвѣсныя лунницы (рис. 135); ременные наборы, судя по типамъ, переходятъ, по времени изготовленія, въ періодъ восточныхъ вліяній, установившихся съ эпохи

131. Серьга изъ сел. Кайбалы, Самарской губ.

132. Серьга изъ Болгаръ.

монгольскаго нашествія. Большіе Мордовскіе могильники Пензенской губерніи, у с. Зыбкина, относятся уже къ XVI и XVII вѣкамъ.

Вятская и *Пермская* область извѣстны обильными находками шейныхъ обручей или гривенъ изъ серебра, свитыхъ изъ трехъ дротовъ. Вмѣстѣ съ гривнами выпахиваются на поляхъ и пластинчатые браслеты, изъ узенькой серебряной полоски, со схемою лошадиной головы на концѣ. Особенно извѣстенъ множествомъ находокъ Глазовскій уѣздъ (рис. 137 и 138).

133. Серьга изъ развалинъ Болгаръ.

Въ *Пермской* губ., въ с. Верейно, при распашкѣ, найденъ въ 1884 г. богатый кладъ, чрезвычайно близкій къ Болгарскому 1869 г.: здѣсь на шейной цѣпочкѣ оказалась такая-же серебряная *каппорiа*, другая цѣпь съ большими бусинами, булавка съ бусою, три пластинчатыхъ браслета съ схематическимъ орнаментомъ. Въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, кромѣ обычныхъ гривенъ, найдена пара серебряныхъ подвѣсокъ въ формѣ треугольника съ привѣшенными гирьками, тождественныхъ съ подвѣсками изъ средней Россіи, серебряныя кольца и аквамаринъ отъ перстня съ изображеніемъ идущаго льва. Въ Пермскомъ собраніи проф. С. В. Ешевскаго есть треугольная подвѣсная калита съ двумя лоша-

134. Серьга изъ Болгаръ.

диными головками и бубенцами; имъ-же собраны многія вещи изъ Великихъ Болгаръ: рядъ зеркалъ изъ бѣлаго сплава, замочки въ видѣ лошадей и иныхъ животныхъ, украшенные кружками или ячейками и распространенные отъ Волги до Днѣпра и Херсонеса; наконецъ, даже каменныя формы для отливки пряжекъ и поясныхъ ремней.

135. Лунница изъ с. Губина, Симбирской губ., Сызранскаго уѣзда.

136. Сюльгамъ изъ могильника Муранки.

Въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губ., раскопки 1894 г. дали обычныя восточныя вещи: чашки изъ серебрянаго листа, гривенку, ожерелье изъ бронзовыхъ бусъ, бронзовыя подвѣски и перстень съ печаткою, въ видѣ пуговицы, усаженной зернью. Изъ другой могилы происходятъ: поясной наборъ изъ бѣлаго сплава, множество трубочекъ изъ такого-же сплава, бусы сердоликовыя, желтыя и синія изъ стекла, и даже съ кусочками такъ называем. millefiori. Встрѣчаются сережки въ видѣ плоской лунницы древнѣйшаго типа, ажурныя круглыя бляхи, плечевыя бляхи въ видѣ двуглавыхъ кониковъ.

Есть кольца, тождественныя съ аланскими древностями Кавказскаго предгорья. Одна прорѣзная бляха представляетъ наиболѣе ясный образецъ таинственнаго символа, который въ худыхъ копіяхъ совершенно непонятенъ. Здѣсь представлена птица, въ видѣ совы; голова ея сдѣлана en face и массивно отлита, крылья распущены; тѣло образуетъ человѣческую голову на двухъ ногахъ; стало быть, здѣсь представлено, какъ птица уноситъ человѣка; внизу, у ногъ ящеръ. И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ легендарнымъ Александромъ, уносимымъ орломъ къ солнцу (ср. рисунки 16—17), но впослѣдствіе, двѣ лишнія ноги были передѣланы, благодаря ящеру, въ двухъ драконовъ, тянущихся къ ушамъ человѣка. Здѣсь-же найдены бронзовыя капторги на цѣпи и съ цѣпочками, круглыя, вкладныя трубочки съ птицами, прорѣзная бляшка съ идущимъ человѣкомъ, подвѣски въ видѣ барановъ, и т. д.

137. Калита изъ Вятскихъ находокъ.

138. Бронзовая пряжка изъ Глазовскаго уѣзда, Вятской губ.

139. Видъ медальона Рязанскаго клада 1822 года сверху, въ профиль.

Непосредственнымъ продолженіемъ во времени и дополненіемъ къ курганнымъ древностямъ со стороны художественныхъ формъ являются многочисленные клады предметовъ великокняжескаго періода.

Знаменитый кладъ золотыхъ предметовъ, извѣстный подъ именемъ *Рязанскихъ бармъ,* найденъ въ 1822 году на землѣ Старой Рязани.

Рязанскій кладъ представляетъ *одиннадцать* круглыхъ бляхъ, число слишкомъ большое, для того, чтобы составлять одинъ нагрудный уборъ: различныя формы этихъ бляхъ требуютъ отличать три подбора или серіи.

Первый подборъ состоитъ изъ пары большихъ дутыхъ и круглыхъ подвѣсныхъ *колтовъ* (рис. 139 и 141), устройства тождественнаго съ полыми кіевскими сережными подвѣсками, но превосходящихъ почти втрое своими размѣрами эти кіевскія эмальированныя серьги.

Обѣ подвѣски состоятъ изъ пары золотыхъ пластинокъ, спаянныхъ при помощи обода, расширяющагося кверху; тамъ, гдѣ имѣется лунообразная выемка, по бокамъ, сохранилась пара скобочекъ для жемчужной обнизи. Подвѣски богато украшены камнями, эмалью и сканью и вѣсятъ почти по фунту каждая.

140. Изображеніе князя-мученика на медальонѣ.

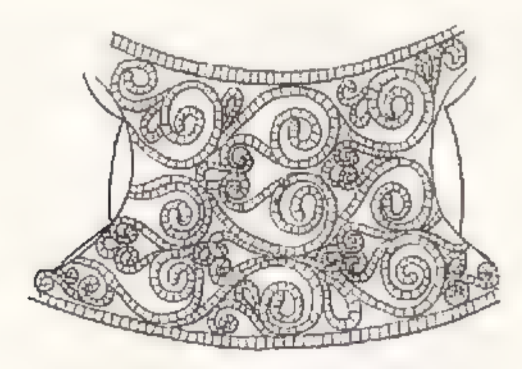
Лицевая сторона этихъ двухъ подвѣсокъ (рис. 141) составлена изъ двухъ накладныхъ пластинъ; средина представляетъ особо вправленный кружокъ, на которомъ исполнено эмалью изображеніе

святаго князя, на двухъ медальонахъ, вѣроятно, — четы св. Бориса и Глѣба, юныхъ и безбородыхъ, въ шапкѣ съ соболиною опушкою и лилово-коричневымъ вер-

141. Большой медальонъ (одинъ изъ пары) Рязанскаго клада.

хомъ, съ темнокаштановыми волосами въ кудряхъ, въ синемъ плащѣ съ бѣлыми кружочками, въ которыхъ вписаны лилейныя почки и крести, и въ пурпурномъ исподѣ. Голова князя заключена въ бирюзовый нимбъ съ пурпурнымъ ободкомъ. По сторонамъ святаго эмблемы: два крина, процвѣтшіе въ пустынѣ (рис. 140).

142. Скань медальоновъ въ нѣсколько увеличенномъ видѣ.

Кругомъ образка — жемчужная обнизь; кайма украшена сканью и каменьями въ гнѣздахъ, приподнятыхъ надъ поверхностью. Важное обстоятельство представляется разницею въ скани двухъ сторонъ: на лицевой сторонѣ «колтовъ» скань плоская и тонкая; на оборотной

сторонѣ она составлена вся изъ толстыхъ скрученныхъ жгутиковъ, причемъ она выпуклая и украшена камнями. Эмаль представляетъ всѣ признаки русской работы.

Три большихъ (рисунки 143, 144 и 145) круглыхъ медальона того-же клада, въ видѣ плоскихъ щитковъ, составлены изъ выпуклой пластинки и широкой оправы. Эмали отличаются слабѣйшею и болѣе грубою техникою; медальоны вмѣстѣ составляютъ одинъ наборъ украшеній и, повидимому, работы не одного мастера, такъ какъ эмалевая живопись медальоновъ *различной фактуры*. На *главномъ* медальонѣ (рис. 143) представлена Богородица впрямь, въ молитвенномъ положеніи, съ поднятыми руками, облаченная въ темно - синюю фелонь и голубой хитонъ. Эмаль отлично сохранилась, тѣло не розоватаго или вишневаго цвѣта, а настоящаго тѣлеснаго, съ прозрачнымъ восковымъ оттѣнкомъ.

143 — 145. Три медальона Рязанскаго клада 1822 года.

Скань русскаго типа, но византійскаго рисунка. *Второй* медальонъ (рис. 144) — съ изображеніемъ Св. Ирины, причемъ надпись грубо смѣшиваетъ русскія буквы съ греческими. Здѣсь эмаль такъ перемѣнила свои цвѣта, что только сравненіемъ съ образомъ св. Варвары можно возстановить для нимба и фелони голубой цвѣтъ, для хитона бирюзовый; цвѣта эти поблекли почти до неузнаваемости. Мученица держитъ въ рукѣ красный крестъ. *Третій* медальонъ съ изображеніемъ св. Варвары (рис. 145), голова которой покрыта полосатымъ шелковымъ чепцомъ. По всему судя, оба образка *мѣстной, рязанской* работы.

146. Образокъ Рязанскаго клада.

Образокъ-тѣльникъ (рис. 146) съ эмалевымъ изображеніемъ Распятія—*чисто византійской* работы. Этотъ образокъ оправленъ, подобно прочимъ медальонамъ, въ бордюръ той-же работы, что серія 6 медальоновъ, описываемыхъ ниже, и потому очевидно, что эмалевая бляшка досталась покупкой и уже въ русскихъ рукахъ стала тѣльнымъ образкомъ; но любопытно, что работа сканныхъ украшеній, оставаясь прежняго типа, отличается здѣсь рѣдкимъ совершенствомъ и небывалою тонкостью, ясно показывая, до чего могла достигать ловкость русскихъ мастеровъ. Образокъ Распятія принадлежитъ къ иконографическому типу, господствовавшему въ первой половинѣ XII вѣка и оставившему много мелкихъ изображеній въ миніатюрахъ, образкахъ и эмаляхъ, хотя композиція этого типа отличается монументальностью, чертами *образа* или *иконы* Распятія. Спаситель представленъ здѣсь на большомъ крестѣ, который, будучи утвержденъ на скалѣ Голгоѳы, имѣетъ подножіе, длинныя перекрестья и дощечку съ написаніемъ, по сторонамъ которой видны въ небѣ солнце и луна и двѣ полуфигуры летящихъ ангеловъ, а внизу — фигуры въ ростъ Богоматери и Іоанна Богослова.

Цвѣта эмали отличаются зеркальностью шлифовки, и не остается сомнѣній въ томъ, что образокъ Распятія принадлежитъ къ издѣліямъ Константинополя, тогда какъ другіе образки того-же клада, обнаруживая полнымъ измѣненіемъ почти всѣхъ эмалевыхъ красокъ свое русское происхожденіе, пріобрѣтаютъ за-то значеніе, какъ народныя попытки техническаго искусства.

Скань во всѣхъ медальонахъ не только наложена прямо на золотой листъ, но также и сверху нижней скани припаяна еще скань, иногда въ три слоя.

Мы находимъ въ Рязанскомъ кладѣ еще одинъ эмалевый образокъ-тѣльникъ въ оправѣ грубой работы. Образокъ долженъ представлять Дѣву Марію, съ молитвенно поднятыми руками. Русская работа несомнѣнна.

Серія шести медальоновъ (рис. 147) Рязанскаго клада имѣетъ только декоративное значеніе. Эти кружки, плоскіе на исподи, приспособленные къ ношенію на снуркѣ, и украшенные только съ лица камнями и сканью, представляютъ собою своего рода бармы. Весь щитокъ покрытъ сканью изъ положенныхъ на

ребро ленточекъ, гнѣзда камней укрѣплены поверхъ скани, и потому камни получаютъ свѣтъ снизу. Въ срединѣ медальона помѣщается обыкновенно большая

147. Одинъ медальонъ изъ серіи шести, Рязанскаго клада.

вениса, или аметистъ, яхонтъ; вокругъ, на каждомъ медальонѣ до 33 камней.

Именно къ уборамъ изъ подвѣсныхъ медальоновъ относятся и *одиннадцать* золотыхъ, ажурныхъ, дутыхъ бусинъ (рис. 148), которыя носились вмѣстѣ съ медальонами.

Наконецъ, въ кладѣ оказалось много мелкихъ вещей личнаго убора и украшенія, всякаго рода нашивныя бляшки изъ золота. Здѣсь-же найдены: женскій браслетъ (рис. 149) изъ искусно плетеной золотой проволоки и пара перстней изъ дутаго золота, съ камнями въ гнѣздахъ (рис. 150).

Кіевскій кладъ 1824 года представляетъ собою знаменитый примѣръ исчезновенія драгоцѣнныхъ предме-

148. Буса изъ Рязанскаго клада 1822 года.

товъ древности. Исторія находки передается такъ: «1824 года, Мая 25 дня, въ день праздника Святаго Духа, по утру, мѣщанинъ Кіевскій Василій Хащевскій, идучи изъ Кіево-Подола на гору стараго Кіева тропинкою, прямо къ Михайловскому монастырю, и взошедши уже по тропинкѣ возлѣ ограды монастыря, наступилъ на выпуклый, изъ впадины обнажившійся, красный кирпичъ, отъ натиска его проломленный, и увидѣлъ, что то былъ горшокъ, разломилъ его крышку и, усмотрѣвъ тамъ блистающее серебро, вынулъ оное въ платокъ. Но замѣтивъ между вещами церковныя, немедленно представилъ сію находку въ городовую Полицейскую часть къ приставу и потомъ къ полицеймейстеру, а сей, пересмотрѣвъ у себя вещи, и доведя до свѣдѣнія г. губернатора, препроводилъ оныя для описанія къ извѣстному въ Кіевѣ любителю древностей М. Ѳ. Берлинскому, приказавъ вырыть и самый горшокъ, въ коемъ лежали сіи древности». Знаменитый митрополитъ Евгеній опубликовалъ о немъ сообщеніе въ 1826 году.

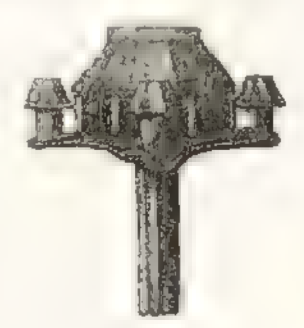

149. Браслетъ Рязанскаго клада.

Съ 1826 года всякія извѣстія объ этомъ кладѣ прекращаются, кладъ исчезаетъ безслѣдно.

Какъ ни мало можно извлечь изъ жалкихъ снимковъ (рис. 151 и 152), которые остались для нашего изученія взамѣнъ чудныхъ оригиналовъ, тѣмъ не менѣе, первый кладъ, найденный въ Кіевѣ, «на Борисовомъ взвозѣ», заслуживаетъ вниманія, по своей замѣчательной *характерности*.

Главнымъ предметомъ представляется серебряный потиръ (рис. 151), украшенный четырьмя медальонами, съ изображеніями погрудь: Іисуса Христа, Божіей Матери, Іоанна Предтечи и Іоанна Златоуста съ Евангеліемъ въ рукѣ. Если вѣрить рисунку, мы имѣемъ передъ собою, явно, русскую работу по византійскому образцу и должны считать этотъ пропавшій потиръ древнѣйшимъ русскимъ чеканнымъ издѣліемъ.

150. Перстень въ профиль, оттуда-же.

Второй предметъ клада — одинаковаго характера серебряный дискосъ съ изображеніемъ въ серединѣ Божіей Матери того-же типа.

Особенно замѣчательны оказавшіеся въ кладѣ два золотыхъ медальона (рис. 152), изъ которыхъ большой — съ изображеніемъ Спасителя. Рисунокъ передаетъ достаточно точно характеръ украшеній и стиль этого рѣдкаго памятника. Изображеніе Спасителя, судя по этому рисунку, отличалось превосходною работою и строгимъ византійскимъ типомъ: Спаситель благословляетъ сложе-

ніемъ трехъ перстовъ, а въ лѣвой рукѣ, прикрытой гиматіемъ, поддерживаетъ Евангеліе. Найденныя въ этомъ-же кладѣ двѣ пары золотыхъ сережныхъ подвѣсокъ, — съ эмалевыми изображеніями грифона и геральдическихъ «птищей», тоже обращаютъ на себя вниманіе: очевидно, обѣ фигуры имѣютъ значеніе талисмановъ.

Въ 1846 г. въ Кіевѣ, около фундаментовъ и на погостѣ древней Десятинной церкви, найдены весьма разнообразныя и многочисленныя древности, къ сожалѣнію, частію разошедшіяся по рукамъ и по разнымъ собраніямъ. Важнѣйшую находку составляетъ золотая *цѣпь* съ эмалевыми изображеніями птицъ,

151. Потиръ изъ Кіевскаго клада 1824 г.

152. Изъ Кіевскаго клада 1824 г.

поступившая въ музей графа А. С. Уварова въ Порѣчьи.

Въ 1827 году въ Кіевѣ, на Львовской улицѣ, въ домѣ Августиновича, въ Старомъ Городѣ, при копаніи погреба, найдены въ мѣдномъ котелкѣ золотыя вещи: цѣпь изъ 23 полыхъ внутри бляхъ, двѣ сережныя подвѣски (рис. 153 и 154) и одиннадцать скобочекъ.

Золотой медальонъ (рис. 155) съ эмалевымъ погруднымъ изображеніемъ Спасителя съ Евангеліемъ въ рукахъ, найденный на старомъ Кіевѣ въ 1838 году, не более, какъ эмалевая пластинка, снятая съ оклада или креста, но послужившая затѣмъ тѣльникомъ. Она замѣчательна по тонкому исполненію эмали лучшаго времени, XI или первой половины XII вѣка, хотя цвѣта эмали сильно измѣнились, а Христосъ облеченъ уже въ лиловый (пурпурный) гиматій *и бирюзовый* хитонъ (позднѣйшій, въ эмалевой техникѣ, цвѣтъ). Ликъ Христа сохранилъ еще въ темнокаштановыхъ волосахъ и въ округлости головы древній типъ, но широта плечъ выдаетъ обычную уже для мозаикъ XI — XII вѣка композицію. Во всякомъ, однако, случаѣ, медальонъ этотъ есть *византійское* произведеніе.

153. Лицевая сторона серьги Кіевской находки 1827 г.

154. Обратная сторона серьги находки 1827 г.

155. Эмалевый образокъ Кіевской находки 1838 г.

Въ 1850 году въ *Черниговѣ* найденъ кладъ серебряныхъ и золотыхъ вещей: сер. браслеты въ видѣ змѣи, серебряный перстень, двѣ золотыхъ сережныхъ подвѣски съ эмалевыми украшеніями и лучевыми коймами (такъ наз. черниговскаго типа). На лицевой сторонѣ одной изъ подвѣсокъ въ эмалевомъ полукругѣ представлены двѣ

156. Серьга-колтъ Владимірскаго клада 1865 года.

птички по сторонамъ кружка съ лиліею; на оборотѣ — лилія или кринъ. На другой подвѣскѣ съ лицевой стороны эмалью исполненъ только кружочекъ.

Владимірскій кладъ, открытый въ 1865 году, важенъ благодаря парѣ найденныхъ въ немъ подвѣсныхъ колодочекъ, украшенныхъ эмалью (рис. 156).

157. Изъ Владимірскаго клада 1865 г.

Послѣ кіевскихъ серегъ этого типа, владимірскій экземпляръ кажется неуклюжимъ, аляповатымъ: колты имѣютъ особенную толщину, ихъ форма расплывчатаго овала, съ сильною выпуклостью, представляетъ варварскую утрировку. Но когда мы обращаемся къ эмалямъ Владимірскихъ колтовъ, для насъ разомъ выступаетъ ихъ первоклассная важность: эти эмали тождественной фактуры съ эмалями Рязанскаго клада 1822 г. и потому являются, очевидно, художественными издѣліями не Кіевской Руси, но сѣверныхъ мастерскихъ Муромо-Рязанской области или Суздальской.

158. Тоже.

Характеръ рисунка, особая типичность фигуръ и ликовъ обращаетъ на себя вниманіе сходствомъ съ Рязанскими эмалями и окладомъ Мстиславова Евангелія, эмалевые кіотцы котораго съ изображеніями мучениковъ исполнены, по всей вѣроятности, въ Новгородѣ. Значитъ, даже въ такомъ технически-трудномъ, даже механическомъ искусствѣ, каковы эмали, исполнявшіяся при помощи перегородокъ, существуетъ стильный пошибъ опредѣленнаго характера.

На владимірскихъ серьгахъ изображены эмалью два святыхъ мученика, скорѣе всего — Св. Дмитрій и Св. Георгій (а не Борисъ и Глѣбъ); поэтому они представлены въ свѣтлопепельныхъ хитонахъ и синихъ мантіяхъ, держащими у груди кресты, а не въ княжескихъ одеждахъ; оба лика совершенно тождественны, чего не допустилъ бы греческій мастеръ.

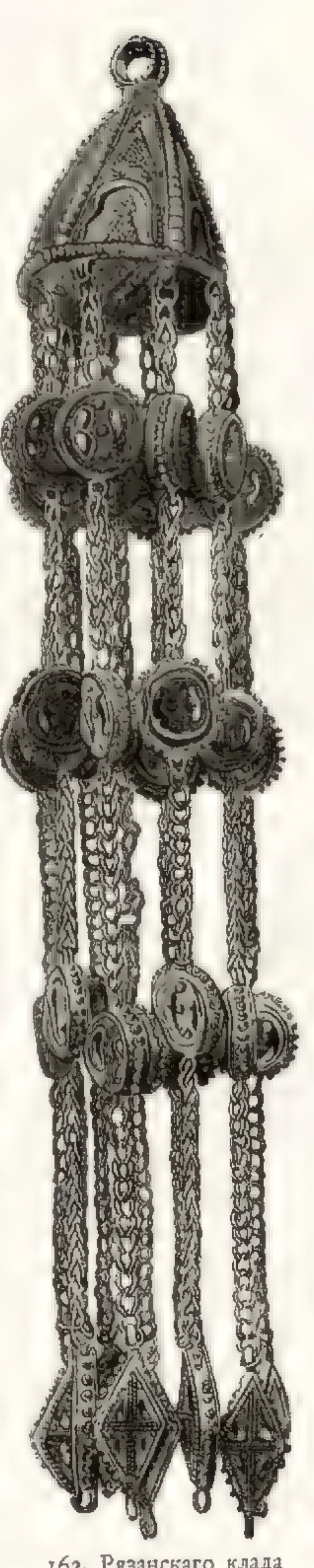
159. Изъ Владимірскаго клада 1865 г.

Тамъ-же найдены (рис. 157) обломки трехъ медальоновъ или круглыхъ гривенъ изъ позолоченнаго серебра и при нихъ шесть кусковъ дутыхъ серебряныхъ золоченыхъ бусъ — все, что осталось отъ княжескаго нагруднаго убора; не будь сохранившейся фигуры Архангела, въ этихъ кускахъ не было бы даже интереса. Фигуры архангеловъ исполнены на медальонахъ въ качествѣ обычныхъ профилактическихъ эмблемъ для нагруднаго убора полководца.

160. Изъ Рязанскаго клада 1868 г.

Семь аграфовъ изъ золота съ сильнымъ алльяжемъ серебра (рис. 158), оказавшихся во Владимірскомъ кладѣ, состоятъ изъ дрота съ двумя колечками, завернутыми по концамъ для продѣванія проволоки. Аграфы эти считаются принадлежностью кафтана, вмѣсто обычныхъ петель. Въ томъ-же кладѣ найдена пара четвероконечныхъ крестиковъ изъ серпентина, лишенныхъ оправы (рис. 159), которая, несомнѣнно, была золотою или серебряною.

162. Рязанскаго клада 1868 г.

Въ Старой Рязани, въ 1868 году былъ найденъ при распахиваніи земли кладъ серебряныхъ вещей, важный вслѣдствіе входившихъ въ его составъ пяти серебряныхъ круглыхъ медальоновъ: большаго съ изображеніемъ креста на разводахъ, двухъ меньшихъ съ погрудными фигурами Спаса благословляющаго (рис. 160) и Богородицы, и двухъ малыхъ съ крестами (рис. 161). Въ томъ-же кладѣ были найдены: пара серебряныхъ подвѣсокъ (рис. 162) изъ конусообразной вотолки, украшенной зернью городками, съ 9 подвѣсными цѣпочками, на которыхъ имѣются ажурные наузы и поталы по концамъ, набранные сканью и

161. Гривна Рязанскаго клада 1868 года.

зернью и, наконецъ, пять отдѣльныхъ эмальированныхъ золотыхъ бляшекъ, въ видѣ орнаментальныхъ крестовъ съ эмалевымъ криномъ въ кругу, бѣлой лиліею и розеткою.

Главный предметъ находки Рязанскаго клада 1868 года составляетъ ожерелье изъ серебряныхъ позолоченныхъ бляшекъ, связанныхъ цѣпочками (см. рис. 163), бляшки украшены толстою сканью въ видѣ орнаментальныхъ крестовъ на растительныхъ разводахъ, византійскаго типа креста «процвѣтшаго», и крестообразныхъ орнаментальныхъ фигуръ. При ношеніи ожерелья, цѣпочки, связывающія обѣ половины его, приходились на плечахъ

163. Серебряная цѣпь изъ Рязанскаго клада 1868 года.

Важный кладъ найденъ былъ въ 1876 году въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Лѣскова, вблизи Десятинной церкви. Хотя кладъ былъ уложенъ въ двухъ сосудахъ — мѣдномъ и глиняномъ, однако не сохранился настолько, какъ-бы можно было ожидать. Кладъ нынѣ находится въ Минцъ-Кабинетѣ Кіевскаго Университета; двѣ

164. Серьга изъ клада Лѣскова.

165. Тоже.

пары золотыхъ серегъ поступили, по слухамъ, въ частныя собранія. На первомъ мѣстѣ въ кладѣ должно, конечно, поставить двѣ пары замѣчательныхъ серегъ (рисунки 164 и 165), съ подвѣсными круглыми и полыми внутри золотыми колтами украшенныхъ эмалями, отличной мѣстной работы. Эти серьги отличаются отъ другихъ находокъ этого рода особенно малыми размѣрами и оригинальностью сюжета, взятаго для эмальированія. Именно, здѣсь эмальеръ прибѣгъ къ орнаментаціи серегъ женскою головкою въ коронѣ (судя по головному убору, дѣвицы), декоративнаго значенія. Голова представлена въ кругѣ, синее поле украшено цвѣтками и цвѣтными бисеринками; корона имѣетъ форму кокошника съ высокимъ уборомъ, украшена начельнымъ рубиномъ и изумрудами; платье дѣвицы золотое. Вокругъ этого средняго эмалеваго щитка, лицевая сторона украшена также эмалевыми вѣтками аканѳа, неприглял нагo и тяжелаго рисунка. На оборотной сторонѣ — двѣ птицы по сторонамъ цвѣточнаго стебля (лиліи?), имѣющаго почти видъ древа жизни въ краткой схемѣ.

166. Звѣдчатая серьга клада Лѣскова.

167. Золотыя скобочки въ Кіевскомъ кладѣ Лѣскова.

Нѣкоторая мутность эмали (сравнительно съ чисто византійскими работами X—XI вѣковъ), рѣзкость тона бѣлой эмали и, въ особенности, вишневый оттѣнокъ тѣлеснаго цвѣта указываютъ на кіевскую плавку XII вѣка.

Въ кладѣ нашлись также двѣ пары подобныхъ вышеописаннымъ сережныхъ подвѣсокъ изъ серебра, и притомъ одна пара большого размѣра, а другая столь же малаго, какъ и указанная выше золотая пара. Первая пара имѣетъ ажурный ободъ, въ видѣ кружевныхъ, (изъ плетенія серебряной проволоки) рѣшеточекъ, а внутри, на вставныхъ щиткахъ, изъ черни выполнено изображеніе одиночной птицы и, затѣмъ, двухъ птицъ по сторонамъ растенія. На малой парѣ чернью выполнена орнаментація вѣнчиками и кружками.

Далѣе, въ кладѣ оказались два перстня, оба изъ золота и съ печаткою; вырѣзанный на одной печаткѣ крестъ почти сгладился, а на другой отлично сохранилось изображеніе идущаго льва, съ повернутою назадъ головою. Имѣя

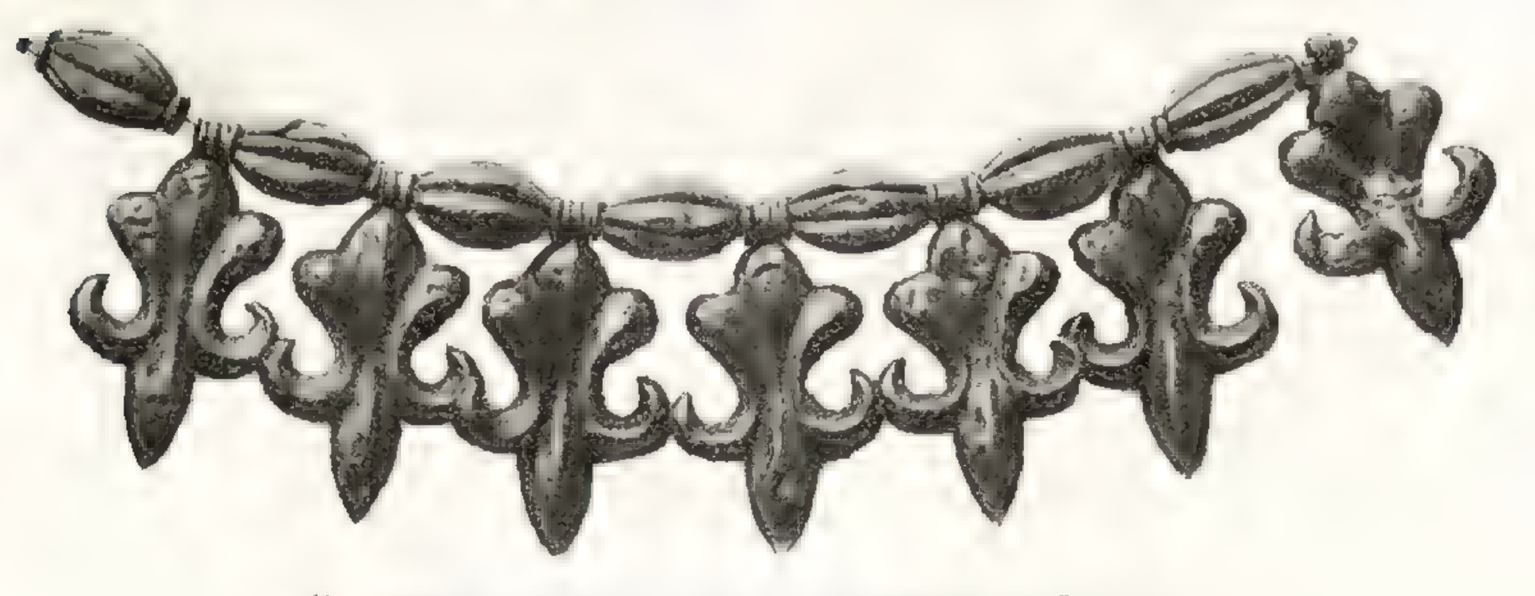
въ виду значеніе золотыхъ печатей въ Кіевской Руси X—XI вѣковъ и эмблемы льва, допустима догадка, что кладъ принадлежалъ лицу княжескаго рода.

Въ кладѣ было три грубыхъ серебряныхъ браслета и двѣ цѣпи: толстая, тяжелая, большая цѣпь изъ серебра, съ концами въ видѣ звѣриныхъ головъ, и легкая золотая цѣпочка, цѣльная, видимо, шейная, сдѣланная изъ тонкихъ запаянныхъ кольцомъ ленточекъ, съ выбитыми вдоль кантиками, оканчивающаяся двумя колечками и служившая для ношенія чего-то на шеѣ.

Звѣздчатая серьга (рис. 166) изъ описываемаго клада могла бы служить типичнымъ образчикомъ этого рода украшеній, если бы лучше сохранилась: въ ней недостаетъ верхняго коромысла и потому способъ ея подвѣшиванія остается неизвѣстнымъ. Несмотря на свои малые размѣры, звѣзда настолько подробно передаетъ всѣ детали крупныхъ образцовъ изъ серебра, что можетъ почитаться характернымъ представителемъ уборовъ этого рода.

Далѣе, въ томъ-же кладѣ нашлось (неполное?) золотое ожерелье (рис. 168), изъ бусинъ, въ формѣ боченочковъ и подвѣсокъ, имѣющихъ видъ цвѣтка-лиліи (крина), работы довольно грубой; острые края этихъ украшеній, сперва штампованныхъ въ золотомъ листѣ и затѣмъ вырѣзанныхъ изъ него, должны были бы рѣзать шею, почему можно думать, что ожерелье носилось поверхъ ворота или что это даже вовсе не ожерелье, а украшеніе головного убора.

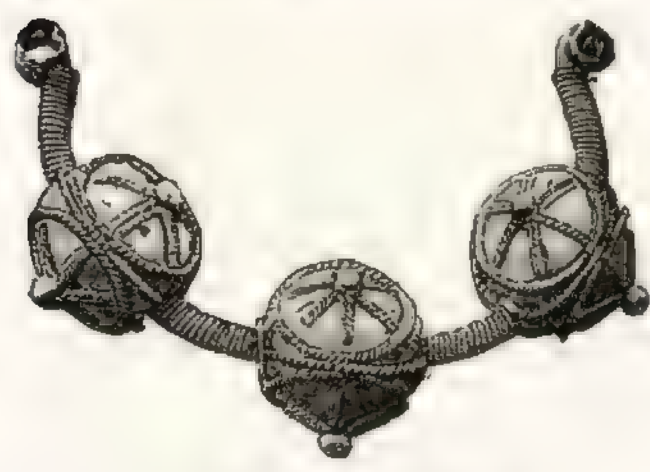
Наконецъ, кладъ, найденный въ усадьбѣ Лѣскова, представилъ 30 экземпляровъ золотыхъ скобочекъ (рис. 167), изъ нихъ четыре съ покрышкою на ихъ поломъ боку, причемъ послѣднія составляютъ двѣ пары, т. е. если всѣ скобочки подѣлить на два ряда, то эти четыре помѣстятся по концамъ этихъ рядовъ. Такъ какъ покрышка украшена эмалью и помѣщалась на лицо, то естественно думать, что подборъ скобочекъ назначался для парнаго украшенія, напр. плечъ, рукъ, окаймленія ворота, обшлага, разрѣзовъ.

168. Низка изъ криновъ и бусъ въ кіевскомъ кладѣ Лѣскова.

Въ 1876 году, въ усадьбѣ Чайковскаго въ Кіевѣ, въ Старомъ городѣ, найденъ былъ въ землѣ замѣчательный кладъ изъ серебряныхъ и золотыхъ предметовъ древности въ одномъ мѣстѣ усадьбы, а въ другомъ — разныя желѣзныя

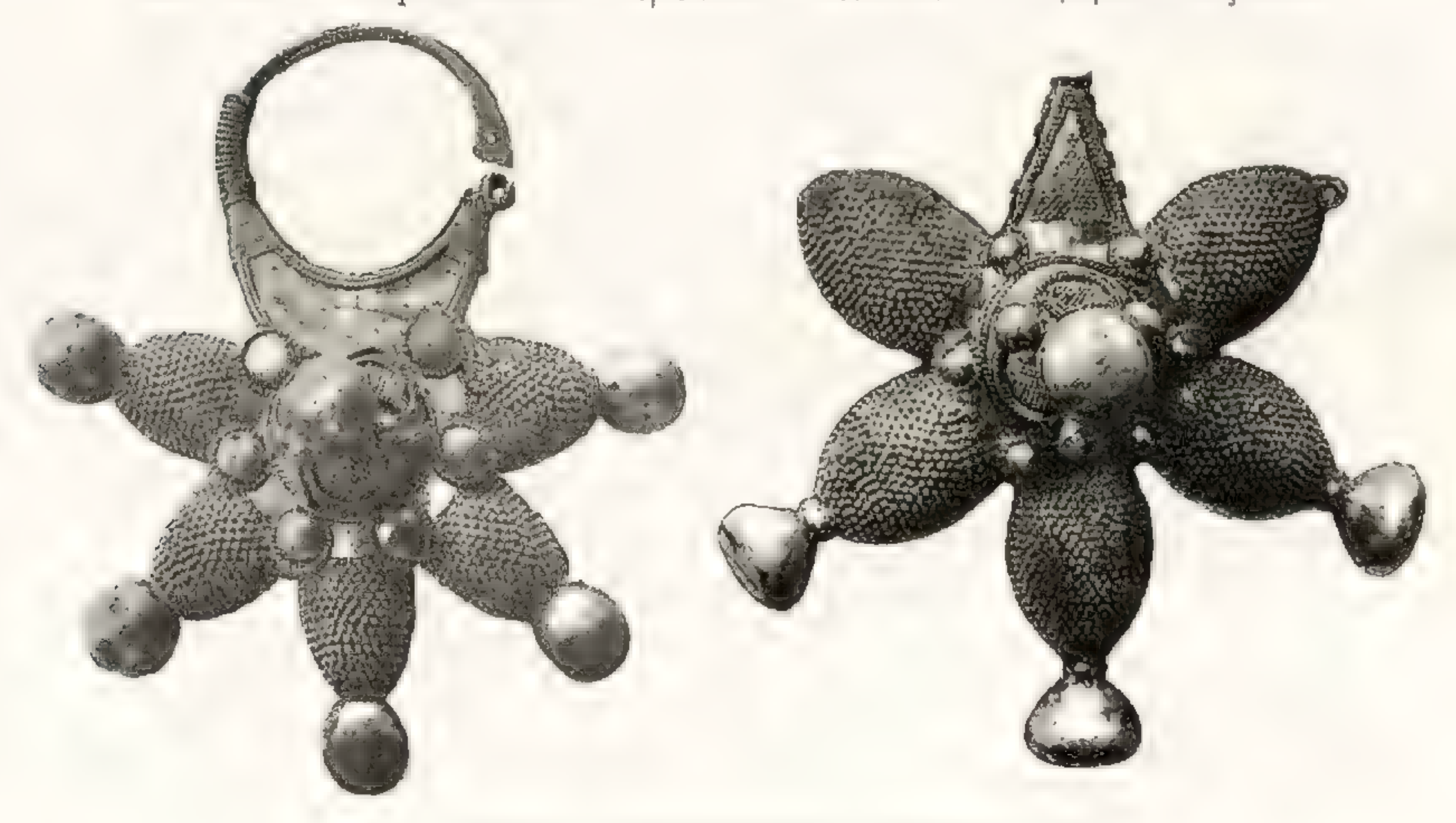
вещи, не имѣвшія ничего общаго съ кладомъ древностей. Собственно кладъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ по богатству и можно пожалѣть, что и его постигла обычная судьба русскихъ древностей: изъ 17 нумеровъ клада только 7 поступили, путемъ продажи, въ частныя руки, а отъ нихъ частію въ музеи, прочіе же сплавлены. Главную часть клада составляли золотыя и серебряныя серьги кіевскаго типа, не составляющія вообще рѣдкости, однако, тамъ была и пара золотыхъ сережныхъ подвѣсокъ въ формѣ выпуклыхъ

169. Серебряный аграфъ изъ Териховскаго клада.

170. Серьга изъ Териховскаго клада.

171. Серебряныя сережныя подвѣски Териховскаго клада.

лунницъ. Изъ уцѣлѣвшихъ вещей наиболѣе замѣчательны двѣ серебряныхъ чашки, на ножкахъ, одна съ латинскою надписью, двѣ пары браслетовъ изъ плетеныхъ жгутовъ, пара серебряныхъ выпуклыхъ лунницъ, съ изображеніями птицъ.

172. Наручи Териховскаго клада.

Въ 1876 г., въ Болховскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, въ деревнѣ Териховѣ, найденъ замѣчательный по богатству предметовъ и ихъ орнаментаціи кладъ серебряныхъ вещей. Изъ нихъ заслуживаютъ быть упомянутыми нѣсколько ожерелій — изъ наборныхъ бляшекъ, представляющихъ въ серебрѣ подобіе палочекъ; по краямъ нижняго гладкаго лоточка палочекъ имѣются съ обѣихъ сторонъ по три отверстія для соединенія бляшекъ нитями въ одну низку (см. рис. 175). Найденные въ томъже кладѣ четырнадцать серебряныхъ аграфовъ (рис. 169), шесть шейныхъ обручей и кіевская гривна принадлежатъ къ обычнымъ находкамъ, но въ кладѣ оказались три пары сережныхъ подвѣсокъ (рис. 170) изъ серебра съ обнизью изъ дутыхъ бусинъ и съ превосходнымъ, стильнымъ рисункомъ двухъ грифоновъ, сплетшихся хвостами и клюющихъ свѣсившуюся лилію. Пара сережныхъ подвѣсокъ въ видѣ звѣзды (рисунокъ 171), воспроизводящихъ матерчатыя кисти или аграманты, того-же типа, какъ и маленькая серьга, приведенная выше, въ описаніи клада, найденнаго въ усадьбѣ Лѣскова, въ Кіевѣ, замѣчательны своими размѣрами. Наконецъ, пара большихъ серебряныхъ наручей или браслетовъ (рисунки 172 и 173) украшены по фону, наведенному вороненою чернью, фигурами василисковъ, птицъ и грифоновъ, въ орнаментальныхъ арочкахъ.

173. Териховскій кладъ.

Того-же характера — кладъ, открытый во Льговѣ, Черниговской губ., въ которомъ оказалась пара грубыхъ по величинѣ и рисунку сережныхъ подвѣсокъ, съ гравированнымъ на нихъ изображеніемъ грифоновъ и плетеніемъ (рис. 174)

174. Сережная подвѣска изъ Льговскаго клада 1879 г.

низка серебряныхъ лоточковъ (рис. 175) и серебряные аграфы (рис. 176).

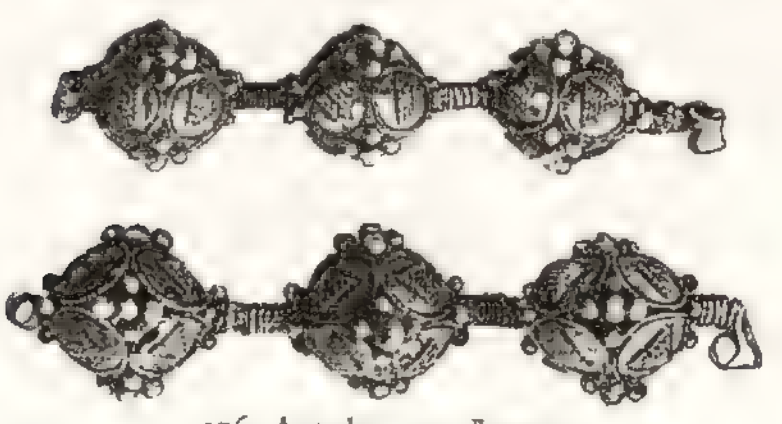
Въ замѣчательномъ кладѣ находки 1880 г. въ Кіевѣ, по Б. Житомірской ул., открытомъ при копаніи водопроводной канавы, оказалось, изъ золотыхъ вещей: три большихъ выпуклыхъ подвѣсныхъ медальона въ оправѣ и съ эмалевыми изображеніями ликовъ Деисуса (см. рис. 192—194), цѣпь изъ 20 выпуклыхъ бляшекъ съ эмалевыми фигурками птицъ, пара подвѣсныхъ серегъ съ эмалевыми изображеніями двухъ Сириновъ, три пуговки съ эмалевыми-же птицами и серьги.

Въ кладѣ замѣчателенъ и церковный *водолей* или *рукомойникъ* изъ бронзы, въ формѣ барана, на спинѣ котораго вспрыгнувшій на него драконъ образуетъ ручку (см. рис. 20).

175. Низка серебряныхъ лоточковъ изъ Льгова.

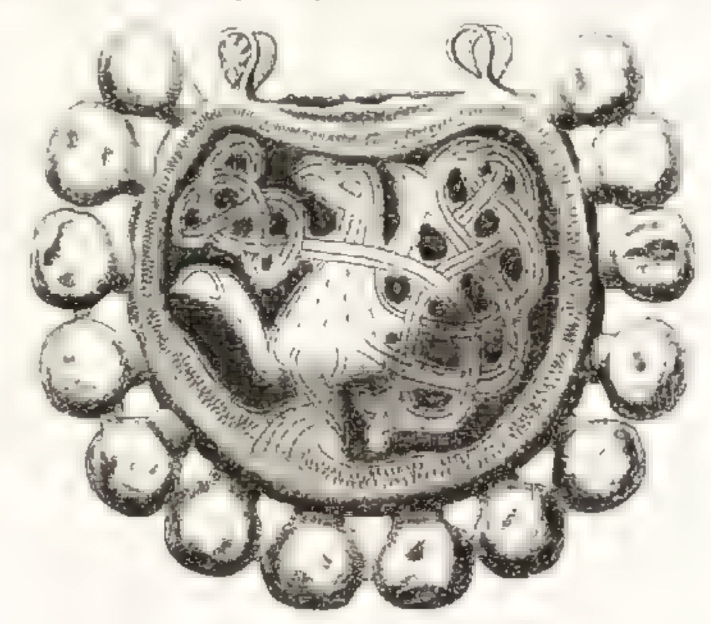
Въ 1883 году въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ Мироновскомъ фольваркѣ, найденъ былъ большой кладъ: серебряныя подвѣски (рис. 177) грубой работы съ грифонами, цѣпи (рис. 178) съ наглавниками въ видѣ конскихъ головокъ и другіе предметы. Вотолки съ кистями, изображенныя на рисункѣ 179, происходятъ изъ неизвѣстной мѣстности Кіевской губерніи; онѣ относятся по характеру скорѣе къ сѣверно-русскимъ находкамъ и должны быть

176. Аграфы изъ Льгова.

сближены съ изображенной на рисункѣ 162 вотолкой съ цѣпочками изъ Рязанскаго клада.

Кладъ, открытый въ 1883 г. на погостѣ собора въ Черниговѣ, дополняетъ кіевскіе типы, такъ какъ принадлежащая къ кладу пара сережныхъ подвѣсокъ (рис. 180) составляетъ, вмѣстѣ съ другою Черниговскою-же парою, ближайшій варіантъ основного византійскаго типа.

177. Сережная подвѣска изъ Каневскаго уѣзда.

Серьга представляетъ по формѣ не раковинку, но нѣчто въ родѣ, скажемъ для наглядности, карманныхъ часовъ, причемъ вмѣсто обычной колодочки мы видимъ здѣсь внутренній кружокъ, украшенный эмалевою бляшкою. Эмаль на той и другой сторонѣ только декоративная: внутри краснаго бордюра—бирюзовая пальметка съ лилейною верхушкою. Кругомъ выпуклаго медальона широкая кайма предназначалась для низки жемчуга, которая и сохранилась въ дѣйствительности на одномъ экземплярѣ. Вторая кайма уже украшена подобіемъ жемчужной низки, выполненнымъ въ золотѣ чеканомъ. Наконецъ, внѣшній бордюръ представляетъ

178. Серебряная цѣпь съ наглавниками въ видѣ конскихъ головокъ, изъ Каневскаго уѣзда.

179. Изъ находокъ Кіевской губ.

рядъ насаженныхъ вокругъ серьги жемчужныхъ маковокъ, но не на спенькахъ, а на самой зубчатой каймѣ.

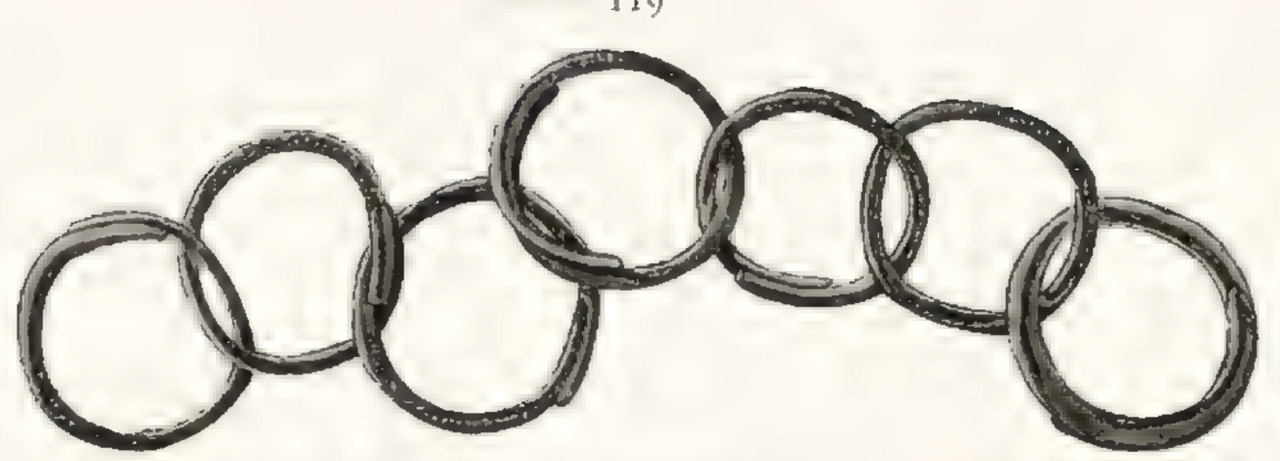
Въ этомъ - же кладѣ найдены 6 золотыхъ серегъ съ ажурными бусами изъ филиграни. Всѣ шесть серегъ разнятся другъ отъ друга орнаментаціею бусъ и размѣрами.

Кладъ, открытый въ городѣ Черниговѣ, на Александровской пло-

180. Серьга изъ Чернигова.

щади, замѣчателенъ найденными въ немъ золотымъ ожерельемъ и парою золотыхъ серегъ. На лицевой сторонѣ этихъ серегъ изображены двое святыхъ мучениковъ, оба въ юномъ возрастѣ, съ кудрявыми волосами, падающими на шею, и перевязанными у одного на макушкѣ золотымъ шнуромъ; оба мученика представлены въ патриціанскихъ одеждахъ и держащими въ правой рукѣ крестъ, тогда какъ лѣвая рука предполагается спрятанною подъ мантіею; на обѣихъ серьгахъ разнятся по рисунку лишь кресты.

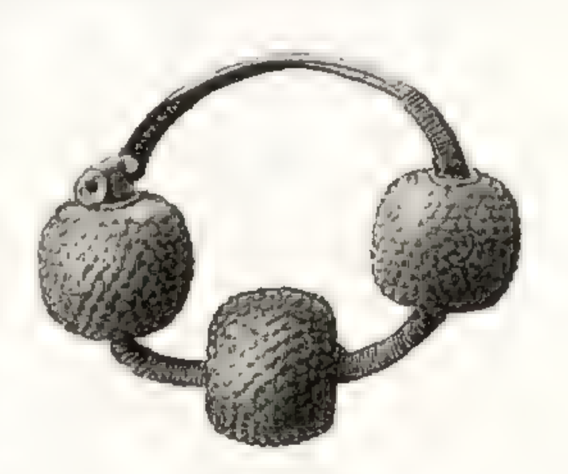
181. Колечки изъ золота и электра въ кладѣ Есикорскаго.

Въ 1885 году въ Кіевѣ, противъ соборнаго дома при Софійскомъ соборѣ, въ усадьбѣ Есикорскаго, при рытьѣ фундамента, найденъ былъ замѣчательный кладъ, въ глиняномъ горшкѣ.

Тревожными обстоятельствами, сопровождавшими, какъ можно предполагать зарытіе клада, объясняется находка въ горшкѣ обломковъ большого сосуда изъ тонкой бронзы и остатковъ льняной матеріи, сильно сотлѣвшей и принявшей бурый цвѣтъ, но съ сохранившимися еще золотыми нитями. Появленіе этого куска въ горшкѣ легко объясняется желаніемъ завернуть въ него драгоцѣнныя вещи. Труднѣе объяснить присутствіе въ кладѣ двухъ, почти разрушенныхъ ржавчиною, желѣзныхъ висячихъ замочковъ. Повидимому, мы должны объяснять себѣ появленіе ихъ въ кладѣ суевѣрною связью *замка* съ *кладомъ*, явившеюся въ народныхъ вѣрованіяхъ въ самую древнѣйшую пору ознакомленія съ этимъ снарядомъ.

182. Серьга изъ клада Есикорскаго.

183. Тоже.

Далѣе, въ видѣ обломковъ, въ кладъ попали четыре куска серебряной оправы черенка отъ ножика. Черенокъ былъ превосходно выполненъ тонкою орнаментовкою романскаго стиля: по лицевой сторонѣ — плетеніями и птицами, на исподѣ — рѣшетчатымъ рисункомъ.

Въ кладѣ оказалось девять (такъ наз. кіевскихъ) серебряныхъ гривенъ — восьми-угольныхъ слитковъ, опредѣленнаго вѣса (въ 36 золотниковъ, составлявшихъ половину византійскаго фунта), служившихъ денежными знаками. Сверхъ того, также вѣроятно въ качествѣ денежныхъ знаковъ (рис. 181), — 12 колечекъ изъ золота, вѣрнѣе кусковъ (опредѣленнаго вѣса) золотой проволоки, согнутыхъ, для удобства, кольцомъ, но не образующихъ кольца (и потому получившихъ въ археологіи неумѣстное и невѣрное названіе спиралей); одно колечко электровое и одно изъ серебряной проволоки.

Интересны золотой и семь серебряныхъ перстней съ печатками. На одной вырѣзанъ идущій левъ, на другихъ крестъ.

Встрѣченная въ кладѣ Есикорскаго каменная пряслица изъ краснаго шифера, очевидно потому показалась собственникамъ предметомъ драгоцѣннымъ, стоющимъ сохраненія, что на ней были начерчены слова, а вещи съ надписями были рѣдки. На лицевой сторонѣ написано уставными буквами: *твори нѣ прямо* — вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что веретено съ этою пряслицею надо держать наклонно и вертѣть, а на нижней сторонѣ — *слънь*, можетъ быть, вмѣсто: *по солонь*, т. е. вокругъ, по солнцу.

184. Серьга изъ клада Есикорскаго.

Кладъ, извѣстный подъ именемъ Есикорскаго, представляетъ замѣчательное собраніе серегъ кіевскаго типа изъ золота: основной типъ кіевской серьги съ тремя бусинами представленъ въ золотѣ съ такимъ разнообразіемъ, что на 28 экземпляровъ клада имѣется 12 варіантовъ. Напротивъ того, между 23 серебряными серьгами, оказывается 22 экземпляра тождественныхъ.

Серьга кіевскаго типа состоитъ изъ проволочнаго кольца, настолько толстаго, что при сильномъ алльяжѣ, проволока не гнется и не теряетъ формы круга. Одинъ кончикъ разбитъ въ видѣ шарнира, другой имѣетъ дырочку, въ которую проходилъ замыкавшій серьгу кусочекъ проволоки. На кольцѣ размѣщены въ одинаковыхъ промежуткахъ три шарика или три бусины (рис. 182—184).

Прежде на металлическое кольцо насаживались или стеклянныя бусы, или жемчужины, и основная орнаментація проистекаетъ изъ подражанія серьгамъ римскаго и варварскаго міра. Самый способъ украшенія помощью низанія жемчуга и бусъ принадлежитъ Востоку и явился въ южной Европѣ вмѣстѣ съ переселеніемъ народовъ Востока на Западъ.

185. Эмалевая серьга изъ клада Есикорскаго.

186. Оборотная сторона той-же серьги.

Варіанты (рисунки 182, 183 и 184) формъ зависѣли отъ украшеній, *скани* и *филиграни*, которыми исполнялись бусы или покрывались шарики изъ листоваго золота и серебра. Эти прорѣзныя формочки сохраняютъ всегда характеръ жемчужинъ, которыя какъ-бы оплетаются сученою тонкою проволокою съ зернью, такъ что остается по 8 глазковъ или круглыхъ отверстій;

глазокъ оплетается густою сѣтью нитей. Особая форма представляется бусами пупырчатыми.

Гораздо труднѣе рѣшить, откуда происходитъ форма бусъ, покрытыхъ сплошною зернью (рис. 183).

Въ бѣдныхъ могильникахъ Средней Россіи встрѣчаются преимущественно серебряныя серьги именно этого типа. Особенно большой подборъ ихъ извлеченъ изъ «мерянскихъ» могильниковъ, куда онѣ попали, очевидно, какъ привозный товаръ. Менѣе найдено ихъ въ Тверской, Московской и Ярославской губерніяхъ.

Пара золотыхъ подвѣсокъ съ эмалями изъ клада Есикорскаго (рис. 185 и 186) замѣчательно сохранилась: эмалевыя краски свѣжи и не окислены. Рисунокъ, однако, отличается неправильностями въ чертахъ лица, тяжелыми формами тѣла, непропорціональностью туловища и головы, крохотныхъ ножекъ и грузнаго корпуса и, наконецъ, орнаментальностью фигуры и хвоста: все это черты не византійскаго оригинала, а его туземной передачи.

187. Серьга изъ серебра того-же клада.

На лицевой сторонѣ изображены два Сирина, обернувшіеся головами къ зрителю, по сторонамъ кружка съ лилейною пальметкою. Нимбы ихъ темнозеленаго цвѣта. Головы Сириновъ, съ распущенными каштановыми кудрями, покрыты не короною, а шапочкою, малиновая тулья которой украшена вокругъ и накрестъ, черезъ голову, золотымъ галуномъ; надъ челомъ помѣщенъ синій камень.

Пара серебряныхъ подвѣсокъ (рис. 187 и 188) принадлежитъ къ предметамъ большой рѣдкости. Между тѣмъ, эти серьги наиболѣе близко передаютъ основной типъ этихъ украшеній.

188. Тоже.

Шейное женское украшеніе въ кладѣ Есикорскаго представляется наборною цѣпью изъ серебряныхъ бляшекъ, числомъ 48, связанныхъ между собою нитками, продѣтыми по три раза черезъ каждую бляшку. Бляшки, полыя внутри, составлены изъ выпуклаго полуцилиндрика, которому чеканомъ придана орнаментальная форма, и подпайного листочка снизу, съ тремя дырочками по обѣимъ сторонамъ полуцилиндрика, для продѣванія нитей, что доказываетъ, что эти бляшки не были нашиты на тесьму или ленту.

Въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., въ м. Мартыновкѣ, въ 1886 году найденъ (въ сосудѣ) значительный кладъ, поступившій цѣликомъ въ собраніе графа А. А. Бобринскаго. Въ кладѣ заключается, повидимому, одно полное женское убранство: въ немъ оказались три пары застежныхъ *аграфовъ* изъ серебряной проволоки и скани, съ насаженными ажурными бусинами; далѣе — пара

серебряныхъ *подвѣсокъ*, въ видѣ полушарика (ворворки) съ шестью цѣпочками; пара *сережныхъ подвѣсокъ* колодкою съ изображеніемъ грифоновъ, серебряный шейный *обручь* (гривна); 57 серебряныхъ наборныхъ отъ ожерелья *полуцилиндриковъ;* пара подвѣсокъ къ головной повязкѣ въ видѣ *лилій*.

Въ Кіевѣ, въ 1887 году, найденъ былъ во дворѣ Златоверхо-Михайловскаго монастыря, на глубинѣ болѣе двухъ аршинъ, въ глиняной кубышкѣ, замѣчательный кладъ: 1) пара золотыхъ сережныхъ колодочекъ съ эмальированнымъ изображеніемъ пары Сириновъ въ бѣлыхъ, какъ-бы сарацинскихъ, коронахъ или шапочкахъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями; 2) цѣпь изъ 20 золотыхъ бляхъ съ эмалевыми изображеніями голубей и орнаментовъ, относящаяся къ предметамъ великокняжескаго церемоніальнаго убора; 3) двадцать двѣ золотыя скобочки, орнаментированныя по краямъ жгутиками и слегка выгнутыя; на одномъ, закругленномъ концѣ ихъ имѣется всегда дырочка для пришиванія, на другомъ ушко для проволоки, связывавшей между собою всѣ эти скобочки; 4) ожерелье или женское монисто изъ 41 золотой бусы, въ видѣ боченочковъ; 5) на этомъ ожерельи оказался подвѣшеннымъ крохотный *сіончикъ*, въ видѣ храмика, объ одной главѣ, съ четырьмя «комáрами», или кокошниками, на шеѣ купола, и четырьмя кіотцами по стѣнамъ, окаймленными сканнымъ жгутикомъ. Внутри кіотцевъ находятся орнаментальныя эмалевыя украшенія на лоточкахъ, вырѣзанныхъ и вставленныхъ сюда взамѣнъ настоящихъ изображеній Евангелистовъ по 4 сторонамъ сіона.

Пара серегъ-колтовъ въ кладѣ изъ Михайловскаго монастыря — самые блестящіе экземпляры подобныхъ подвѣсокъ. На лицевой сторонѣ представлено два сирина по сторонамъ эмалеваго кружка, въ которомъ вписана лилія съ краснымъ бутономъ. Сирины обычнаго типа, курчавые волосы ихъ имѣютъ темнокаштановый цвѣтъ, черты лица представляютъ женскую красоту по византійскимъ понятіямъ. Оригинальностью Сириновъ является замѣна короны бѣлою (войлочною, сиро-каппадокійскою или сарацинскою) шапочкою съ сажеными по сукну камнями.

Въ 1887 году произведены раскопки городища въ Старой Рязани, причемъ найдено много любопытныхъ древностей какъ домонгольскаго періода, такъ и вещей позднѣйшихъ, такъ какъ на этомъ мѣстѣ и послѣ Батыевскаго разгрома жизнь не прекращалась. Здѣсь были найдены обломки тѣльныхъ крестиковъ изъ камня и металла, лишившихся оправы, серьги обычнаго типа, съ тремя ажурными бусинами, спирали и колечки, обломки стекляныхъ витыхъ браслетовъ, желѣзные замки, копья, дротики, грубыя мѣдныя подвѣски, блюдце, орнаментированное изображеніями оленя и растительными формами, поясные наборы изъ бляшекъ, литыя, съ плетеніями, подвѣсныя бляшки съ бисерными украшеніями, образокъ Архангела, глиняныя куклы, сережки-колтки въ видѣ двухъ качающихся на колечкѣ палочекъ съ перемычкою, съ насаженнымъ жемчугомъ, и, наконецъ, пара цѣлыхъ звѣздчатыхъ серегъ изъ серебра. Изъ раскопокъ 1888 года внутри городища Старой-Рязани, на помостѣ древняго храма, вмѣстѣ съ византійскими монетами XII столѣтія, обращаютъ на себя вниманіе образцы крупныхъ серегъ изъ серебра съ тремя бусами, каменный крестикъ въ оправѣ съ зернью, ожерелье бусъ, лоскуты парчи, пара серебряныхъ сережныхъ подвѣсокъ колодочкою, обнизанныхъ большими бусами и украшенныхъ двумя птицами.

Въ г. Каневѣ, Кіевской губ., къ сѣверу отъ города, есть Княжа гора, со слѣдами городища. Еще въ 1872 году, при обвалѣ горы, обнаружились могилы, въ которыхъ находились бронзовыя и желѣзныя вещи. Въ 1889 году крестьяне стали дѣлать раскопки на горѣ и нашли множество предметовъ княжескаго времени: много золотыхъ и серебряныхъ серегъ кіевскаго типа, золотыхъ колецъ, скобочекъ отъ женскаго головного убора, серебряные витые браслеты, ожерелья изъ цилиндриковъ и цѣпи, обломки стекляныхъ браслетовъ, пряслицы изъ краснаго шифера, замки, ножики, нѣсколько бронзовыхъ тѣльныхъ крестовъ, крупные кресты изъ мрамора и зеленаго порфира. Изъ этихъ находокъ замѣчательны корсунскіе кресты-складни, тождественные съ найденными въ Херсонесѣ.

Въ 1889 году, въ Кіевѣ, въ усадьбѣ дворянина Раковскаго, найдены вещи изъ серебра. Важнѣйшимъ предметомъ находки является большой пластинчатый браслетъ, изъ двухъ створокъ, съ шарнирами, настолько большой, что, вѣроятно, надѣвался, на одежду, а не на голую руку. Браслетъ украшенъ грубою рѣзьбою: въ верхнемъ полѣ изображены сирины въ арочкахъ и лилейныя пальметты.

Въ 1889 году въ Кіевѣ, въ усадьбѣ г. Гребеновскаго, въ Старомъ городѣ, былъ открытъ рабочими, во дворѣ дома, драгоцѣнный кладъ, прославленный своею золотою княжескою женскою діадемою, съ эмальированными изображеніями Деисуса, ниже подробно описываемою (рис. 191). Вмѣстѣ съ діадемою найдены были: семь серебряныхъ слитковъ или такъ называемыхъ кіевскихъ гривенъ, гладкій, скрученный легкою спиралью шейный обручъ или гривна, такой-же обручъ, плетеный и перетянутый сканною нитью, и золотой массивный гладкій браслетъ; одинъ, скрученный изъ двухъ дротовъ, серебряный браслетъ, со сбитыми наглавниками, въ видѣ змѣиныхъ головокъ, золотой перстень съ печатью, на которой въ срединѣ вырѣзанъ Архангелъ, а по вѣнцу византійскіе орнаменты (рис. 189 и 190), наведенные чернью, остатки ожерелья изъ серебряныхъ полуцилиндриковъ и, наконецъ, двѣ золотыхъ византійскихъ монеты: солиды византійскихъ императоровъ Алексѣя I Комнина (1081—1118 г.) и Іоанна Комнина (1118—1143 г.).

189. Перстень изъ Кіевскаго клада 1889 года.

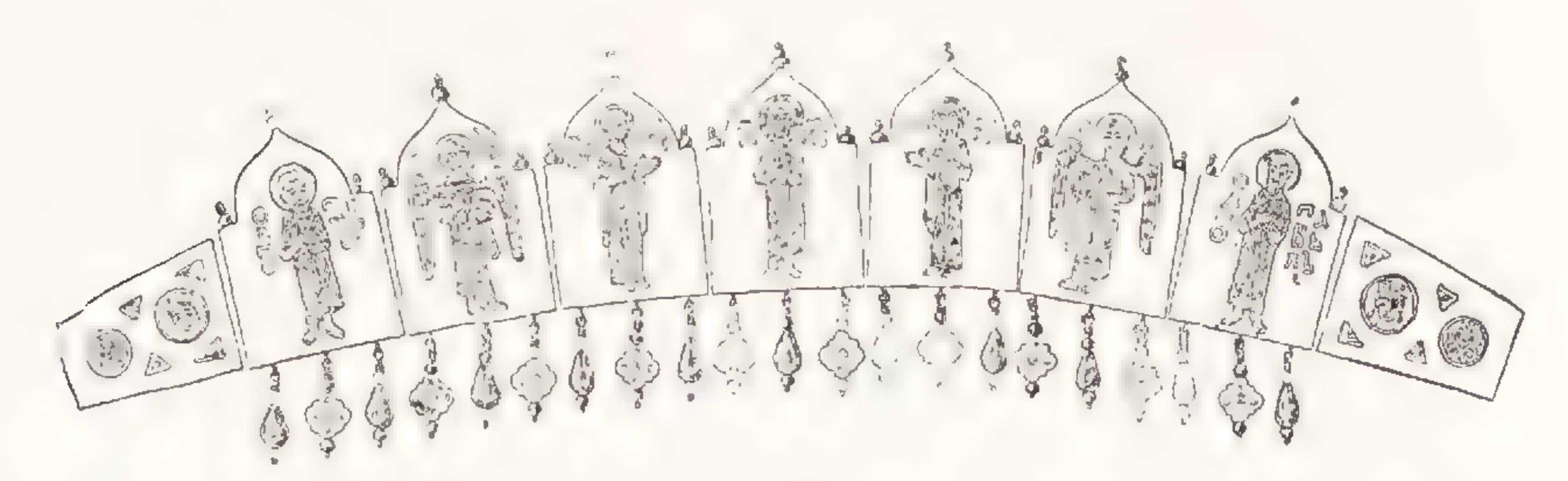
190. Тоже.

Въ 1893 году въ Кіевѣ, на скрещеніи Срѣтенской и Мало-Владимірской улицъ, при производствѣ канализаціонныхъ работъ, найденъ былъ кладъ мелкихъ серебряныхъ вещей XII столѣтія, вложенный въ глиняный горшокъ съ ушкомъ. Въ горшкѣ оказались: 1) три пары серебряныхъ серегъ обычнаго, кіевскаго типа; 2) пара серебряныхъ серегъ византійскаго типа, въ видѣ обоюдовыпуклыхъ щитковъ, съ ажурнымъ ободкомъ изъ скани, свитой восьмерками; дужекъ не сохранилось; на лицевой сторонѣ рѣзьбою награвировано вглубь изображеніе лиліи и 3) главную находку клада составляетъ серебряный браслетъ, изъ двухъ выпуклыхъ полосъ, съ шарнирами по обѣимъ сторонамъ каждой створки. Створки окаймлены бордюромъ изъ зерни и раздѣланы каждая тремя кіотцами или арочками въ такихъ-же зерневыхъ багетахъ; въ промежуткахъ арокъ, въ верхнихъ углахъ,

вырѣзаны символическіе узлы, имѣющіе форму трехчастнаго листа. Внутри арокъ по серебру награвированы высокія, геральдическаго типа птицы, наведенныя въ контурахъ чернью, а въ средней арочкѣ — василискъ, и въ этой арочкѣ фонъ наведенъ чернью, а фигура выполнена наколомъ. Фигурки птицъ и василиска отличаются характернымъ стилемъ второй половины XII и XIII вѣковъ: непомѣрно маленькая головка и узкая шея, тѣло, уже принявшее геометрическую форму, хвостъ въ видѣ лиліи, и отдѣльныя перья, расходящіяся по сторонамъ и загибающіяся вверхъ также въ формѣ остроконечной лилейной распуколки — таковы типы птицъ, которыя позже, въ XIV вѣкѣ, выработались въ причудливый иниціалъ, весь разнятый на завитки, плетенія, ремни. Этотъ звѣриный стиль выработался исключительно въ рукописяхъ, но его подготовка происходила въ XII и XIII вѣкахъ на ювелирныхъ издѣліяхъ и работахъ въ металлѣ.

Въ томъ-же году найденъ былъ въ Кіевѣ по Хоревой улицѣ любопытный мѣдный крестъ-складень, исполненный рѣзьбою и инкрустаціею серебромъ: на лицевой сторонѣ — Распятіе (въ препоясаніи), по сторонамъ — погрудныя изображенія скорбящихъ Маріи и Іоанна, а сверху Евангелиста (Луки); на оборотѣ — Богоматерь съ воздѣтыми руками, по сторонамъ Петръ и Павелъ, наверху и внизу Матѳей и Маркъ съ надписями именъ. Что самое важное въ этомъ крестѣ, это его туземное происхожденіе, засвидѣтельствованное столько-же чернью, сколько и одною надписью: а именно, тогда какъ всѣ надписи здѣсь греческія, хотя искаженныя, имя Петра передано по славянски ПЕТРЪ.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, важнѣйшія находки, которыми мы обязаны до настоящаго времени открытымъ въ Россіи кладамъ. Имѣя въ виду описанный выше матеріалъ, доставленный какъ могильниками и курганами, такъ и кладами, мы можемъ уже теперь сдѣлать нѣкоторыя обобщенія.

191. Золотая эмальированная діадема изъ Кіевскаго клада 1889 года; 1/2 нат. вел.

Анализъ различныхъ формъ украшеній въ русскихъ древностяхъ мы можемъ по праву начать съ разсмотрѣнія золотой діадемы Кіевскаго клада 1889 г. (рис. 191). Золотая діадема служила, по всей вѣроятности, женскимъ головнымъ украшеніемъ: она состоитъ изъ девяти створокъ, образующихъ снаружи легкую выпуклость, а внутри пустые лоточки, боковые края которыхъ по бордюру проткнуты

пятью отверстіями, для того, чтобы въ нихъ пропускать связующія металлическія нити. Будь она вѣнцомъ иконы, діадема состояла бы изъ сплошного листа. По концамъ діадемы исполнены эмалью въ кружкахъ двѣ женскія головки въ коронахъ, какъ указаніе на назначеніе предмета. Къ створкамъ подвѣшены, по три къ каждой, цѣпочки съ мелкимъ жемчугомъ и эмалевыми бляшками, или же золотыми подобіями жемчужинъ; рядъ этихъ бляшекъ образуетъ то, что называлось издревле *рясными*, заимствовано было изъ Византіи и въ позднѣйшее время почиталось даже необходимымъ, ради приличія, прикрытіемъ женскаго лба. Цѣпочки, однако, сдѣланы здѣсь изъ свитой тонкой проволоки и, очевидно безпокоили бы кожу, если бы лежали прямо на ней; нельзя предположить, чтобы и вся полоса діадемы изъ створокъ могла быть надѣваема прямо на голову, такъ какъ внутренніе ея края или рамки, вышиною ½ сантим., должны были бы рѣзать лобъ, и потому необходимо думать, что діадема была нашиваема на матерчатую подкладку, на высокую кику или кокошникъ.

Девять створокъ составлены изъ 7 кіотцевъ, имѣющихъ наверху луковицеобразную арочку съ крючкомъ, на который посажено зерно жемчуга, и эти кіотцы ясно указываютъ, во-первыхъ, на значеніе набора, какъ вѣнца, короны, только не царской, а княжеской, а во вторыхъ, на священный характеръ этого вѣнца. Между тѣмъ, двѣ боковыя пластинки или створки (4½ сант. длины) сдѣланы въ видѣ съуживающейся полосы или ленты, и это придаетъ всему украшенію форму повязки или діадемы. Если діадема и была первоначальною формою царскаго вѣнца, то въ данномъ случаѣ такой архаическій типъ могъ быть легко видомъ церковнаго, брачнаго вѣнца. Всѣ кіотцы украшены византійскою перегородчатою эмалью и только двѣ боковыя—декоративными сюжетами: кружочкомъ съ женскою головкою въ коронѣ, кружочкомъ съ пальметтою на изумрудномъ фонѣ и четырьмя сегментами вокругъ перваго кружка, наполненными разводомъ аканоа; такая форма эмалевыхъ украшеній можетъ происходить отъ подражанія цвѣтной лентѣ, продернутой черезъ ажурную золотую пластинку.

Соотвѣтствующія фигурамъ греческія надписи исполнены крупными уставными буквами, красной эмалью, но заключаютъ характерныя особенности: въ имени апостола Павла русскій эмальеръ составилъ имя по древне-русски: О АГІО ПАВЬЛЪ, не забывъ, однако, сдѣлать ковычку для обозначенія сокращаемой сигмы въ греческихъ словахъ. Эта ошибка ясно выдаетъ работу русскаго мастера, и въ этомъ отношеніи является, по истинѣ, драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ того, что въ Кіевѣ русскіе мастера въ XI и XII вѣкахъ производили эмаль, и что многочисленныя ея произведенія, добываемыя нынѣ изъ земли, даютъ намъ понятіе о высотѣ этого наиболѣе тонкаго художественнаго мастерства на югѣ Россіи въ древнѣйшемъ періодѣ. Оказывается, что русскіе эмальеры умѣли работать въ эмали не хуже самихъ Грековъ, если принять во вниманіе, что вещь принадлежитъ срединѣ или даже концу XII вѣка, когда эмалевая техника уже значительно упала, и то, что діадема извлечена изъ земли и пострадала отъ сильнаго окисленія. Эмаль сохранила вполнѣ свои цвѣта только въ фигурахъ апостола Петра и архангела Гавріила, во всѣхъ прочихъ сильно поблекла. Византійскіе типы значительно измѣнились и переданы съ сокращеніями деталей. Рисунокъ одеждъ —

хитона и гиматія, часто не различимъ, или сбитъ, или исполненъ безъ различія верхней и нижней одежды, чего никогда не бываетъ въ греческой работѣ; спутанъ рисунокъ лорона, а въ лоронѣ архангела Михаила изображенъ собственно орарь.

Въ древней Руси діадемы назывались *челомъ*, и извѣстно, что Иванъ Даниловичъ Калита завѣщалъ своей дочери, между другими нарядами, такое чело; челомъ-же называлась и передняя часть кики, въ отличіе отъ высокаго кокошника.

Между курганными древностями Россіи мы не находимъ головныхъ уборовъ, подобныхъ Кіевской діадемѣ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, когда въ видѣ отдаленнаго воспоминанія о древнемъ обычаѣ, попадаются на головахъ женскихъ остововъ вѣнчики въ видѣ тонкой пластинки изъ низкопробнаго серебра, съуживающіеся къ концамъ и снабженные крючками или петлями для связыванія назади головы. Эти пластинки встрѣчены были въ Петербургской, Тверской и Ярославской губ. Въ Люцинскомъ могильникѣ найдено два типа женскихъ головныхъ повязокъ: одинъ имѣетъ видъ широкой тесьмы изъ бронзовыхъ спиралей, перехваченной поперечными пластинками; форма напоминаетъ мелкія косы, уложенныя надо лбомъ и перевязанныя лентами. Семь кіотцевъ діадемы представляютъ композицію, извѣстную въ русской иконописи подъ именемъ *Деисуса* (моленіе). Ея составъ ограниченъ Богоматерью и Іоанномъ Предтечею, Архангелами Гавріиломъ и Михаиломъ и Апостолами Петромъ и Павломъ; средоточіе «моленія» образуютъ три фигуры, т. е. Спаситель съ Богородицею и Предтечею; для иконы этихъ фигуръ достаточно, чтобы было представленіе Небесной Церкви, приносящей моленіе Спасу. Два верховныхъ Апостола слѣдуютъ за Архангелами, ибо они представляютъ собою уже церковь земную, установленную при Вознесеніи на небеса Господа.

Іисусъ Христосъ представленъ въ гиматіи и хитонѣ, въ сандаліяхъ, съ крещатымъ нимбомъ вокругъ головы и съ Евангеліемъ въ рукахъ. Онъ благословляетъ сложеніемъ трехъ перстовъ, какъ Спасъ-Вседержитель, и смотритъ прямо предъ собою; поза выставленной слегка впередъ правой ноги, не понята рисовальщикомъ. Волосы Спаса темнокаштановые, обильные и волнистые; борода полная и округлая, но раздвоенная по срединѣ. Словомъ, типъ Христа близокъ къ древнехристіанскому типу лицевой Псалтири, и ясно отличается отъ новаго типа, представляемаго сицилійскими мозаиками. Іоаннъ Предтеча стоитъ передъ Спасителемъ, слегка склонивъ голову, съ жестомъ моленія, воздѣвая обѣ руки; онъ, однако, не смотритъ на него, какъ и Богородица, но глядитъ передъ собою, молясь внутренно, съ сокрушеніемъ. Предтеча одѣтъ въ голубой хитонъ. Поверхъ хитона надѣта милоть — верхняя одежда пророка изъ верблюжьяго волоса, темнокаштановаго цвѣта, съ бахромою. Отлично сохранившаяся фигура Архангела Гавріила представляетъ краски эмалей съ такою рѣзкою пестротою, такое паденіе техники въ кіевскихъ работахъ, что ничего подобнаго мы не могли бы найти въ византійской эмали: напримѣръ, цвѣтъ нимба Архангела имѣетъ яркій голубо-бирюзовый цвѣтъ. Въ рисункѣ одежды Архангеловъ Гавріила и Михаила допущена крайняя несообразность: лоронъ въ видѣ пояса проходитъ на бокъ, но не представлено, какъ онъ отсюда переброшенъ на лѣвую руку. Апостолы Петръ и Павелъ могутъ считаться наиболѣе удачными фигурами: причина этого въ характерности типовъ, допускающей и непра-

вильности, которыя не могутъ исказить типа. Оба Апостола стоятъ въ классической позѣ ритора, но ей недостаетъ полноты въ рисункѣ: гиматій, не переброшенъ черезъ лѣвую руку и оканчивается, неизвѣстно какъ и гдѣ; въ именословномъ благословеніи у Петра неправильно изображены пальцы правой руки.

Мы имѣемъ доселѣ *гривны* (гривнами назывались шейныя украшенія вообще) или золотые медальоны (такъ называемыхъ *бармъ*) въ слѣдующихъ кладахъ: 1) Кіево-Михайловскаго монастыря 1824 года: два золотыхъ медальона съ эмалевыми изображеніями Спасителя и Св. Бориса; 2) Кіевскомъ, съ Большой Житомірской ул. 1880 г. съ 3 медальонами, на которыхъ финифтью изображены три лика Деисуса — (рис. 192—194) и 3) въ знаменитомъ Рязанскомъ кладѣ, находки 1822 года; здѣсь медальоны или гривны, благодаря составу клада, получили названіе «Рязанскихъ бармъ» (рис. 140—145).

Затѣмъ слѣдуютъ болѣе многочисленныя серебряныя гривны: 1) въ Черниговскомъ кладѣ 1850 года серебряный медальонъ съ крестомъ; 2) во Владимірскомъ 1865 года — два медальона, полуразрушенныхъ, изъ нихъ — одинъ съ изображеніемъ

192—194. Эмалевыя «гривны» или образки «Деисуса» изъ Кіевскаго клада съ Б. Житомірской улицы

Архангела черню и рѣзьбою; 3) въ Старо-Рязанскомъ кладѣ 1868 г. три медальона съ крестами; 4) въ Старой Рязани въ томъ-же году въ другомъ кладѣ два медальона: на одномъ изображенъ Спаситель, на другомъ Богородица; 5) изъ Спасскаго уѣзда, Казанской губ., мѣстности Вел. Болгаръ, великолѣпная находка девяти медальоновъ съ крестами; 6) Новгородской губерніи, Старорусскаго уѣзда, деревни Сельцы — кладъ съ пятью медальонами и 7) замѣчательное «Суздальское оплечье», изъ 6 медальоновъ и 12 бусинъ, найденное въ окрестностяхъ Суздаля.

По времени изготовленія на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены медальоны Житомірской ул., а послѣ нихъ — знаменитая находка Старой Рязани или «Рязанскія бармы».

Эмалевыя иконки Деисуса на гривнахъ Кіевскаго клада съ Б. Житомірской улицы (рис. 192—194) представляютъ чисторусскую, кіевскую работу и потому должны быть возможно точно описаны. Композиція фигуръ принадлежитъ византійскому оригиналу, но уже не передана съ тою строгостью типа, какую мы привыкли находить въ византійскихъ эмаляхъ; всего болѣе измѣнились краски, ихъ блескъ, прочность и прозрачность. Спаситель представленъ, на первый взглядъ, какъ-будто стоящимъ, — согласно композиціи Деисуса въ византійскомъ искусствѣ; голова и вся фигура повернуты слегка слѣва направо, какъ-бы обращаясь къ Богородицѣ, заступничество которой является преимущественно угоднымъ. Лѣвая рука придерживаетъ Евангеліе съ боку, а не снизу, какъ было бы при изображеніи Спасителя стоящимъ, и потому надо думать, что рисовальщикъ предполагалъ изображеніе Спаса на престолѣ съ предстоящими, стало быть, уже по схемѣ поклоненія Спасу, какъ Верховному Архіерею. Гиматій, окутывающій лѣвое плечо, появляется только своимъ краемъ на правомъ и, пройдя за рукою, проведенъ по тѣлу и переброшенъ концомъ на лѣвую руку. Здѣсь въ рисункѣ явныя ошибки по изображенію одежды: и хитонъ не имѣетъ рукавовъ, и латиклавій проведенъ въ видѣ каймы, — какъ-разъ ошибки, наблюдаемыя нами на русскихъ эмалевыхъ издѣліяхъ оклада Мстиславова Евангелія. Образъ Богоматери (рис. 193) выполненъ болѣе тщательно и лучше сохранился. Въ немъ можно прослѣдить съ большею ясностью, что именно затрудняло русскаго эмальера въ его стремленіи приблизиться къ оригиналу настолько, чтобы не было видно русской работы. Но русскаго мастера выдаетъ рисунокъ фигуры и особенно рукъ: онѣ уродливо тонки, малы, пальцы переданы съ крайнимъ преувеличеніемъ, всѣ ленточки перегородокъ порваны; рисунокъ лица грубый. Еще болѣе выдаетъ мастера драпировка пенулы, на груди окончательно спутанная. Гораздо лучше, по краскамъ и по характеристикѣ лика, медальонъ Предтечи (рис. 194). Мы видимъ здѣсь лучшій византійскій типъ: черные, какъ смоль, косматые волосы, свалявшіеся и торчащіе, спускаются по плечамъ; черная борода тоже виситъ отдѣльными прядями.

Такъ называемое «суздальское оплечье» найдено было въ боку кургана въ сел. Исадъ, Суздальскаго уѣзда; вещи лежали въ кучѣ, едва прикрытыя землею, и видимо, въ торопяхъ скрыты на время въ тревожную пору. Кладъ состоитъ изъ шести серебряныхъ медальоновъ, пять изъ коихъ украшены крестами рѣзьбою, наведены черню и позолочены, и двѣнадцати серебряныхъ, также позолоченныхъ, бусъ большого размѣра.

На одномъ медальонѣ изображенъ мученикъ; изображеніе выбрано не даромъ: это, вѣроятно, образъ патрона владѣльца ожерелья, вѣрнѣе всего — Св. Борисъ или Глѣбъ.

Бармы, въ числѣ девяти медальоновъ изъ серебра (рис. 195), составляющихъ наборъ, также постепенно увеличивающійся въ размѣрѣ къ срединѣ, найденъ въ мѣстности Великихъ Болгаръ въ 1888 году. Медальоны слегка выпуклы, позо-

195. Нагрудное украшеніе — *Гривна цетава* изъ В. Болгаръ.

лочены и снабжены ушкомъ въ видѣ бусины или боченочка для нанизыванія. Они украшены орнаментальными крестами, типа креста «процвѣтшаго», т. е. съ лиственными или растительными (аканфовыми и виноградными) разводами или побѣгами отъ нижняго рукава. Фонъ обыкновенно guilloché или сѣтчатый, исполненный наколомъ, на одномъ лишь медальонѣ былъ наведенъ чернью. Форма креста византійская, съ удлиненнымъ низомъ, безъ украшеній, но въ одномъ случаѣ крестъ, вмѣсто перекрестій, представляетъ вѣтки лиліи, въ другомъ — крестъ утвержденъ на шарѣ.

Первое опредѣленіе подобнаго рода предметамъ было дано по поводу Рязанскаго клада 1822 года, который принято было называть *бармами*, по догадкѣ Оленина и Калайдовича, повторенной Снегиревымъ. Предметы были отнесены къ

числу церемоніальныхъ великокняжескихъ украшеній, которыя подъ именемъ «святыхъ бармъ — еже есть діадима», были извѣстны древней Руси, и подъ этимъ именемъ впервые упомянуты въ грамотѣ Ивана Даниловича Калиты (1328 года).

Матерчатыя оплечья, бармы или «діадимы», появились къ намъ изъ Византіи, по вѣрной догадкѣ графа А. С. Уварова, уже сравнительно въ позднюю эпоху, т. е. не ранѣе XIV вѣка, и упоминаются въ старыхъ духовныхъ подъ именемъ «пристежнаго» ожерелья, «саженаго» на четыре жемчужныя пуговицы; ожерелья имѣлись у рубашекъ, зипуновъ, а также у священныхъ ризъ и стихарей. Матерчатое оплечье, перешедшее изъ Персіи въ Византію, на родинѣ своей было принадлежностью военной формы, въ Византіи же стало деталью облаченія, повидимому, придворнаго. Украшенія такихъ оплечій состояли изъ шитыхъ жемчужныхъ полосъ и круговъ, обычныхъ разводовъ и орнаментовъ, даже фигурныхъ, какъ на всякихъ шелковыхъ, парчевыхъ и золотыхъ тканяхъ, или изъ драгоцѣнныхъ камней, саженыхъ рядами, но не имѣютъ ничего общаго съ металлическими подвѣсками, о которыхъ мы теперь разсуждаемъ. Невѣрно также и то, что византійскія оплечья-маніакіи были достояніемъ только императорской фамиліи: списки одеждъ, снабженныхъ маніакіями, для чиновъ двора, правда, высокихъ, опровергаютъ это предположеніе. А потому и у насъ бармы не были, видимо, выше общаго княжескаго достоинства, къ какому на первыхъ порахъ были причислены Византіею варварскіе владѣтельные князья, производившіеся императорами, сообразно политикѣ, изъ достоинства патриціевъ въ достоинство нобилиссимовъ, кесарей и королей.

Тождество русской *гривны*, въ видѣ обруча, съ византійскимъ *маніакіемъ* не подлежитъ сомнѣнію. По обыкновенію, византійская древность является первоисточникомъ, но въ то-же время глубоко скрытымъ.

Маніакій уже для самихъ византійцевъ былъ своего рода стариною, былъ заимствованъ ими у персовъ, у которыхъ былъ неизмѣннымъ украшеніемъ воина и отъ которыхъ перешелъ къ варварамъ Европы. Но у тѣхъ-же персовъ были въ употребленіи не только витые обручи, какъ украшенія шеи, но и богатыя *оплечья* на одеждахъ. Маніакій былъ металлическимъ уборомъ, нашей гривною. И маніакій (=гривна) былъ издревле въ Византіи praemium virtutis, наградой за мужество, общимъ знакомъ военнаго отличья, затѣмъ почетнымъ знакомъ высшей гвардіи, приближенныхъ тѣлохранителей, судя по ихъ изображеніямъ на памятникахъ IV — VI столѣтій. Именно въ этомъ значеніи torques долгое время служилъ эмблемою «императора», т. е. полководца, когда его провозглашали въ преторіанскомъ лагерѣ, или же въ ипподромѣ воины гвардіи; тогда «кампидукторъ» надѣвалъ на голову «императора» маніакій, чаще всего свой собственный.

Слово *барма* происходитъ отъ сокращенія слова *багрома*, а это слово, которымъ называлась пурпурная тесьма, плетенка, вязанка съ мохрами, висячими прядками, обязательно по краю одежды, борту, подолу, вороту, въ свою очередь происходитъ отъ *багоръ, багровый, багряный*. Въ извѣстной повѣсти о присылкѣ къ Владиміру Мономаху Константиномъ Мономахомъ Царскихъ утварей, отъ 1551 года, выписанной при изображеніяхъ на дверяхъ Царскаго мѣста въ Москов-

скомъ Успенскомъ соборѣ, сказано, что Константинъ повелѣваетъ принести «ожереліи, сирѣчь святыя *багромы*, иже на плещу своею ношаше». Въ свою очередь, слово *багромы* и есть, какъ можно догадываться, первоначальная форма, происходящая отъ *багоръ, багровый, багряный,* что значитъ, какъ извѣстно, *червленый, пурпуровый,* т. е., какъ объяснялъ еще В. И. Даль, не съ огненнымъ (алымъ) отливомъ, а съ едва замѣтною просинью, съ синевою, слѣдовательно, древній византійскій пурпуръ, лиловаго или темно-фіолетоваго оттѣнка (не античный, который былъ коричневымъ). Между тѣмъ, мы знаемъ, что именно пурпуровыми полосами или же вязлами, пурпурною бахромою, отдѣлывали на Востокѣ каймы одеждъ, а далѣе, коптскія одежды, въ безчисленныхъ издѣліяхъ, до насъ дошедшихъ, представляютъ какъ разъ всѣ *ошивы* и каймы опять-же изъ пурпура. Поэтому, нѣтъ никакой нужды доказывать, что у насъ въ древней Руси словомъ *багромы* должны были называть всѣ нашивки и украшенія и особенно коймы пурпуроваго цвѣта (согласно перемѣнѣ въ украшеніяхъ одеждъ, точнѣе, византійской модѣ, сосредоточившей для цѣлаго ряда «чиновъ» эти украшенія въ коймахъ или обшивкахъ). Какъ обыкновенно бываетъ, сокращенная форма послужила техническимъ наименованіемъ шитаго оплечья, а слово *бахромы* осталось за всякою каймою, притомъ изъ пурпуровыхъ прядей. Такимъ образомъ, «коць великій съ бармами», «скорлатное портище сажено съ бармами» имѣетъ уже исключительное значеніе *оплечья* или ожерелья. Но такъ какъ, несмотря на затемнѣніе смысла слова *бармы*, совершавшееся, благодаря сокращенію, все-же чувствовалось, что оно не даетъ настоящаго названія «священному оплечью» — собственно маніакію, то въ позднѣйшихъ документахъ, согласно съ византійскимъ обычаемъ (см. соч. Кодина), прибавляли къ слову барма: «еже есть «діадима», хотя также и отдѣляли: «вѣнецъ, діадиму, бармы» и т. д. А именно, есть одинъ хронографъ, въ которомъ сказано, что Константинъ Великій папѣ Сильвестру «саны царскія даде, еже есть посохъ златъ и вѣнецъ и *фригонъ*, рекше св. бармы». Фригонъ вмѣсто *фригіонъ* = opus phrygium вышиваніе, затѣмъ главнѣйшія вышивки или ornatus ex opere Phrygio — коймы, подолы, воротники, также головныя повязки и капюшоны, тюрбаны, башлыки и колпаки, затѣмъ пристежныя оплечья и т. п.

Бахрома (греч. *кроссы, коримбы,* лат. *fimbriae)* восходитъ, по своему употребленію, къ глубокой древности и происходитъ съ азіатскаго Востока; бахрома, въ своемъ исходномъ типѣ, подражаетъ прядямъ мѣховой одежды, носимой мѣхомъ внутрь и, вѣроятно, имѣла назначеніемъ первоначально служить для сохраненія тепла, составляя своего рода подбой, теплую мохнатую изнанку для матерій, преимущественно верхнихъ и, потому, плотныхъ или даже двойныхъ. Повсюду на всѣхъ рельефахъ ассиро-халдейскихъ, на памятникахъ Финикіи и Кипра мы видимъ верхнія одежды, окаймленныя тяжелою и густою бахромою, но уже, видимо, служащею только для бордюра одежды, сдѣланной изъ тонкихъ, нерѣдко льняныхъ тканей. У Грековъ бахромы долгое время служили лишь для жреческихъ одеждъ, какъ въ Финикіи и во времена Христа для фарисеевъ, заботливо умножавшихъ «воскрылія (собственно бахрому, каймы, мохры) своихъ одеждъ». Бахрома въ это время уже составляла украшеніе пышныхъ матерій, и пряди или

мохры ея смѣшивались съ мелкими подвѣсками, кисточками, вотолками, цѣпками съ драгоцѣнными камнями, колечками и пр. Такого рода матеріи употреблялись для покрывалъ, поясовъ, на что находимъ указанія на многихъ памятникахъ древняго искусства, что, въ свою очередь, важно для пониманія варварскихъ украшеній.

Напротивъ того, прототипъ металлическихъ цѣпей съ круглыми медальонами представляется въ позднеримскихъ воинскихъ *фаларахъ*, уздечныхъ бляхахъ, изъ которыхъ вкусъ римской солдатчины сдѣлалъ военный орденъ. Это было знакомъ отличія первоначально для конницы, а затѣмъ долгое время украшеніемъ возницъ, цирковыхъ предводителей. Фалары чаще носились на перевязяхъ, портупеяхъ и ремняхъ, такъ или иначе напоминающихъ перевязи конюховъ и возницъ. Наиболѣе близкій для насъ образецъ представляютъ извѣстныя изображенія трехъ геніоховъ Константинопольскаго цирка, во фрескахъ Кіево-Софійскаго собора.

Затѣмъ, въ позднѣйшую пору Римской Имперіи устанавливается и типъ шейнаго украшенія изъ круглыхъ бляхъ, носимыхъ на шнурѣ или цѣпи, сначала въ видѣ воинскаго знака отличія, впослѣдствіи вообще знака достоинства, и въ качествѣ такихъ бляхъ употребляются *медальоны* въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. большія вычеканенныя медали, обдѣлываемыя въ золотой или серебряный ободъ, украшаемый филигранью, жемчугомъ, камнями. Арабы усвоили рано тѣже украшенія, замѣнивъ христіанскія эмблемы своими, и разнесли, въ видѣ готовыхъ металлическихъ издѣлій, всюду, куда шла восточная торговля, до Скандинавіи и сѣвера Россіи и крайнихъ предѣловъ мавританскихъ; такимъ образомъ, мы въ народныхъ уборахъ самихъ арабовъ въ Сиріи и Аравіи находимъ цѣпи съ подвѣсными бляхами, и даже подобіями византійской лиліи (крина), двухглавыми птицами, словомъ, все тѣ-же рисунки, какіе находимъ на персидскихъ и византійскихъ подвѣскахъ.

Въ то-же время, около X — XI столѣтій, въ подвѣскахъ происходитъ извѣстный подборъ, а именно, мелкія бляшки болѣе и болѣе теряютъ значеніе амулетовъ, а большіе медальоны перестаютъ играть роль брактеатовъ, но остаются въ видѣ шейнаго украшенія, ожерелій, цѣпей и цѣпочекъ.

Что древнерусскіе конскіе уборы происходили съ Востока,—дѣло понятное само собою. Кисть подъ шеею, у переносья, у ремней называлась *морхи*, откуда слово *мохры, махровый* и пр.; металлическія подвѣски къ конской уздѣ назывались у насъ въ старину татарскимъ словомъ *решма*, попона въ богатомъ видѣ называлась *чапракъ*, принадлежности сѣдла — *арчакъ, тебенекъ*, палучей и колчана — *бенди* и пр. Однако, тутъ-же есть и русскія слова, какъ-то: *лысины* въ значеніи налобника; разнаго рода подвѣски рано стали зваться *наузами, наузольниками*, съ *чекмами* (чеканныя бляшки), *пляцинами* и *вотолками*. Для насъ въ данномъ случаѣ важно, что слово *ворворка*, особенно часто употребительное, идетъ, повидимому, изъ Византіи, и оттуда-же *поталы*. Наши конскіе уборы у князей должны были, весьма естественно, подражать пышнымъ византійскимъ церемоніальнымъ сбруямъ, и мы съ особеннымъ интересомъ узнаемъ, что выраженіе *червленая челка* есть только дословный переводъ съ греческаго.

Древняя Россія знала брактеаты и даже употребляла для этого предмета особое слово — *цаты*. Русское *цата*, церковносл. **цѧта**, старослав. centa, по Миклошичу, зна-

чило: монета; чешское ceta — золотая монета, польск. cetka блестка, золотой листъ (т. е. поталъ или брактея), малорус. *чатка*—крапина, первоначально—монета, динарій, подвѣсная бляшка, прикладъ къ вѣнцу и пр.; литов. ceta — пряжка на поясѣ, готское *Kintus*. По древнимъ азбуковникамъ, цата=златница, сребреникъ, а въ Тамбовской губ. этимъ именемъ доселѣ называютъ узоры на плечахъ и подолѣ (круглыя нашивки мордовскихъ рубахъ, идущія отъ восточно-сирійскихъ образцовъ VIII—X стол., сохранившихся въ коптскихъ могилахъ), золотыя блестки и пр. По лѣтописи, вел. князь Андрей устроилъ «церковь различными цятами и аспидными цятами» — т. е. облицевалъ стѣны яшмовыми плитами и т. д. Въ Шестодневѣ Іоанна, экзарха Болгарскаго, рукописи 1263 года, такъ описываются знаки княжескаго достоинства и приближенныхъ князя: «кнеза видѣти, сѣдеща въ срацѣ бисромь покыданѣ, *гривну цетаву* на выи носяща и обручи на руку, поясомъ вълърмитомъ поясана и мьчь златъ при бедрѣ висещь; и оба полы его болѣры сѣдеще въ златыхъ гривнахъ и поясахъ». Графъ А. С. Уваровъ, указавъ на ясное отличіе княжеской гривны отъ обыкновенныхъ золотыхъ гривенъ, имѣвшихъ форму обруча, свитаго изъ металлическихъ дротовъ, полагаетъ, что это отличіе заключалось не въ одномъ только богатствѣ украшеній, но и въ особой формѣ этой гривны, и, въ видѣ предположенія, замѣчаетъ, что цатою доселѣ называютъ лунообразную подвѣску на иконахъ, прикрѣпляемую къ оконечностямъ вѣнчиковъ, а что такія подвѣски уже были, видно изъ лѣтописнаго текста подъ 1288 годомъ: «икону списа на золотѣ намѣстную св. Георгія и гривну златую възложи нань съ женчюгомъ». Словомъ, графъ Уваровъ предполагалъ подъ цатою то, что въ старину называлось *мѣсяца гривенная,* а Греки называли *мениском*ъ.

То, что называлось у насъ въ древности *мѣсячными гривнами*, было, очевидно, плоскимъ украшеніемъ шеи изъ листового золота и серебра, съ штампованными рисунками или же гнѣздами камней, сообразно строенію шеи и груди, принявшимъ форму луннаго серпа, обращеннаго къ верху концами, и подвѣшеннымъ или на цѣпочкѣ вокругъ шеи, или на крючкахъ по обѣ стороны груди.

Металлическіе оклады иконъ не только украшались эмалями, финифтью и сканью, чернью, жемчугомъ и камнями, или наложенными золотыми и серебряными дробницами, но и всякаго рода *подвѣсными* уборами: ожерельями или монистами, гривнами, «лунницами» или «мѣсяцами гривенными», цатами, крестами, панагіями, бляхами, цѣпями (золотыми—вклады царей), ряснами и пр. Прежде всего въ описяхъ упоминаются, конечно, вѣнцы (нимбы, оглавія), иногда съ «карунами», затѣмъ, послѣ вѣнца, въ описяхъ XVI вѣка, слѣдуетъ *цата*, изрѣдка называемая гривною или гривенкою; это, очевидно, подвѣсная лунница изъ золота, серебра, басменная, съ камнями. У цаты въ «привѣскѣ» упоминается «панагія», панагія съ мощами, иконки рѣзныя. Но цата бываетъ всегда на образѣ одна, а гривенъ много — три, четыре, пять; на 20 иконахъ Деисуса насчитано 84 гривны; гривны часто называются «витыми». Въ «привѣскѣ» упоминаются цѣпи, золотыя, серебряныя, гнутыя, а на нихъ кресты разные или тоже панагіи, если вмѣсто этого не упоминаются «поднизи» и «ожерелейца», рясы и пр. Независимо отъ того — серьги, иногда по одной, и по парѣ, съ камнями и «трясочками», «запонки» на плечахъ (фибулы), нарукавники или запястья съ камнями, перстни и кольца.

Поэтому, если мы напр. находимъ на иконѣ подвѣсную (въ видѣ полумѣсяца) металлическую цату и на ней три штампованныхъ кружка съ изображенiемъ Деисуса, то должны эти кружки называть «гривнами».

Въ собственномъ смыслѣ слова, *цѣпь* была всегда служебнымъ предметомъ, приспособленiемъ для связи орнаментальныхъ звеньевъ или для ношенiя разныхъ видовъ убранства. Русское слово *цѣпь* выражало собою, издревле, опредѣленное понятiе церемонiальныхъ уборовъ средневѣковой дружины, хотя и замѣнялось также особыми названiями, преимущественно техническаго значенiя. Такъ напр., цѣпь изъ плоскихъ золотыхъ колецъ, нашитыхъ на атласъ, называлась въ старину «*перевязью*» — «перевязь золота кольчата», или же *окладнемъ* — «окладень золотъ кольцами», но такiе окладни были и сами по себѣ украшенiемъ, такъ какъ въ этихъ золотыхъ цѣпяхъ были звенья, литыя изъ золота, и чеканныя гнѣзда съ алмазами и яхонтами, стало быть, онѣ уже не были простыми служебными цѣпями, но имѣли сами по себѣ декоративное значенiе.

Въ русскихъ кладахъ X—XIII столѣтiй встрѣчаются цѣпи служебнаго характера, своею простотою нерѣдко не отвѣчающiя драгоцѣнному составу клада, какъ напр. обрывокъ толстой серебряной цѣпи изъ клада, найденнаго въ гор. Черниговѣ, или цѣпь Каневскаго клада Кiевской губернiи.

Наглавники цѣпей представляютъ обычную форму отлитыхъ въ серебрѣ звѣриныхъ головъ: узенькая головка, съ прижатыми къ ней ушами, съ узкими глазами, оканчивается небольшимъ ртомъ, съ характерно оттопыренной верхней губою; во рту продѣлано круглое отверстiе для продѣванiя толстаго дрота (см. рис. 178).

Употребленiе кольчатыхъ цѣпей и цѣпочекъ прослѣдить гораздо труднѣе, чѣмъ орнаментальное развитiе церемонiальныхъ цѣпей: предметы служебнаго характера не удостоиваются ни изображенiя въ рисункѣ, ни названiя. Но, согласно съ общимъ убранствомъ шеи и груди у византiйцевъ и вообще на христiанскомъ востокѣ, мы находимъ обильное примѣненiе цѣпи къ личному убору именно у славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ соприкосновенiе съ Византiею и греческимъ востокомъ. Мы находимъ далѣе подвѣшивавшiяся къ поясу кольчатыя цѣпи, съ бубенцами, и притомъ изъ серебра, въ народныхъ уборахъ Кандiи, Родоса и др.

Массивность нашихъ цѣпей, независимо отъ общаго характера кладовъ, указываетъ на ихъ происхожденiе отъ личныхъ уборовъ, а предметами, на нихъ носимыми, были, по всей вѣроятности, большiе наперсные кресты и даже большiе «тѣльники корсунскiе», складные, литые изъ массивной бронзы и заключавшiе внутри складня мощи, частицы артоса.

Изъ уваженiя къ нему самому и къ святынѣ, въ немъ заключенной, крестъ не зарывали въ кладѣ съ прочими драгоцѣнностями, а сохраняли при себѣ. О наперсныхъ крестахъ говорятъ и лѣтописи: въ 1147 году народъ «бьюче Михаила (князя), отторгоша Крестъ на немъ и съ чепьми, а въ немъ гривна золота». В. К. Iоаннъ Iоанновичъ отказалъ сыну «чепь колчату великую съ крестомъ, враную, огнивчатую съ кресты». Въ 1213 г. убили Михаила Скулу: «главу его сусѣкоша, трои чепи сняше золоты».

Отсюда, затѣмъ, мы получаемъ и прямое объясненiе того, почему извѣстные «корсунскiе кресты» изъ золота, серебра и бронзы, не будучи церковною утварью

и исключительною принадлежностью духовнаго сословія, были такъ распространены въ Греціи и у насъ (повидимому, не позже XIV вѣка) и дошли до насъ въ такомъ сравнительно большомъ числѣ, являясь весьма обычнымъ предметомъ личнаго убора.

Въ царскую эпоху (которая, замѣтимъ въ скобкахъ, по своимъ обычаямъ представляетъ уже сліяніе поздневизантійскихъ церемоній съ обрядами великокняжескаго двора) цѣпи съ крестами, какъ бы ни были онѣ художественно украшены, «враныя», т. е. плетеныя, «кольчатыя», «сканныя аравійскаго злата», подобная той, которая и понынѣ хранится въ Оружейной Палатѣ, продолжали оставаться служебными, а не самостоятельными украшеніями.

Церемоніальныя цѣпи встрѣчены доселѣ въ четырехъ, пяти кладахъ, исключительно Кіевскихъ, и то не всегда въ надлежащей полнотѣ.

196. Цѣпь изъ эмальированныхъ бляшекъ въ кладѣ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ.

Цѣпь Михайловскаго клада (рис. 196), состоитъ изъ 20 медальоновъ, соединенныхъ на плечахъ двумя цѣпочками: судя по величинѣ, это явно цѣпь женская. Цѣпь превосходно сохранилась, такъ что уцѣлѣли иныя заклепки шарнировъ и колечки цѣпочекъ, которыми онѣ застегивались. Рисунки эмалевыхъ фигуръ этой цѣпи могутъ считаться наиболѣе типичными для издѣлій южнорусскихъ эмальеровъ. Сравнительно съ византійскими оригиналами, здѣсь много недостатковъ: и въ фигурахъ, слишкомъ крупныхъ и тяжелыхъ, и въ краскахъ, слишкомъ рѣзкихъ. Рисунки бляшекъ представляютъ или птицъ, или орнаментальные щитки. Птицы — голуби, идутъ или справа налѣво или обратно, смотря по тому, на какой сторонѣ груди эти бляшки приходятся, а смотрятъ птицы всегда внутрь, т. е. по направленію къ лицу, носящему цѣпь. Имѣетъ-ли это особое символическое значеніе, сказать трудно, хотя и вѣроятно, такъ какъ близость и взглядъ птицъ по направленію къ человѣку почитался знакомъ здоровья и благополучія.

Цѣпь кіевскаго клада, происходящаго съ Большой Житомірской улицы, также великолѣпна и хорошо сохранилась, какъ и цѣпь Михайловскаго клада. Она состоитъ изъ 20 медальоновъ или бляшекъ, каждая бляшка устроена изъ двухъ пластинокъ, и будучи спаяна по краямъ при помощи ленты или полосы, остается внутри полою. Бляшки сцѣпляются между собою помощью подвижныхъ шарнировъ, но въ двухъ мѣстахъ онѣ соединяются посредствомъ золотыхъ цѣпочекъ, укрѣпленныхъ за маленькое сережное колечко. Очевидно, эти два мѣста сцѣпленія приходятся на обоихъ плечахъ, такъ какъ именно здѣсь цѣпь изъ бляшекъ перегибается, и не будь этихъ цѣпочекъ — бляшки лежали бы здѣсь горбомъ, подымая всю остальную цѣпь.

Въ Московской Руси, при вѣнчаніи, было въ обычаѣ возлагать на царя цѣпь *послѣ Херувимской пѣсни*, и у насъ давно сопоставляли этотъ обычай съ возложеніемъ въ алтарѣ на греческаго императора, съ наступленіемъ херувимской пѣсни, священной фелони. Но фелонь явно замѣнила въ поздней Византіи *оплечье* или *маніакій*, а шитое оплечье, въ свою очередь, заступило мѣсто древняго металлическаго *маніака*, или гривны (torques), которую варварскія дружины возлагали на своего «императора», иногда даже въ циркѣ, подымая его надъ войсками, на щитѣ. Самое любопытное соотвѣтствіе церковной пѣсни и древняго народнаго акта выражено было именно воинскими эмблемами—гривною, цѣпью, оплечьемъ и фелонью или пенулою, т. е. колоколообразною одеждою съ капюшономъ. И потому, и русскій, и западный обрядъ ведутъ свое начало отъ той-же Византіи.

Церемоніальныя или почетныя шейныя цѣпи древней Руси ведутъ свое начало отъ тѣхъ ожерелій, которыя были нѣкогда неизмѣннымъ уборомъ воинственнаго варвара и составлялись не изъ бусъ или зеренъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, какъ ожерелья женскія, но изъ разнообразныхъ по величинѣ и формѣ бляхъ, медальоновъ, подвѣсокъ и талисмановъ. Въ большинствѣ случаевъ такого рода бляшки и подвѣски носились на матерчатомъ шнурѣ, который безслѣдно истлѣваетъ въ могилѣ, вслѣдствіе чего часто является вопросомъ, какимъ образомъ устраивались иные уборы и предметы украшенія. Очевидно также, что подобнаго рода украшенія часто могли имѣть временный характеръ, т. е. надѣваться въ опредѣленныхъ случаяхъ, тогда какъ другія, какъ, напр., кресты у христіанъ и талисманы у мусульманъ, на металлическихъ цѣпочкахъ, носились постоянно. Цѣпи, браслеты и ожерелья были обычными подарками варварамъ отъ византійскаго правительства въ V — VI вѣкахъ. Длинныя гремящія цѣпи были, вообще, главнымъ украшеніемъ варварскихъ костюмовъ, вырабатывавшихся въ періодѣ отъ III по V столѣтіе послѣ Р. Х. и перенимавшихся пестрымъ составомъ византійскихъ армій. Многія цѣпи и цѣпочки были только деталью общихъ аттрибутовъ одежды — фибулъ, аграфовъ, діадемъ, портупей, поясовъ и пр., но отъ нихъ слѣдуетъ отличать цѣпи, ставшія рано принадлежностью воинскихъ костюмовъ; эти цѣпи или, вѣрнѣе, шнуры, составлялись прежде изъ раковинъ, кружковъ, зубовъ вепря, шариковъ горнаго хрусталя, наконецъ, изъ монетъ, а со времени знакомства варваровъ съ греко-романскимъ міромъ, украшались такого-же рода варварски-причудливыми наборами, но уже изъ дорогихъ металловъ.

Русскія серьги древнѣйшаго періода сводятся къ немногимъ основнымъ типамъ, но, по крайнему разнообразію варіантовъ, по богатству, художественному достоинству и общему историческому интересу орнаментаціи, отъ грубоварварской до высшей и утонченной, отъ простого проволочнаго кольца до рос-

197. Изъ с. Воздвиженскаго, Ставропольской губ., на р. Манычѣ.

писи тончайшими перегородчатыми эмалями, представляютъ, конечно, интереснѣйшій образецъ народнаго украшенія изъ всѣхъ европейскихъ древностей. Наша эмалевая серьга въ формѣ колодочки или колта не имѣетъ себѣ ничего равнаго въ народныхъ украшеніяхъ средневѣковой Европы и можетъ быть сопоставлена только съ народными греческими уборами: необыкновенно простая и изящная форма этой серьги, цѣлесообразность и красота эмалевыхъ рисунковъ, ее покрывающихъ, внутреннее содержаніе самыхъ изображеній,—все дѣлаетъ изъ предмета варварской роскоши замѣчательный памятникъ искусства. Не даромъ этотъ уборъ происходитъ изъ среды греко-восточнаго искусства, сохранявшаго долгое время свою жизнь въ восточномъ углу Средиземнаго моря.

Большинство серегъ, по своей величинѣ и тяжести, не могли быть носимы въ ухѣ: толстая дужка ихъ не назначалась для продѣванія въ мочку уха, и была снабжаема на концѣ колечкомъ для закрѣпленія въ шарнирѣ. Большинство ушныхъ подвѣсокъ въ курганныхъ древностяхъ находятъ или возлѣ головы или на головахъ покойниковъ, продѣтыми въ остатки кожи отъ головныхъ покрывалъ, мѣховыхъ шапочекъ и пр.; встрѣчаются онѣ также продѣтыми въ ткани, или въ волосы, почему и можно иныя серьги называть старымъ русскимъ терминомъ *заушницъ*, иныя же *наушницами*, такъ какъ онѣ должны были прикрывать собою уши, свѣшиваясь съ кики, или же, наконецъ, *височными кольцами*, которыя нацѣплялись на ухо, такъ что дужка огибала ушную раковину (подобно нѣкоторымъ серьгамъ Кавказа и Индіи).

Такъ наз. височныя кольца представляютъ тонкое, гладкое кольцо, согнутое иногда спиралью, изъ проволоки, обыкновенно бронзовой, въ поперечникѣ отъ 5 до 10 сантим.; оно прицѣплялось на ухѣ или чаще надъ ухомъ. Въ могильникѣ Корчевскаго у., Тверской губ., у с. Заборья, кольца встрѣчались по три разомъ, иногда даже съ обычною серьгою о трехъ бусахъ. Въ могильникѣ Рузскаго уѣзда, Московской губ., кольца были большія и на нихъ были надѣты куски серебра. Обыкновенно височное кольцо расплющивается въ трехъ-пяти мѣстахъ, и такіе ромбическіе щитки, украшенные наколомъ, представляютъ подобія бусъ, мѣсто которыхъ они заступаютъ, въ такой плоской формѣ, которая позволяетъ прижимать головной покровъ на вискахъ. Такія кольца находятъ во множествѣ въ Прибалтійскомъ краѣ, Петербургской, Новгородской (с. Косицкое), Тверской, Ярославской, Калужской и Смоленской губерніяхъ (см. рис. 42 и 43). Конечный ромбикъ прикрываетъ острый конецъ кольца, продѣвавшагося въ ткань; но такъ какъ найдена пара колецъ, соединенныхъ цѣпочкою изъ пяти звеньевъ, то можно думать, что эта пара носилась по обѣ стороны уха. Въ кольцо, найденное въ Мосальскомъ у., Калужской губ., продѣты двѣ серьги о 7 лопастяхъ, висѣвшія, стало быть, тоже по обѣ стороны уха.

Прототипъ височнаго кольца найденъ въ Венгріи и придунайскихъ древностяхъ, гдѣ встрѣчаются большія ушныя кольца съ ромбическимъ щиткомъ по срединѣ, который, приходясь противъ ушной раковины, очевидно, составляетъ лицевую сторону серьги: этотъ ромбикъ происходитъ отъ варварской утрировки позднеримскихъ серегъ съ накладною лицевою бляшкою. Любопытно сравнить съ височными кольцами, настойчиво украшаемыми или бусою, или подвѣскою, или даже серьгою, индійскія ушныя кольца, охватывающія ухо, всегда также снабженныя серьгою, подвѣшенною на нихъ внизу, подъ ухомъ.

Серьги въ видѣ проволочнаго колечка съ насаженными металлическими бусами (рис. 198) составляютъ обычную форму: онѣ носились въ Южной Россіи — издревле, въ Средней — не ранѣе второй половины XI вѣка, въ Восточной — еще позднѣе. Источники типа могутъ быть пока указаны въ Херсонесѣ, въ могильникахъ Кавказа, древностяхъ Венгріи, но даже среди древностей мавританской Испаніи можно встрѣтить серьгу съ тремя бусами, которую мы можемъ сблизить съ кіевскимъ типомъ: въ Мадридскомъ музеѣ сохраняются серьги Изабеллы Католической о трехъ бусахъ; только, здѣсь двѣ боковыя бусы боченочкомъ, и потому отличаются отъ кіевской серьги, на которой бусы всегда круглыя и одинаковыя. Восточныя серьги имѣютъ бусы гладкія — каточкомъ или бубенчиками, а кіевскія — или ажурныя, или украшены сканью. Металлическія бусы заступили мѣсто жемчужинъ, затѣмъ стеклянныхъ бусъ; употребленіе стеклянныхъ бусъ было прервано незадолго до Арабовъ. Бусы укрѣпляются на мѣстѣ помощью скани, навитой на золотую или серебряную проволоку. Золотыя серьги

198. Серьга изъ В. Болгаръ.

найдены въ значительномъ количествѣ въ кладахъ, но также и въ городищѣ Княжья Гора, Черкасскаго у., Кіевской губ. Серебряныя найдены во множествѣ въ кладахъ. Рисунокъ сканей и прорѣзныхъ бусинъ весьма разнообразенъ, но сводится къ основному типу, подражающему въ металлѣ гнѣздамъ драгоцѣнныхъ камней, или саженому жемчугу, или ячейкамъ, но безъ зерни; украшенія крохотными напаянными зернами и бисеринками въ серебряныхъ серьгахъ не встрѣчаются. Серебряныя серьги изъ курганныхъ древностей встрѣчены въ мерянскихъ могильникахъ, въ Тверской, Ярославской и др. губерніяхъ.

Оригинальный типъ серегъ представляютъ серьги, которыя можно называть и считать *половецкими* (рис. 197): толстый серебряный или золотой (съ сильнымъ алльяжемъ и съ цвѣтомъ бѣлаго золота) прутъ или дротъ согнутъ въ широкое кольцо, а иногда это даже тонкая листовая трубочка, полая внутри, или съ желѣзнымъ дротомъ, покрытымъ золотомъ; кольцо не сомкнуто, и на нижней части его насажена большая бусина, покрытая острыми колпачками, коническими рогами, отъ восьми и болѣе, съ бисеринками на верху и веревочкою вокругъ основанія; буса дутая, гладкая, боченкомъ, и только по концамъ укрѣплена на дротѣ сканью. Серьга носилась или надъ ухомъ, вдѣтою въ кику, или въ косѣ внизу подъ ушами, или закладывалась за уши. По своей тяжести, это также характерное украшеніе женщины кочеваго племени. Прототипъ этихъ серегъ находимъ въ Херсонесѣ, гдѣ среди находокъ уже встрѣчена пара серебряныхъ золоченыхъ серегъ, изъ дрота, съ одною бусою, украшенною конусами, но тамъ эти конусы ясно воспроизводятъ форму жемчужины, сидящей въ гнѣздѣ, въ ячейкѣ, и укрѣпленной продѣтымъ насквозь шпенькомъ съ насаженнымъ бисеромъ сверху. Таково собственно простое основаніе неуклюже громоздкой и тяжелой серьги, кажущейся на первый взглядъ совсѣмъ непонятною со своими коническими колпачками. Между крупными серебряными серьгами изъ Черновицъ и Звенигрода въ Австріи, а также изъ Старчова (въ Вѣнскомъ Истор. Музеѣ, залъ 14, витр. 2), кромѣ обыкновеннаго кольца съ бусою, находимъ также бусу съ колпачками и парою мелкихъ бусъ по сторонамъ большой.

Половецкія серьги, судя по находкамъ, относятся къ XII—XIII стол. и найдены доселѣ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: Подольской губерніи, Ямпольскомъ уѣздѣ, въ Кіевѣ, Черкасахъ, ст. Юзовѣ, Бахмачскаго у., Роднѣ, с. Павловкѣ, Аккерманскаго у., и Ставропольской губ. въ с. Воздвиженьѣ, на р. Манычѣ.

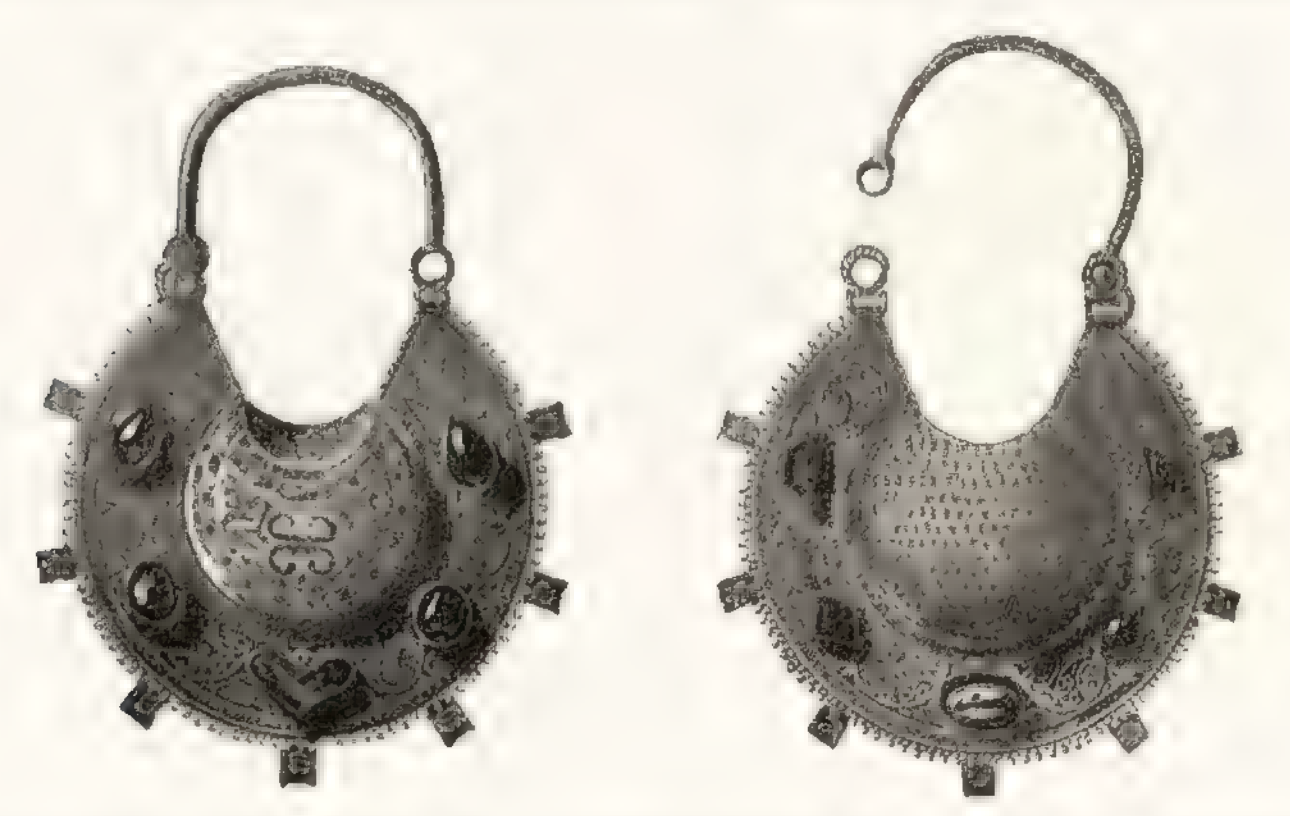
Замѣчательную разновидность представляютъ серьги Вятско-Пермскаго края и западныхъ губерній (Волынской, Калишской и др.), съ одною большою бусиною, богато украшенною скаными орнаментами и снабженною подвѣсками. Изъ Вятской губ. извѣстна уже пара прекрасныхъ золотыхъ серегъ въ собраніи Первухина, съ подвѣсными бубенцами; еще лучше золотая серьга изъ Билярска и Спасска, Казанской губ., съ подвѣшенными бусинами къ средней бусѣ: но внутри кольца, на этотъ разъ особенно большого, помѣщена сканная фигура птички (см. рис. 124). Птица на серьгѣ, какъ-бы поющая возлѣ уха, встрѣчается и въ античныхъ древностяхъ, въ могильникахъ Кавказа, на русско-византійскихъ серьгахъ, на сережныхъ лунницахъ изъ коптскихъ могилъ, изъ Тарса, Сиріи, Венгріи, Пермскихъ древностей и пр.

Типъ серьги западныхъ губерній представляется всего лучше Волынскимъ кладомъ 1884 г. (Имп. Эрмитажъ): нижняя треть большого проволочнаго кольца этихъ серегъ, густо покрытая сканью и зернью, представляетъ подобіе большой жемчужины въ богатой оправѣ, какъ-бы подвижной, качающейся на коромыслѣ.

Особый типъ составляютъ серьги съ бусою, насаженною на отогнутый внизъ конецъ кольца, находимыя въ обиліи въ могильникахъ сѣвернаго Кавказа болѣе старой эпохи (ср. рис. 45). Именно этого рода простѣйшую серьгу имѣлъ въ ухѣ Святославъ, по словамъ Льва Діакона, когда явился на свиданіе съ І. Цимисхіемъ. Въ В. Болгарахъ найдена такая золотая серьга, безъ отвалившейся отъ нея жемчужины; серебряныя серьги этого рода находятъ въ Петербургской, Московской, Рязанской губ.; бусы бываютъ каменныя, стеклянныя, горнаго хрусталя; есть и металлическія имитаціи такихъ бусъ; золотыя серьги этого рода, VI—VII вѣка, найдены въ Чми, на Кавказѣ.

Убогое подражаніе отдаленнымъ золотымъ образцамъ представляютъ разомкнутыя бронзовыя кольца съ многограннымъ наглавникомъ на концѣ, въ Минскихъ находкахъ и въ Уфимской губ.; иногда конецъ бываетъ просто расплющенъ въ видѣ полумѣсяца, но часто эта форма переходитъ въ типъ обычной лунницы; украшеніемъ служатъ разныя подвѣски, какъ напр. на серьгахъ Смоленской губ., Муромскаго у., Касимовскаго и др.

Въ одномъ пока образцѣ пары золотыхъ серегъ, найденныхъ въ Новороссіи, воспроизведена древняя форма лунницы, обращенной рогами серпа вверхъ и

199. Золотая эмальированная пара серегъ византійской работы въ собраніи И. П. Балашова.

украшенной прорѣзнымъ рисункомъ двухъ птицъ по сторонамъ пальметки или сосуда, но эта историческая форма участвовала, какъ увидимъ, въ образованіи эмалевыхъ подвѣсныхъ колтовъ; извѣстно грубое подражаніе этой формѣ въ одной серьгѣ изъ В. Болгаръ.

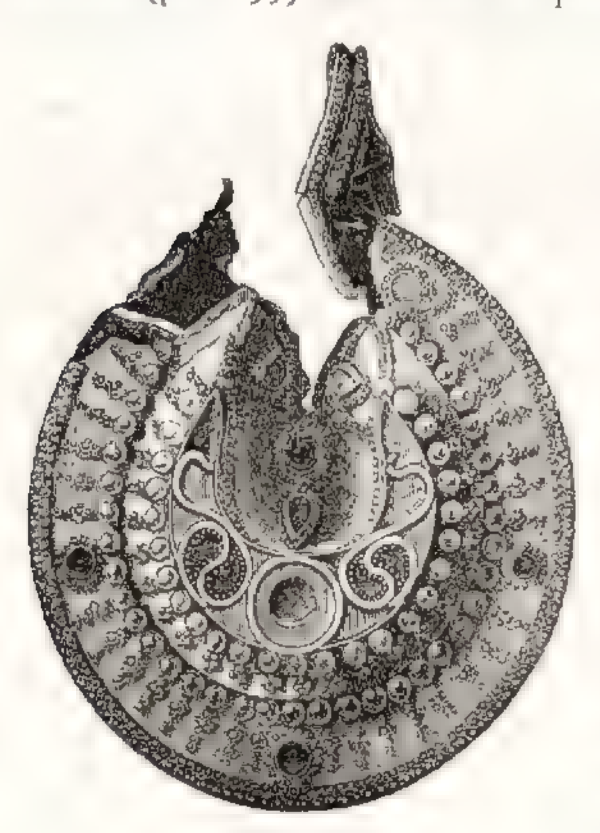
Характерный типъ русскихъ золотыхъ серегъ имѣетъ видъ колодочекъ съ эмалевыми украшеніями и фигурными изображеніями, употреблявшихся почти исключительно на югѣ въ періодъ XI—XIII вѣковъ, но затѣмъ вызвавшихъ подражанія въ серебрѣ въ южной и сѣверной Россіи въ XIII—XV вѣкахъ.

Серьги-колодочки составляются изъ двухъ выпуклыхъ, спаянныхъ и украшенныхъ эмалями щитковъ; широкая кайма на мѣстѣ спайки снабжалась скобочками, черезъ которыя продѣвалась проволока съ жемчужною нитью; подъ верхнею дужкою всегда дѣлается въ обоихъ щиткахъ желобчатая выемка, а въ ней узкая щель, имѣющая очертаніе чечевицы, позволяющая вкладывать внутрь что-либо мягкое, напр. кусокъ хлопка; щель всегда была открытая и никогда надъ нею не было крышки, ни въ золотыхъ оригиналахъ, ни въ серебряныхъ подражаніяхъ; внутрь серегъ запихивался кусокъ хлопка, напитаннаго душистымъ масломъ, и такъ какъ серьга не продѣвалась въ ухо, но носилась около уха, у волосъ, то постоянно передавала имъ запахъ духовъ.

200. Серьга изъ клада Лѣскова.

Нагляднымъ доказательствомъ такого назначенія серегъ колодочкою является ихъ византійскій варіантъ изъ собранія И. П. Балашова въ С.-Петербургѣ, пріобрѣтенный имъ въ Константинополѣ (рис. 199). Византійскій оригиналъ происходитъ отъ образцовъ культурныхъ, а русскій—отъ варварскихъ. Средина византійскихъ серегъ представляетъ собою мѣшочекъ, похожій на выдолбленную жемчужину въ оправѣ изъ золотого ободка. Съ лицевой стороны колодочка имѣетъ щитокъ, съ эмальированными орнаментами, причемъ щитокъ имѣетъ видъ лунницы. Съ оборотной стороны видимъ прорѣзную рѣшеточку изъ плетенія филигранью, съ золотымъ зерномъ въ каждой петелькѣ. Именно эта рѣшеточка, прикрывающая душистый хлопокъ, и назначена была для того, чтобы духи испарялись въ волосахъ, передавая имъ свой ароматъ.

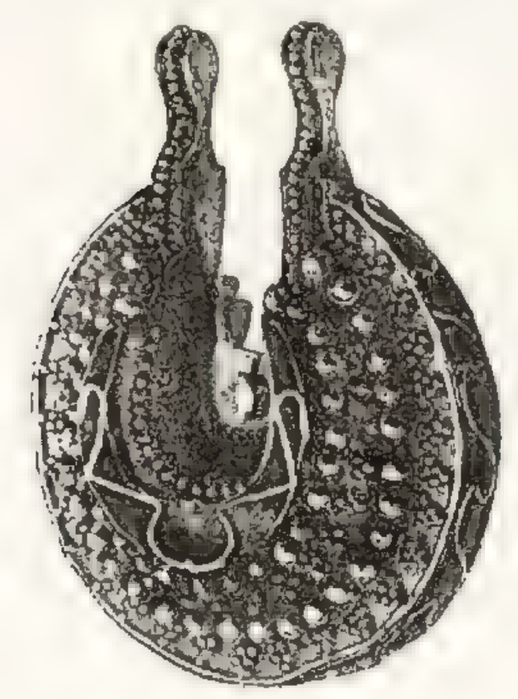
201. Серьга изъ Анапы.

Общій прототипъ такихъ серегъ принадлежитъ Сиріи и представляетъ серьгу въ видѣ калачика, съ утолщенною нижнею частью: эта форма натуральна въ издѣліяхъ изъ стекла, если не прямо отъ нихъ получила свое существованіе, но разъ напавъ на эту столь простую форму, мастера всячески стали разнообразить ее. Серьга приняла видъ полулунія, или лунницы, виннаго мѣха, мѣшочка, съ разными имитированными способами закупориванія его отверстій по концамъ.

Русскій типъ происходитъ не отъ античнаго (=византійскаго) образца, но уже отъ восточно-варварскаго его варіанта: прежде мы имѣли одну та-

кую восточную пару серегъ изъ Кайбалы, а въ послѣдніе годы найдено еще нѣсколько паръ.

Пара подвѣсокъ крупнаго размѣра изъ бѣловатаго золота, происходящая изъ колоніи Михаэльсфельдъ (рис. 201), близь Анапы, Кубанской области, должна быть названа на первомъ мѣстѣ, потому что она всѣхъ ближе къ древнему типу. Впрочемъ, и здѣсь мы не находимъ въ формѣ подвѣски ея назначенія служить мѣшечкомъ для душистаго клочка хлопчатой бумаги: на это назначеніе указываетъ, но его уже явно не выполняетъ средняя выемка, или углубленный лоточекъ, украшенный, какъ будто застежною пуговкою, гнѣздомъ для драгоцѣннаго камня.

202. Серьга изъ Симбирской губерніи.

Большая (рис. 202) серьга — колтъ, изъ Симбирской губ., представляетъ дружку извѣстной серьги изъ Кабайлы по типу и деталямъ. Ея оригинальный видъ нѣкогда усложнялся жемчужинами, сидѣвшими внутри поддужной выемки, какъ видно изъ дырочки, чрезъ которую пропущенъ былъ шпенекъ; довольно небрежно припаянная зернь, въ видѣ жемчужныхъ пронизокъ и бисерныхъ треугольничковъ, придаетъ ей характеръ погребальнаго убора, исполненнаго спѣшно, для случая.

Примѣромъ позднѣйшаго типа серебряныхъ колтовъ можетъ служить также пара серегъ изъ Курской губ.: здѣсь грубое, условное изображеніе наколомъ животнаго едва отдѣляется отъ фона, заполненнаго чернью; рисунокъ не понятъ, особенно хвостъ, завернутый вокругъ ноги звѣря. Несравненно выше по исполненію пара колтовъ изъ окрестностей Смѣлы, въ собраніи графа А. А. Бобринскаго и другая находка въ Курскомъ кладѣ.

Въ Румянцовскомъ Музеѣ, въ собраніи графа Румянцова, есть три бронзовыя пластинки, съ оборота плоскія, а съ лицевой стороны выпуклыя, съ вырѣзаннымъ на нихъ изображеніемъ звѣря и птицы; рисунокъ выполненъ посредствомъ углубленія фона, и видно, что эти пластинки должны были служить формою для чеканки или отливки серебряныхъ кружковъ, составлявшихъ лицевую часть колта. Однако, пока колтовъ съ такимъ именно рисункомъ не найдено.

Серебряная серьга, найденная въ Болгарахъ (Оруж. Палата, № 3547), представляетъ грубое подражаніе древнему (VI—VII в.) типу колта, еще уцѣлѣвшему до X—XII стол. на Волгѣ. Наконецъ, сюда-же примыкаетъ типъ плоскихъ сережекъ, имѣющихъ видъ калачика, изъ расплющенной серебряной проволоки, находимыхъ во множествѣ въ приволжскихъ могильникахъ.

Рядомъ разнообразныхъ варіацій, которыя даже прослѣдить пока невозможно, сережная подвѣска достигла и того типа, который принято нынѣ называть «Московскою серьгою» въ курганныхъ древностяхъ (см. рис. 134, 181 и др.). Это — серьга, въ видѣ лунницы, или плоскаго щитка, имѣющаго общую форму.

подвѣсной лунницы съ рогами, обращенными вверхъ и превращающимися въ плоскую дужку; но самая лунница развиваетъ по окружности рядъ плоскихъ лопастей, числомъ до семи, которыя, видимо, заступаютъ мѣсто подвѣсныхъ петаловъ, колокольцовъ или даже тѣхъ жемчужинъ, подобія которыхъ на коротких шпенькахъ встрѣчаются на колтѣ. Наибольшее число этихъ серегъ найдено въ Московскихъ могильникахъ, напр. у с. Боброва, Звенигородскаго у., въ самомъ Московскомъ Кремлѣ при постройкѣ Большого Дворца, но также и въ мерянскихъ мѣстностяхъ, въ Ярославской губ., Углицкомъ у., у дер. Василёвой, Мосальскаго уѣзда, Калужской губ., въ Смоленской губ., близъ Юхнова, и у г. Бѣлева, Тульской губ. Судя по инымъ находкамъ, эти украшенія носились на головѣ продѣтыми въ кожаныя части матерчатыхъ головныхъ уборовъ, и такія серьги небольшого размѣра носились по нѣскольку разомъ.

Если мы взглянемъ на орнаментацію простѣйшаго, собственно «московскаго» типа серьги, взявъ за образецъ экземпляръ изъ с. Боброва, Звенигородскаго у. (рис. 110), то увидимъ, что это тотъ-же щитокъ колта, имѣющій форму лунницы, съ дужкою, у которой даже, по традиціи, воспроизведенъ (только сбоку) замочный шарниръ въ видѣ колечка; зубчики и декоративный бордюръ, исполнявшійся прежде сканью, представляетъ теперь насѣчку; семь лепестковъ въ сущности замѣняютъ крупныя жемчужины, саженыя на спняхъ вокругъ щитка, но походятъ скорѣе на матерчатыя кисти, которымъ, очевидно, подражалъ мастеръ. Вмѣсто семи лопастей другая пара серегъ изъ с. Богдановки представляетъ только пять, а въ г. Бѣлевѣ найдено тринадцать серегъ съ тремя лопастями; верхъ у нихъ состоитъ изъ ряда прорѣзныхъ колечекъ, которыя такъ очевидно соотвѣтствуютъ чешуйчатымъ имбрикаціямъ золотого колта, византійской работы X—XI вѣка въ собраніи И. П. Балашова въ Петербургѣ (рис. 199), что могутъ служить указаніемъ принадлежности «московскаго» типа къ XII вѣку или второй половинѣ XI вѣка. Лунница здѣсь съузилась до узенькаго полулунія, обозначеннаго насѣченнымъ бордюромъ; но любопытно, что орнаментація каймы сохранилась въ видѣ ряда прорѣзныхъ колечекъ. Разница сравнительно съ исходнымъ типомъ заключается лишь въ орнаментальномъ придаткѣ подъ дужкою двухъ кониковъ или какихъ-либо другихъ двухъ звѣрей.

Подобныя серьги, отлитыя изъ бронзы или металлическаго бѣлаго сплава, всегда малаго размѣра, толще, и болѣе подходятъ уже не къ золотымъ колтамъ, а къ маленькимъ золотымъ серьгамъ-лунницамъ сирійскаго типа: таковы сережки изъ Мосальскаго у., Калужской губ., или Бѣльскаго у., Смоленской губ. Часто серьга принимаетъ почти звѣздчатую форму, какъ напр. въ мерянскихъ могилахъ, въ Зарайскомъ у., Рязанской губ. и др.

Перстни встрѣчены во многихъ кіевскихъ кладахъ, какъ-то: въ кладѣ Лѣскова перстень со львомъ, въ кладѣ Есикорскаго шесть серебряныхъ перстней съ рѣзными крестиками, одинъ также со львомъ, и одно кольцо съ камнемъ; въ усадьбѣ Гребеновскаго — золотой перстень съ изображеніемъ архангела и пр.; на русскомъ сѣверѣ перстни встрѣчаются *очень рѣдко*, только въ Рязанскомъ кладѣ 1822 года перстень имѣетъ особенную форму. На Востокѣ, въ частности на Волгѣ и Камѣ, въ Великихъ Болгарахъ обильны кольца съ камнями,

кораллами, но отсутствуютъ перстни съ печатками. Рядъ серебряныхъ перстней съ печатками, скорѣе печатей, долженъ былъ появиться въ древней Руси, вмѣстѣ съ грамотностью, торговыми договорами и документами, словомъ съ греческою культурою, и въ Кіевской Руси, конечно, по преимуществу.

203. Перстень изъ Кіевскихъ находокъ.

Большинство перстней представляетъ гладкое кольцо, съ напаянной плоскою печаткою: круглой, квадратной, крестообразной и ромбоидальной формы; внутри щитка исполненъ рѣзьбою крестъ, монограмма, или оставлено поле, чтобы вырѣзать на немъ какое либо изображеніе.

Золотые перстни очень рѣдки въ могильникахъ Россіи. Золотой перстень изъ Черниговскаго уѣзда, села Сѣднева, изъ полоски, образецъ базарныхъ подражаній дорогого перстня: полоска разбита въ видѣ лиліи, ея листья охватываютъ цвѣтокъ. Соотвѣтственно малой грамотности древней Руси, чѣмъ выше на сѣверъ отъ Кіева, тѣмъ чаще находимъ серебряные перстни съ орнаментальными печатками, исполненными уже не рѣзьбою, вглубь, а черныо, на дутыхъ щиткахъ: одинъ перстень Калужской губ. представляетъ птицу, другой — фантастическаго звѣря.

Изъ Болгаръ добыто много перстней изъ бронзы, нерѣдко изъ золота; эти перстни легко узнать по ихъ орнаментаціи или арабскими надписями, или разводами арабскаго характера, но выполненными посредствомъ золотыхъ перегородочекъ, положенныхъ на ребро и припаянныхъ ко дну.

Одною изъ любопытнѣйшихъ формъ древне-русскаго *головного и шейнаго убора* являются *низки* изъ серебряныхъ подвѣсныхъ рясенъ въ формѣ лиліи; эти бляшки нанизываются на шнуръ, раздѣляются серебряными бусами и образуютъ повязку, налагаемую на лобъ. Форма происходитъ отъ византійскихъ вѣнцовъ и повязокъ, набиравшихся изъ лилій или криновъ (см. рис. 168).

Полевая лилія (кринъ — дикая красная лилія, въ отличіе отъ бѣлой, садовой лиліи, носившей у грековъ названіе *лиріонъ)* въ извѣстномъ евангельскомъ текстѣ (Матѳ. VI, 28—9) является образомъ естественной красоты, стоящей выше всякихъ искусственныхъ украшеній: «и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ». Кринъ покрываетъ пустыри, придорожья, руины въ Сиріи и Палестинѣ, наряду съ сорною травою, и цвѣтетъ послѣ періода дождей, разомъ покрывая яркою зеленью и красными пятнами самыя безплодныя мѣста; если только въ нихъ простояла нѣкоторое время влага, онъ развертываетъ быстро два крупныхъ отвислыхъ листа, а затѣмъ двѣ пары листьевъ по сторонамъ краснаго бутона, подымающагося изъ средины. Согласно съ этимъ, кринъ въ искусствѣ началъ играть роль на древнемъ востокѣ, и въ римскую эпоху въ памятникахъ восточнаго происхожденія, почти исключительно при пластическомъ изображеніи поля, пустыря, тогда какъ бѣлая лилія являлась, напримѣръ, эмблемою чистой Аѳины и получила весьма важное значеніе въ христіанскомъ западномъ искусствѣ позднѣйшаго времени по своимъ отношеніямъ символическаго характера къ Благовѣщенію и Дѣвѣ Маріи. Кринъ господствуетъ въ грековосточномъ искусствѣ и становится вмѣстѣ съ его формами достояніемъ варвар-

скихъ уборовъ. Такъ, въ Люцинѣ мы встрѣчаемъ кринъ въ поясномъ уборѣ; изъ той-же схемы составлены подвѣски народныхъ уборовъ востока.

Въ русскихъ кладахъ мы встрѣчаемъ кринъ: въ орнаментаціи крестовъ и крестиковъ, въ украшеніяхъ эмалевыхъ бляшекъ, и наконецъ въ видѣ ряда низокъ изъ позолоченаго серебра, составлявшихъ ожерелье или украшеніе головнаго убора (рис. 168) и найденныхъ въ Кіевѣ.

Но важнѣйшее для насъ употребленіе крина представляется вѣнцами, головными повязками, которыя легли въ основу всякаго рода *вѣнечныхъ* украшеній, верхнихъ фризовъ, уборовъ на вѣнцахъ русскихъ иконъ и пр.

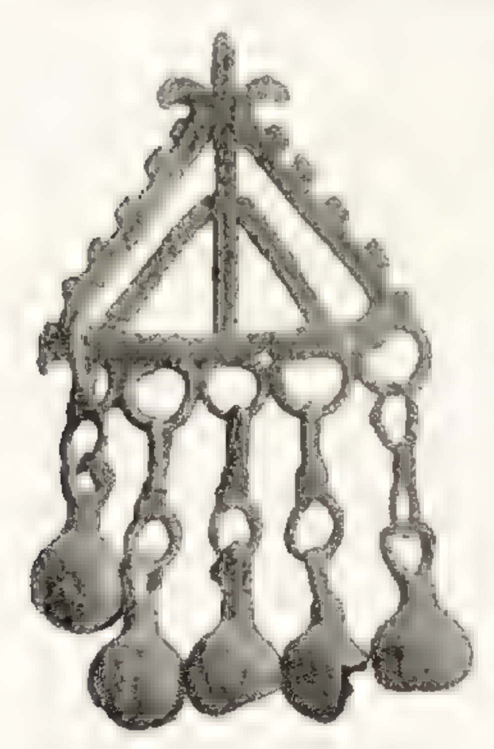

204. Фибула изъ южнаго Приладожья.

Фибула или застежка, прикрѣпляемая при помощи иглы, пропущенной въ ткань одежды, обыкновенно верхней, далеко не играетъ той роли въ русскихъ древностяхъ, какую съ древнѣйшихъ временъ эта вещь имѣла на германо-римскомъ западѣ. Причину этого слѣдуетъ искать, прежде всего, въ характерѣ восточныхъ верхнихъ одеждъ, кафтановъ, шубъ, опашней изъ тяжелыхъ, толстыхъ, непроницаемыхъ для иглы матерій, а затѣмъ въ установившемся обычаѣ. Фибулъ не было вовсе на древнемъ Востокѣ, до Грековъ; ихъ вовсе не найдено въ Микенахъ, въ восточной половинѣ Европейской Россіи, а гдѣ фибула встрѣчается, въ остальной половинѣ, тамъ она постоянно носитъ опредѣленный характеръ вещи чужой, заносной, по которой можно заключать о существованіи сношеній съ Западомъ. На Западѣ фибула постоянно сопровождаетъ всѣ находки и послѣдовательно мѣняетъ свои формы, типы, даже моды, такъ что служитъ, наравнѣ съ монетами, главнымъ указателемъ эпохи, торговыхъ сношеній, народныхъ передвиженій; появленіе нѣсколькихъ экземпляровъ римской провинціальной или готской фибулы среди вещей, относящихся иногда къ гораздо позднѣйшему времени, въ древностяхъ Россіи не имѣетъ вовсе такого значенія. Не даромъ русскій языкъ не имѣлъ для фибулы никакого собственнаго названія.

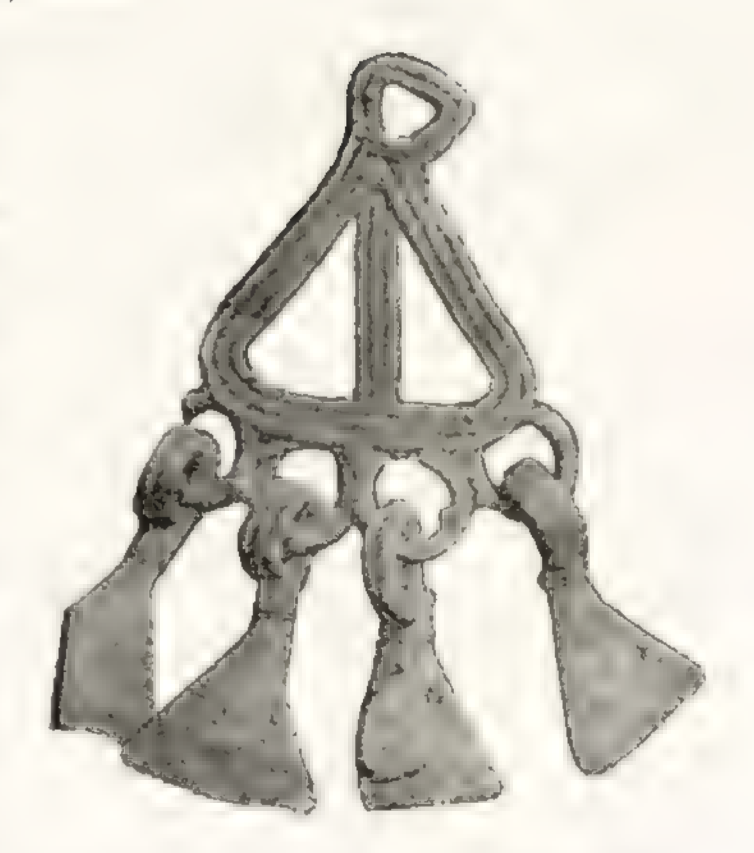
Фибулою застегивалась на плечѣ верхняя одежда и притомъ изъ сравнительно тонкой матеріи, льняной или шерстяной, преимущественно длинная мантія, накидка, или короткій плащъ, но въ средней Россіи иногда находятъ фибулы у пояса; фибула чаще оказывается схороненной при мужскомъ прахѣ, чѣмъ при женскомъ; далѣе, вмѣстѣ съ плащемъ, она является принадлежностью воинскаго сословія и поэтому у Римлянъ была военной наградою, по нашему—знакомъ отличія, орденомъ (dona militaria) для солдатъ. Фибулы надо отличать отъ брошей (буллъ), круглыхъ щитковъ или колечекъ, служившихъ застежками и для того снабженныхъ сзади иглою, и отъ пряжекъ, всегда прикрѣпляемыхъ къ ремню, тесьмѣ, борту одежды и снабженныхъ язычкомъ. Но съ теченіемъ времени и, главное, съ переходомъ украшеній отъ высшихъ классовъ къ нисшимъ, фибулы превращаются въ подвѣски, которыя, въ отличіе отъ обыкновенныхъ, не прикрѣпляются къ ожерелью или поясу, но тою-же иглою укрѣпляются въ ткани одежды, приблизительно на томъ-же мѣстѣ, напр. у плеча, на груди, у шеи, или даже на бокахъ, но явно не съ цѣлью укрѣпить или соединить борты одежды, а только для того, чтобы служить декоративнымъ подобіемъ обыкновенной фибулы. Такова значительная часть тяжелыхъ, массивныхъ подвѣсокъ съ длинными цѣпями, перенятыхъ финскими племенами и сохраненныхъ могильниками сѣверозападной и сѣверовосточной Россіи.

Въ могильникахъ средней Россіи уже не встрѣчается совсѣмъ древнѣйшихъ типовъ фибулъ: иглы съ лучкомъ на верху, фибулы въ видѣ лодочки (Kahnfibel), змѣи, двухъ спиралей (Brillenfibel, à spires, à lunettes) или закручивающихся усиковъ растенія; не встрѣчается также многихъ формъ фибулы эпохи переселенія народовъ: якорной фибулы, колѣнчатой, въ видѣ лука, налучія, съ шарниромъ, въ видѣ свастики и проч. Но одинъ изъ древнѣйшихъ типовъ фибулы, въ видѣ подвѣсной лунницы, съ висящими отъ нея цѣпочками (Halbmondfibel), извѣстной въ могильникѣ Галльштадта, сохранился въ подвѣскахъ Тамбовскихъ могильниковъ, отдѣленныхъ отъ него періодомъ болѣе, чѣмъ въ тысячу лѣтъ, и на двухъ предѣлахъ Запада и Востока. Въ древнѣйшихъ могильникахъ встрѣчаются: фибула «римская провинціальная»—крестообразной формы, съ наглавниками на верху и на крыжѣ, варварскія фибулы въ видѣ самострѣла, фибулы съ пластинчатою головкою и хвостомъ (такъ наз. меровингскаго типа) и въ формѣ диска или щитка (Scheibenfibel и Fussscheibenfibel). Провинціальная фибула найдена въ Остерскомъ у., Черниговской губ., готская или меровингская—въ Курманскомъ могильникѣ Рязанской губ.; подобіе римской провинціальной фибулы встрѣчено въ одномъ экземплярѣ въ с. Максимовкѣ, Муромскаго уѣзда; это немногіе экземпляры, пришедшіе съ юга. Несомнѣнно сѣвернаго, въ частности скандинавскаго типа большія брон-

205. Изъ Городища, у Переяславскаго озера.

зовыя фибулы въ видѣ овальной чашки, внутри которой укрѣплена игла, тогда какъ выпуклая поверхность составляетъ лицевую сторону фибулы и украшается чеканнымъ орнаментомъ и рѣзьбою такъ наз. романскаго стиля, изъ плетеній, оживленныхъ звѣриными и человѣческими формами. Эти фибулы многочисленны въ Прибалтійскомъ краѣ, Финляндіи, на Западной Двинѣ, откуда онѣ заходятъ въ Гнѣздовскій могильникъ Смоленской губ., черезъ Ладогу; по Волгѣ эти фибулы достигаютъ, но также въ немногихъ отрывочныхъ экземплярахъ, какъ своего рода рѣдкость, мерянскихъ могильниковъ и встрѣчены въ Василькахъ, Веськовѣ, Бремболѣ. И здѣсь орнаментація чашки представляетъ тонкую, листовую, золоченую крышечку, на которой выбито или, уже послѣ отливки, вырѣзано плетеніе; стало быть, и здѣсь главною задачею было сдѣлать подобіе золотаго листоваго украшенія, со вставленными жемчужинами, принявшими уже видъ пуговокъ; впрочемъ, исторія этой орнаментаціи весьма сложная. Отъ чашечныхъ фибулъ, особенно парныхъ, укрѣплявшихся у плечъ, шли внизъ цѣпи, и потому описанныя въ Гнѣздовскомъ кладѣ круглыя подвѣски изъ серебра съ цѣпями также относятся къ фибуламъ, вѣрнѣе, брошамъ: византійскія чудныя броши изъ золота X вѣка, съ жемчугомъ, найдены были у Майнца; любопытно, что именно эти круглыя фибулы украшены животными (обыкновенно козлами, баранами, также лошадьми), стоящими у фонтана или яслей (древняго типа), и можно думать, что эти фибулы, встрѣченныя на сѣверѣ, заимствованы изъ древняго наряда возницъ и конныхъ отрядовъ.

206. Изъ Тверской губ., Корчевскаго уѣзда.

207. Изъ Мурома.

Самый обыкновенный типъ застежки является въ видѣ кольца съ иглою — форма, всегда и вездѣ существовавшая, коль скоро не было въ модѣ другой, болѣе оригинальной; но по тому, какъ концы этого кольца, по необходимости всегда разомкнутаго, отогнуты въ сторону, или расплющены и скру-

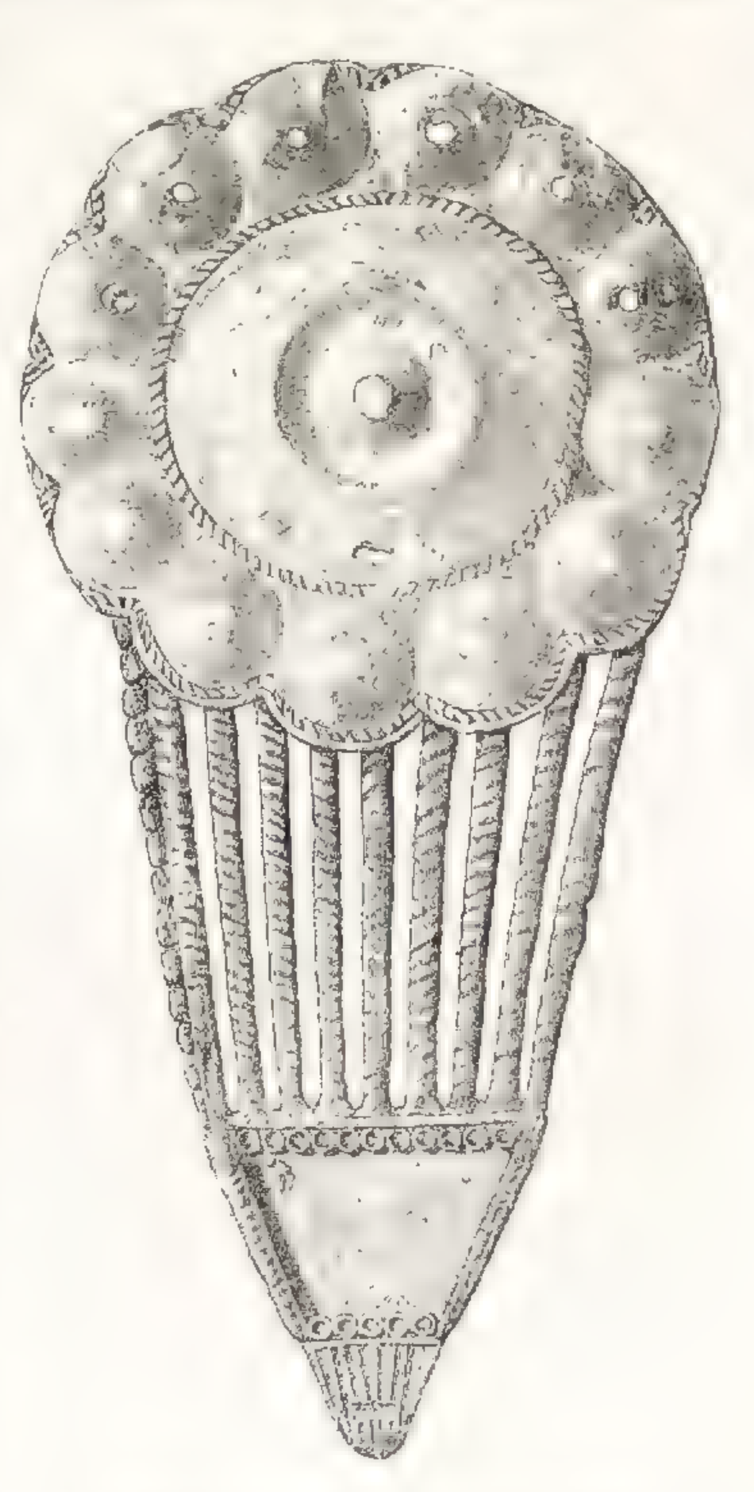
чены въ видѣ трубки или пары трубочекъ, для закрѣпленія иглы, различаются могильники разныхъ мѣстностей запада и сѣвера. Самый кружокъ или кольцо подражаетъ шейной гривнѣ, бываетъ граненымъ съ наколами, или витымъ изъ дротовъ, въ видѣ жгута, или насѣченъ, на подобіе скани; такія застежки часто бываютъ изъ серебра и встрѣчаются въ западныхъ губерніяхъ, Тверской, Ярославской и др. Въ Скандинавіи, въ могилахъ викинговъ, найдено было нѣсколько фибулъ этого типа, устроенныхъ изъ обыкновеннаго серебрянаго шейнаго обруча или гривны, причемъ поперекъ обруча прикрѣплялась серебряная длинная игла: очевидно, обручъ былъ военною добычею, а положенъ, какъ застежка, уже для покойника, въ качествѣ особенно пышнаго украшенія. Особо любопытный типъ представляютъ бронзовыя фибулы съ эмалевыми гнѣздами по концамъ, найденныя въ Люцинѣ, въ Эстляндіи и (на поясѣ) въ могильникѣ Углицкаго уѣзда, Ярославской губ.; имъ подражаютъ иныя пряжки Дьяковскаго городища Московскаго у.; одна большая фибула съ красною и бирюзовою эмалью найдена въ Муромскомъ уѣздѣ.

208. Имп. Θеодосій на дискѣ 394 года.

Переходя къ тѣмъ видоизмѣненіямъ фибулъ, которыя составляютъ собственно подвѣсныя украшенія, находимъ на первомъ мѣстѣ замѣчательный остатокъ древней плечевой фибулы въ видѣ треугольника: а именно въ Мосальскомъ уѣздѣ, Калужской губ., Тверской губ., у Мерянъ въ Городищѣ и въ Муромѣ встрѣчаются бронзовыя подвѣски изъ тяжелой проволоки, образующія вверху родъ треугольника (иногда двойного), изъ плетеныхъ жгутиковъ, съ крючкомъ или даже подобіемъ конскихъ головокъ (см. рис. 205 — 207), а внизу, на цѣпочкахъ, бубенчики и поталы. Кто могъ бы подумать, что родоначальникомъ этихъ грубыхъ подвѣсокъ была изящная фибула (см. рис. 208), въ видѣ круглой броши съ гнѣздомъ внутри, жемчужною обнизью на мѣстѣ тычинокъ и лепестками цвѣточной чашечки, отъ которой затѣмъ протянуты какъ-бы треугольникомъ (тоже двойнымъ, но линіи идутъ въ обратномъ порядкѣ) сканные жгутики или палочки, а къ нимъ уже прицѣплены жемчужины или камни снизу; такая фибула представлена очень точно на плащѣ Θеодосія Великаго, изображеннаго на знаменитомъ современномъ ему блюдѣ, найденномъ въ Испаніи и нынѣ хранимомъ въ Мадридѣ; о такихъ

фибулахъ говорили въ свое время поэты панегиристы (Кориппъ въ *панегирикѣ* Юстину Мл., кн. II, 118), и онѣ составляли долгое время инсигнію императоровъ, тѣсно связанную съ ихъ полководческою мантіею. Треугольная форма этого украшенія произошла отъ необходимости помощью золотыхъ плетеныхъ палочекъ фибулы, пришивавшихся, вѣроятно, къ нижней или лѣвой полѣ плаща, расправить его складки, причемъ форма треугольника была для этого единственно пригодною и давала красивыя складки, о чемъ въ то время опять стали заботиться, какъ заботились у Персовъ и Грековъ во времена до персидскихъ войнъ; къ верхней или правой полѣ плаща прикрѣплялась розетка или круглая брошь и обѣ части смыкались затѣмъ на плечѣ. Въ Византійской Имперіи такими плащами и фибулами завѣдывалъ особый чинъ, хранившій ихъ въ спеціальномъ ларцѣ, а знаменитость и высокое значеніе этого украшенія было причиною, что его стали давать потомъ, какъ орденъ, и наконецъ онъ распространился до предѣловъ финнскихъ. Отсюда-же происходитъ и другая весьма обычная форма нагрудныхъ цѣпей, укрѣплявшаяся на одномъ или обоихъ плечахъ помощью треугольной ажурной бляшки (см. рис. древностей Люцинскаго могильника и Муромскихъ находокъ). Ближайшею копіею являются плечевыя (повидимому) фибулы изъ Пьяноборскаго могильника Вятскаго края (рис. 209).

209. Изъ Пьяноборскаго могильника, Вятской губ.

Обычныя круглыя подвѣски съ застежкою часто встрѣчаются въ могильникахъ приволжскихъ, Ярославской, Владимірской, Тамбовской губ. и вообще восточныхъ частей средней Россіи: круглое кольцо съ иглою окаймлено широкимъ плетеннымъ бордюромъ изъ проволочныхъ, спаянныхъ между собою плетеній; по низу идетъ рядъ цѣпочекъ съ шумящими лапками, бубенцами, поталами: это — тоже бывшіе плечевые аграфы патриціевъ Рима и Византіи. Плетенія представляютъ рядами уложенные жгуты, зигзаги, рѣже подобія конскихъ головокъ наверху: число подвѣсныхъ колечекъ — семь, девять, десять; въ Курманскомъ могильникѣ подобная подвѣска найдена была на поясѣ; особыми, глухими петлями всѣ десять подвѣсныхъ бубенцовъ или

колокольцовъ размѣщены такъ, что висятъ отдѣльно, не закрывая другъ друга. Любопытны и мерянскія подвѣски, хотя грубыхъ формъ (рис. 210—212).

Оригинальное украшеніе груди въ видѣ плоскаго, чаще серебрянаго, круглаго щитка изъ листоваго серебра или бронзы, съ подвижной на шарнирѣ вырѣзанной крышечкою, у которой плоскій язычекъ назначенъ для укрѣпленія этой

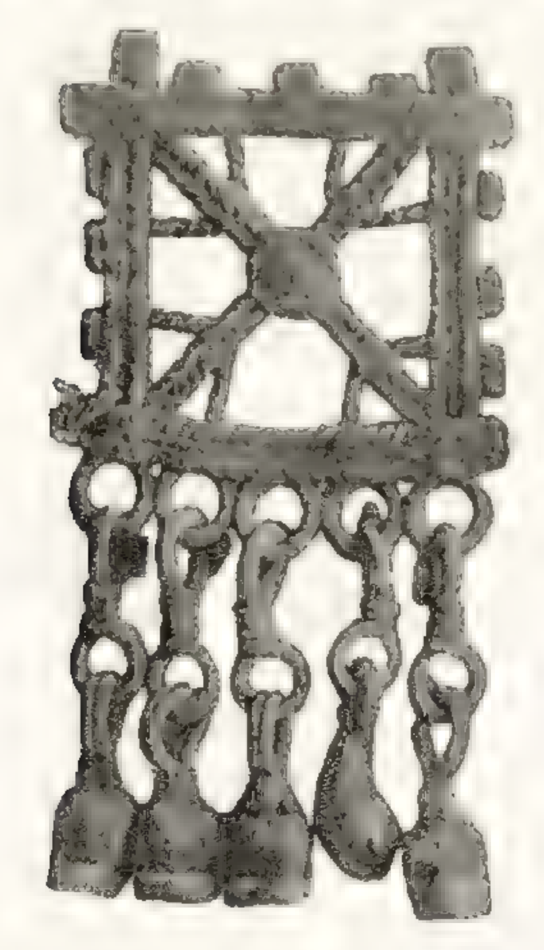
210. Изъ мерянскихъ могилъ Городища, у Переславскаго озера.

подвѣсной фибулы на тонкой матеріи покрывала или фаты, находимъ въ восточныхъ могильникахъ: Тамбовской губерніи, Касимовскаго уѣзда, Рязанской губерніи и въ Муромѣ.

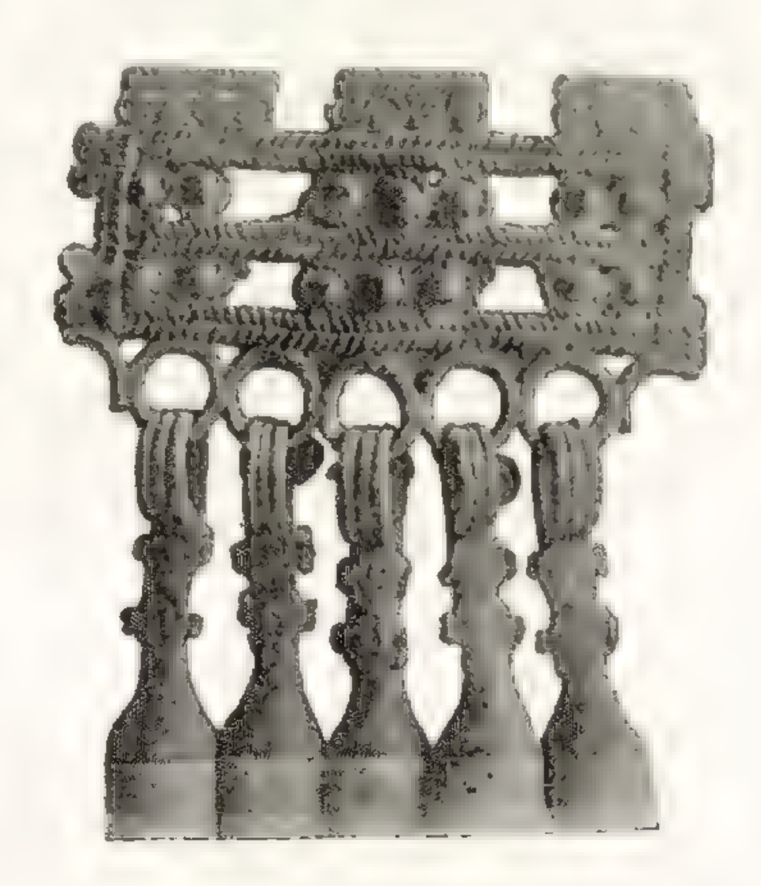
Простѣйшій видъ пряжки состоитъ изъ проволочнаго колечка, съ расплющенными концами и иглою поперекъ кольца; иногда колечко это дѣлается изъ листоваго серебра, а концы его образуютъ двѣ поперечныя трубочки, для прочности завернутыя на деревянныя втулки, причемъ на плоскость кольца припаяна игла; эти пряжки встрѣчаются въ Нижегородской и Владимірской губерніяхъ. У другого вида, носящаго современное названіе сюльгамовъ, пряжки имѣютъ концы, разбитые на два треугольныхъ листика,—форма пряжки, обыкновенно изъ листоваго серебра, употребляемой тоже для восточнаго покрывала; она встрѣчается исключительно въ восточныхъ губерніяхъ и въ позднѣйшихъ могильникахъ Муранки Симбирской губерніи.

Особымъ видомъ подвѣсныхъ украшеній являются *наплечныя цѣпи,* всегда парныя, т. е. укрѣпленныя на обоихъ плечахъ (тогда какъ въ Германіи цѣнныя подвѣски бываютъ одиночными) при помощи особыхъ бляшекъ, какъ-бы фибулъ,

съ иглами и ушками, или пришиваемыхъ къ одеждѣ; они состоятъ изъ ряда цѣпочекъ, тонкихъ, декоративныхъ, ничего не поддерживающихъ, кромѣ развѣ поталовъ и промежуточныхъ бляшекъ, удерживающихъ этотъ рядъ цѣпочекъ въ порядкѣ. На цѣпи, найденной въ Венденѣ, Лифляндской губерніи, были бубен-

211. Мерянская подвѣска изъ Шелебева.

212. Изъ Кабанскаго.

чики и птицы, на другой изъ Поневѣжскаго уѣзда, Ковенской губерніи, лунница; на цѣпи, укрѣпленной на плечахъ треугольными фибулами, изъ Рѣжицъ, Витебской губерніи, подвѣшенъ былъ гребень. Въ мерянскихъ древностяхъ, и вообще въ финнскихъ, напр. Вотскихъ и пр., эти цѣпи прикрѣплялись къ чашечнымъ фибуламъ; въ Муромѣ — къ двумъ треугольнымъ ажурнымъ бляшкамъ.

Обычнымъ шейнымъ украшеніемъ, какъ мужскимъ, такъ и женскимъ, въ русскомъ быту великокняжескаго періода, до XIV вѣка включительно, служила *гривна* — шейный обручъ изъ золота, серебра, бронзы и даже желѣза: извѣстно, что это украшеніе существовало на русской почвѣ издревле. Гривна, въ видѣ свитаго изъ двухъ или трехъ дротовъ шейнаго обруча, была принадлежностью воинскаго чина въ Персіи, и съ этимъ характеромъ, уже во времена Кира, перешла къ многочисленнымъ племенамъ Средней Азіи, Сибири и Южной Россіи. Золотыя гривны, нерѣдко изящной работы, отличали, повидимому, предводителей воинскихъ отрядовъ у скиѳскихъ кочевниковъ, а въ Византіи долгое время было въ обычаѣ возлагать, при подыманіи на щитѣ новаго императора, на него гривну, тутъ-же снятую съ какого-

213. Изъ Ворогова.

либо воина, и привѣтствовать въ лицѣ этого императора своего «Кесаря». Витой обручъ былъ одно время почти отличительнымъ знакомъ стратига, но затѣмъ спустился до значенія почетнаго солдатскаго знака и былъ особенно употребителенъ въ числѣ римскихъ dona militaria. Очевидно, римскіе и византійскіе императоры должны были рано начать раздачу этого знака варварамъ, но скиѳскія и славянскія племена въ предѣлахъ Россіи приняли гривну не этимъ путемъ, а черезъ восточную торговлю изъ Персіи и Средней Азіи; отъ древнихъ Персовъ гривна перешла къ различнымъ ихъ преемникамъ, напр. Парѳянамъ, и мы находимъ гривну какъ на шеѣ царя Дарія въ извѣстной римской мозаикѣ, такъ и на сассанидскомъ царѣ, изображенномъ на саркофагѣ изъ Афросіаба (Самарканда). Любопытно, что именно здѣсь, на Востокѣ начинается и убранство гривны нацѣпляемыми на нее кольцами, бусами, амулетами: въ 1868 г. въ глыбѣ, отмытой прибоемъ отъ берега, въ Сухумѣ найденъ былъ золотой обручъ съ навѣшенными на него бляшками — брактеатами; варвары-тѣлохранители византійскихъ царей получали въ V—VI вѣкахъ почетныя гривны съ драгоцѣнными камнями въ гнѣздѣ, замыкавшемъ концы обруча.

Еще бо́льшее распространеніе гривна получила, благодаря тому, что это была издревле принятая форма для денежнаго знака, т. е. металлическаго слитка съ опредѣленнымъ вѣсомъ: на персеполитанскихъ барельефахъ скиѳскіе народы несутъ царю Персовъ дань въ видѣ металлическихъ обручей, въ Индіи *нишка* = ожерелье = монета, древенѣмецкое Baugar, boge, boca означало и гривну, и деньги. У насъ были гривенные слитки, по тексту житія Антонія Римлянина: «ліяша слитки, ово въ гривну, ово въ полтину, ово въ рубль». Самое слово «гривна» происходитъ отъ санскритскаго корня «грив», имѣющаго значеніе шеи и сохранившагося у насъ въ словахъ «грива, загривокъ», а также въ польскомъ и чешскомъ языкѣ. Около IX вѣка, передъ общимъ употребленіемъ монеты, денежные знаки размножились до-нельзя, благодаря условно принятой вездѣ цѣнности серебра: все брали на вѣсъ, даже самую монету, и, конечно, это было обстоятельство, значительно облегчавшее начавшіяся тогда торговыя сношенія между европейскими государствами и Востокомъ; за это время не рѣдкость находить счетъ капитала въ унціяхъ ломанаго серебра, чашахъ извѣстнаго вѣса, обручахъ (torques = гривна) вѣсомъ 3 унціи, и читать, что для облегченія вѣса, блюда, чаши, утварь сплавляли въ кольца, большія и малыя, которыя теперь попали въ музеи подъ именемъ гривенъ, браслетовъ и спиралей. Гривна получила опредѣленный вѣсъ, что видно по множеству ея образцовъ изъ находокъ Вятской, Пермской и Витебской губерній, вѣсящихъ обыкновенно отъ 36 до 38 зол., т. е. половину византійскаго фунта въ 72 зол., или около 48 золотниковъ, т. е. половину новгородскаго фунта, а такъ какъ въ періодъ IX—XII вѣковъ алтайское золото уходило, повидимому, все на югъ, уральское же серебро шло на западъ, въ зависимости отъ торговыхъ путей, а уральскія золотыя розсыпи могли оставаться неизвѣстными, то «гривна серебра» была главнымъ денежнымъ знакомъ Серебро вмѣсто золота въ украшеніяхъ стало столь обычнымъ, что выраженіе «емлюче серебро изъ ушью и съ шіи, сливаюче же серебро даяхуть Владиміру» ясно говоритъ о полномъ отсутствіи золота, и если лѣтопись подъ 1209 годомъ

упоминаетъ, что Кіевляне «не кладаху на своя жены златыхъ обручей, но хожаху жены ихъ въ серебрѣ», то дѣлалось это, конечно, не ради простоты нравовъ.

Обиліе бронзовыхъ издѣлій въ эту эпоху зависѣло отъ того, что бронза въ неокисленномъ видѣ подражала золоту, и этого не надо забывать при разсмотрѣніи русскихъ древностей, какъ и въ древностяхъ Кавказа (вып. III, стр. 113): эмали кирпичнокраснаго и бирюзоваго цвѣта въ бронзовыхъ вещахъ ясно указываютъ на подражаніе готоскимъ гранатамъ и бирюзовымъ сибирскимъ накладкамъ. Такъ, въ Трубчевскомъ у., Орловской губ., найдена была *золотая* шейная гривна, согнутая изъ гладкаго дрота такимъ образомъ, что на концѣ онъ сложенъ вдвое и образуетъ петли: и такія-же гривны *изъ бронзы* найдены въ Дьяковскомъ городищѣ Московской губ. и Курмановскомъ могильникѣ. Бронзовая гривна Петербургской губ. въ видѣ широкой пластины, густо позолоченная, близка къ античной гривнѣ изъ Тамани (*Русскія Древности*, вып. I, рис. 81).

Простѣйшій типъ гривны въ видѣ гладкаго или четырехграннаго кольца встрѣчается обыкновенно въ бронзѣ и желѣзѣ, съ подвѣсками, напр. изъ Гнѣздова и Курманова; несравненно чаще гривны дѣлаются витыми изъ двухъ, трехъ дротовъ или даже позднѣе плетеными. Концы соединяются по разнымъ способамъ, коими различаются мѣстности: или одинъ конецъ плющится, въ немъ сверлятъ отверстіе, а другой конецъ образуетъ крючекъ (Дьяково Городище Московской губ.); или же оба конца плющатся пластинками, украшенными наколомъ (с. Чернева Московскаго у.), и тогда концы заходятъ другъ за друга и ихъ скрѣпляютъ зажимками. Скрѣпы плоскихъ концовъ иногда прикрываются выпуклыми бляхами, замѣнившими, въ бронзовыхъ подражаніяхъ, гнѣздо съ камнемъ золотыхъ гривенъ (с. Троицкаго Московскаго у.); такія бляхи квадратной формы также встрѣчаются отдѣльными экземплярами (Рузскаго у., Московской губ., Весьегонскаго у., Тверской губ.). Въ тамбовскихъ и муромскихъ могильникахъ гривны снабжены колокольцами, въ Люцинскомъ—треугольными бляшками, въ Курмановскомъ—концы гривны прикрыты круглою коробочкою, подобно тому подвижному шатону, который видимъ на гривнахъ тѣлохранителей Юстиніана въ мозаикахъ Равенны. Въ Муромѣ вздѣты на гривну спирали, въ Касимовскомъ уѣздѣ—раковины.

Большинство бронзовыхъ гривенъ обыкновенно повторяетъ типы серебряныхъ гривенъ, находимыхъ чаще не у праха покойниковъ, но въ кладахъ, въ значеніи денежныхъ капиталовъ; отъ Вятки и Перми—особенно обильны находки при выпахиваніи, до самой Вислы, гдѣ также выпахиваютъ гривны десятками разомъ. Иногда свитой обручъ украшается еще по спиралямъ сканью, которая замѣняетъ жемчужную обнизь, украшавшую золотыя гривны. Красивыя наглавники, какъ въ Гнѣздовскомъ могильникѣ, очень рѣдки; чаще украшается средина обруча по гранямъ наколами или же нарубками. Гривна Курской губ., скрученная изъ узкой серебряной пластинки, составляетъ исключеніе. Весьма любопытна гривна, изъ золоченаго серебра, со сканью, попавшаяся въ развалинахъ церкви XV вѣка въ Старой Ладогѣ, и, судя по гвоздикамъ, нѣкогда подвѣшенная къ иконѣ.

Серебряныя *бусы ожерелій* столько-же разнообразны въ формахъ, какъ и бусы серегъ, аграфовъ; различны также ихъ размѣры, отъ крупныхъ бусъ Вла-

димірскаго клада, сплошь покрытыхъ тонкою сканью и продолговатыхъ, до крохотныхъ круглыхъ кіевскихъ бусъ. Большія исполнены, очевидно, въ подражаніе золотымъ, образцикъ которыхъ находимъ въ Рязанскомъ кладѣ 1822 года (рис. 148): посреди бусы идетъ желобчатый поясокъ, по которому въ золотыхъ шла жемчужная обнизь, и вдоль бусы, вокругъ ея обходитъ другой; поля въ промежуткахъ заполнены сканью, зернью. Выпуклыми подобіями саженыхъ жемчужинъ украшены бусы на серьгѣ изъ Ярославскаго клада и изъ Лихвинскаго у., Калужской губ. Наборъ мелкихъ бусъ найденъ въ мерянскихъ могильникахъ, поштучно: здѣсь есть и бусы со сканью и зернью, и совершенно гладкія съ Востока, вѣроятно изъ В. Болгаръ, также и городчатыя, съ поясками и безъ нихъ, со спиралями и зернами. Особую группу образуютъ ажурныя бусины въ видѣ пупырчатаго боченочка или съ напайкою сплошной серебряной зерни; особенное обиліе такихъ бусъ принадлежитъ Бѣлоруссіи, Минской и Витебской губ.

Бусы изъ бронзы, отлитыя въ формѣ боченочка съ ячейками и завитками, грубо подражаютъ отдаленному золотому образцу: извѣстны преимущественно изъ сѣверныхъ губерній; въ Ярославской губ. бусы встрѣчаются изъ низкопробнаго серебра. Рѣже бронзовыя бусы, орнаментированныя розетками, а между тѣмъ въ Болгарахъ и въ Звенигородскомъ у., Московской губ., найдены каменныя формы для отливки подобныхъ бусъ.

Въ могильникахъ Тамбовской губ. по преимуществу встрѣчаются ожерелья изъ бронзовыхъ пронизей въ видѣ продолговатыхъ трубочекъ, обмотанныхъ сканью, и плоскихъ подвѣсокъ, прицѣпляемыхъ къ кольцамъ подъ этими трубочками; муромскія подвѣски также снабжены бубенцами, поталами и пр.

Наиболѣе общимъ типомъ ожерелья является низка стеклянныхъ и каменныхъ бусъ, бывшая обычнымъ украшеніемъ и въ древности, и въ эпоху Великаго переселенія; могильники Кавказа доставляютъ почти тѣ-же формы, что и могильники Средней Россіи за періодъ IX—XII стол., съ тою лишь разницею, что на Кавказѣ среди круглыхъ, овальныхъ бусъ мы встрѣчаемъ также пронизки въ видѣ фигурокъ и эмблемъ сиро-египетскаго типа (двѣ фигурки Озириса изъ пасты найдены на Уралѣ, одинъ амулетъ въ мерянской могилѣ), но около IX вѣка выдѣлка такихъ амулетовъ, весьма распространенныхъ въ IV—VI вѣкахъ, уже прекратилась. Однако, такъ какъ Сирія попрежнему продолжала поставлять стекло и стекляныя украшенія на всю, по крайней мѣрѣ, восточную Европу, то и основные типы бусъ оставались прежними. Насколько важный торгъ этимъ дешевымъ, но всюду шедшимъ товаромъ, вели Арабы, извѣстно изъ свидѣтельства Ибнъ-Фодлана, хотя выраженіе его текста о *зеленыхъ* бусахъ, особенно дорого цѣнившихся, еще подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ такихъ именно бусъ почти вовсе не найдено; можетъ быть, переводъ арабскаго термина словомъ «зеленый» не točенъ. Наиболѣе любопытны бусы изъ прозрачнаго стекла (не цвѣтной пасты), съ золотымъ или серебрянымъ листикомъ, также залитымъ въ стеклѣ: извѣстно, что уже около X столѣтія золотые стеклянные кубики, употреблявшіеся въ византійскихъ мозаикахъ, дѣлаются на красной пастѣ или смальтѣ кирпично-краснаго цвѣта и непрозрачной, тогда какъ древняя мозаика пользуется кубиками изъ прозрачнаго, слегка желтоватаго стекла. Въ нашихъ

бусахъ удержался древній типъ и сохраненъ, поэтому, свѣтлый цвѣтъ золота, тогда какъ позднѣе предпочитается такъ наз. червонное золото.

Обычный типъ *подвѣсокъ*, носимыхъ на ожерельяхъ, или просто на шнуркѣ на груди, составляютъ круглыя штампованныя бляшки, очевидно, заступившія мѣсто монетъ, медалей, брактеатовъ, почему ожерелье и звалось монистомъ; въ средней Россіи вовсе не встрѣчено собственныхъ брактеатовъ, т. е. медалей и ихъ имитацій въ особой оправѣ для ношенія на груди, но встрѣчаются въ этой роли монеты: арабскія, рѣже византійскія и западныя; въ Невельскомъ у., Витебской губ., найдена каменная форма для отливки имитацій, но безъ оправы.

214. Бляшки изъ Мерянскихъ могилъ.

Повидимому, основной источникъ обычая заключался въ почетныхъ медальонахъ, носившихся въ эпоху Римской имперіи; отъ этихъ медальоновъ идетъ привычка носить медали и монеты, а также орнаментальныя бляшки, и потому на нихъ можно смотрѣть лишь какъ на декоративную форму, а не какъ на амулеты. Различные сканные разводы, разнообразная орнаментація бляшекъ, хитрыя плетенія на ихъ поверхности, маски, звѣриныя фигуры, орлы, все это должно было прежде всего напоминать декоративныя цѣпи изъ медальоновъ на груди вождей, старшинъ, почетныхъ иноземцевъ и гостей. Особаго вниманія, съ этой точки зрѣнія, заслуживаетъ бляшка изъ «мерянскихъ» древностей съ условнымъ изображеніемъ орла, искусно выложеннымъ сканью и зернью (рис. 100): такія бляшки найдены въ Борисовскомъ у., Минской губ., у с. Сѣднева, Черниговскаго уѣзда. На парѣ бляхъ изъ кургановъ у с. Посадъ, Корчевскаго у., Тверской губ., и пяти бляхахъ съ р. Жиздры изъ Калужской губ. грубо выбитъ чеканомъ идущій левъ. Но обыкновенные рисунки серебряныхъ бляшекъ — исключительно декоративнаго содержанія, т. е. рисунокъ ихъ воспроизводитъ розетки разныхъ типовъ, разводы, плетенія и т. д., какъ мы видѣли на Гнѣздовскихъ бляшкахъ. Одна бляшка изъ Пюхтицкихъ могилъ по Балтійской жел. дорогѣ украшена подобіемъ византійской монограммы съ лилейными концами. Гораздо проще многочисленныя литыя бляшки, бронзовыя и низкопробнаго серебра, подражающія сканнымъ разводамъ, но часто представляющія грубо, въ общихъ чертахъ, птицу, звѣря; изъ нихъ лучше другихъ нѣсколько бляшекъ съ звѣриными сплетеніями изъ мерянскихъ могилъ, одна бляшка изъ Сѣднева Черниговской губ. Литыя бляшки часто бываютъ ажурными, даже просто въ видѣ колечка изъ плетеной проволоки, но и въ этой простѣйшей формѣ вмѣщается иногда фигура скорчившагося звѣря. Особый отдѣлъ составляютъ

215. Бляшка оттуда-же.

216. Тоже.

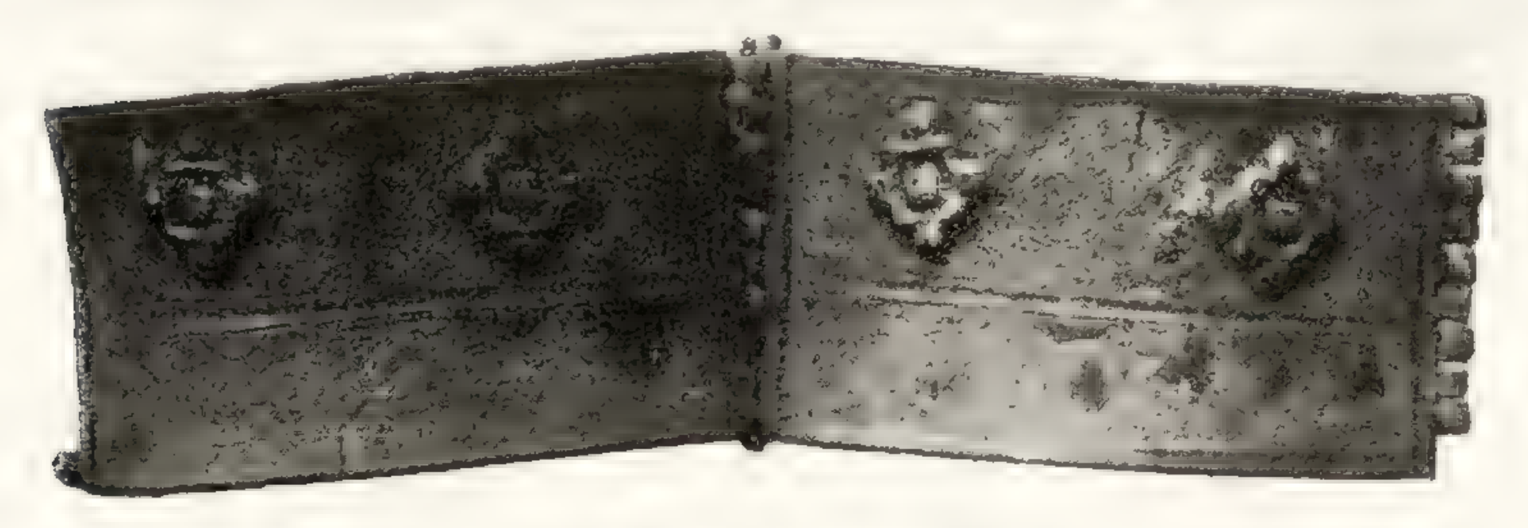

217. Тоже.

подвѣски въ родѣ тигровыхъ зубовъ и ихъ подобій въ мерянскихъ могилахъ и др. (рис. 213).

Для центральной подвѣски на ожерельи въ русскихъ древностяхъ великокняжескаго періода излюбленною формою является *лунница,* или форма опущеннаго внизъ рогами луннаго серпа (см. рис. 56—58, 64, 135 и др.). Эта форма восходитъ въ своемъ происхожденіи къ классической древности, которая, въ свою очередь, приняла ее отъ древняго Востока; извѣстно, что эта форма въ личныхъ и конскихъ уборахъ играла издревле большую роль у всѣхъ кочевыхъ племенъ и народовъ пастушескаго быта. Но лунница рано получила и общее значеніе амулета, и въ могильникахъ Кавказа часто попадаются крохотныя лунницы изъ синяго стекла; можно полагать, что Арабы вновь доставили въ среднюю и южную Россію украшенія этого типа, распространившіяся повсюду. Большія лунницы изъ серебра, составлявшія ожерелье, найдены въ Полтавской губ., въ Гнѣздовѣ, Невельскомъ кладѣ; въ Ярославскомъ кладѣ, поменьше, но орнаментированныя точно также; малая серебряная лунница найдена въ могильникѣ с. Губина Сызранскаго у., бронзовыя въ Муромскомъ у., Богородскомъ у. Московской губ., Верейскомъ и въ мерянскихъ могильникахъ; на конскихъ уборахъ, съ красною эмалью, — въ Кіевской губ. и въ с. Вишенкахъ, Остерскаго у., Черниговской губ.

Тѣльные образки Божіей Матери, Успенія Богородицы, Распятія встрѣчены въ курганахъ Петербургской, Тверской, Московской и Ярославской губерній, но — что замѣчательно — почти не встрѣчаются южнѣе, т. е., повидимому, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ранѣе было принято христіанство, а потому измѣнилось и погребеніе, — обстоятельство, косвенно доказывающее, что указанные образцы составляли лишь декоративную принадлежность языческаго погребенія. Тѣльные крестики изъ различныхъ видовъ камня встрѣчены пока только въ кладахъ; серебряные крестики, орнаментированные филигранью, наколомъ, жемчужными шариками и т. д., и бронзовые, иногда съ эмалью, найденные въ Лифляндіи, Рузскомъ у., Московской губ., Петербургской губ., Муромскомъ у. и пр., или вовсе не имѣютъ никакого отношенія къ христіанскому кресту, или бывали носимы даже и язычниками на монистахъ вмѣстѣ съ другими подвѣсками.

218. Серебряное запястье изъ Кіева.

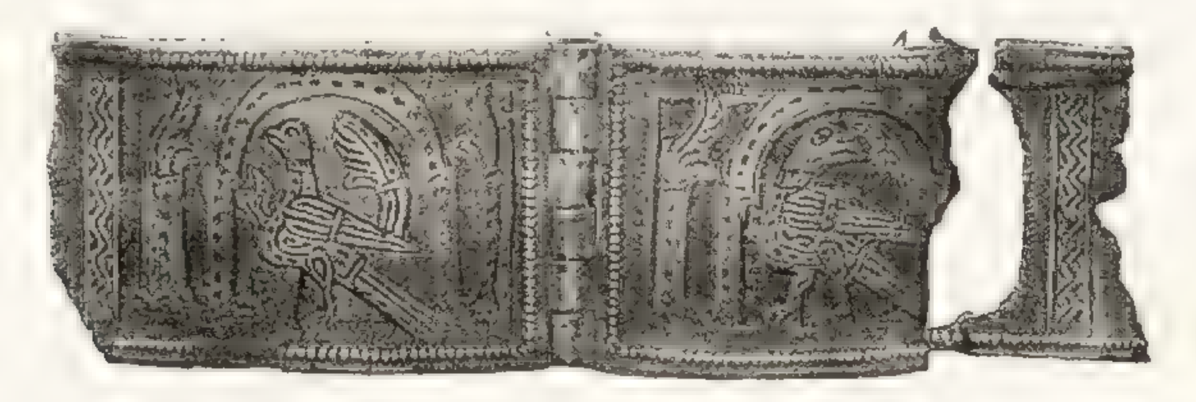
Обычное украшеніе рукъ составляютъ *браслеты* или *запястья;* на сѣверѣ, въ прибалтійскихъ могильникахъ встрѣчается иногда до девяти браслетовъ на одной

рукѣ. Формы браслета весьма разнообразны, ни одна изъ нихъ не возобладала и не развилась, а потому всѣ онѣ мало оригинальны въ средѣ курганныхъ древностей: обыкновенно браслетомъ служитъ сомкнутое проволочное кольцо, или скрученный, свитый шнуръ изъ проволоки или дрота, имѣющаго четыре грани, или же плоская, согнутая полоска. Проволочный браслетъ, вѣроятно, заступилъ мѣсто привознаго стекляннаго, дѣйствительно составлявшаго украшеніе по своей иногда разноцвѣтной смальтѣ и по своей рѣдкости. Свитый шнуръ соотвѣтствуетъ витому шейному обручу, и такъ какъ часто онъ бывалъ изъ серебра, то, не имѣя художественнаго достоинства, сохранялъ значеніе денежнаго знака. Браслетъ изъ граненаго металлическаго дрота представлялъ арабскую временную моду, такъ какъ въ современныхъ издѣліяхъ Аравіи употребительны массивные серебряные браслеты съ четырегранными наглавниками, украшенными точно такъ-же, какъ обручи Гнѣздовскаго могильника; эти браслеты имѣютъ не менѣе 8 сант. въ поперечникѣ и носились уже у плечей, а не какъ запястья. Гораздо рѣже тѣ преемственныя формы браслета, которыя происходятъ отъ античныхъ украшеній изъ золота и серебра, но въ древней Руси уже отливались для народа изъ бронзы: таковы округлые снаружи, литые изъ бронзы браслеты съ ушастою конскою головою на концахъ, грубо переданною, въ Углицкомъ у., Ярославской губ. и въ Люцинскомъ могильникѣ, гдѣ эта голова отличается характернымъ заворотомъ верхней губы, что составляетъ неизмѣнный признакъ этихъ головъ въ древностяхъ Сибири и южной Россіи. Характерный образецъ того-же Люцинскаго могильника представляютъ браслеты изъ бронзы, очень массивные, широкіе въ срединѣ и съуживающіеся къ концамъ, съ глубокими нарѣзками по всему лицевому кольцу: только сравненіе можетъ объяснить намъ эти нарѣзки, которыя, будучи нѣкогда наполняемы красною эмалью, придавали браслету ясную и осмысленную форму вѣнка, притомъ лавроваго, дававшагося въ Византіи уже не поэтамъ, а побѣдителямъ, и потому такіе браслеты имѣли значеніе dona militaria, подарка, точнѣе, орденскаго знака, который носился какъ отличіе, но имѣлъ и опредѣленную цѣнность. Извѣстно, что и другая форма браслетовъ въ видѣ большихъ спиралей, охватывавшихъ руку выше локтя, болѣе древняя, также принадлежала къ разряду воинскихъ почетныхъ знаковъ.

Плоскіе пластинчатые браслеты составляютъ въ русскихъ древностяхъ наиболѣе обычную форму этого украшенія, часто бываютъ серебряные, нерѣдко изъ дурного серебра. Браслеты этого рода изъ приволжскихъ могильниковъ, изъ В. Болгаръ, также изъ Семирѣченской области, еще украшаются преемственнымъ рисункомъ изъ классической древности—львиными головами (*Русскія древности,* вып. II, рис. 141), хотя уже въ персидской передѣлкѣ этого типа.

Особый видъ пластинчатыхъ браслетовъ встрѣчаемъ въ кладахъ преимущественно южнаго происхожденія: это широкіе, изящные двустворчатые браслеты изъ листоваго серебра, съ чеканными и рѣзными рисунками, наведенными чернью, оказавшіеся въ слѣдующихъ кладахъ и находкахъ: Кіевскомъ кладѣ изъ усадьбы Раковскаго, изъ кіевскихъ находокъ 1880-хъ годовъ, въ Черниговскомъ кладѣ, кладѣ Орловской губ. 1853 г. и Териховскомъ -Орловской-же губ., въ кладѣ

Владимірскомъ 1865 г. и находкахъ въ городищѣ м. Романова, Могилевской губ. Эти браслеты, судя по ихъ ширинѣ отъ 4 до 7 сант., очевидно, назначались для того, чтобы охватывать не руку у кисти подъ рукавомъ, но самый рукавъ, и потому, скорѣе всего, должны называться *поручами* или нарукавниками, въ отличіе отъ собственныхъ браслетовъ, какъ и у грековъ были широкіе золотые металлическіе *клавы,* въ отличіе отъ обычныхъ *пселлій.* Что эти поручи происходятъ отъ византійскаго церемоніальнаго убора, о томъ свидѣтельствуютъ самыя ихъ украшенія, ихъ позолота, ихъ исключительная находка въ кладахъ и отсутствіе въ курганныхъ древностяхъ. Насколько точно эти серебряные браслеты имитируютъ византійскій образецъ, можно видѣть изъ устройства створокъ и каемокъ въ видѣ жгутиковъ и широкаго желобка, по которому въ золотыхъ оригиналахъ протягивалась жемчужная обнизь, но который для этого не имѣетъ уже обычныхъ скобочекъ, чтобы удерживать ея шнурокъ. На Орловскомъ экземплярѣ имѣются даже колечки на одной створкѣ, для подвѣсокъ, которыхъ въ дѣйствительности не было. Каждая створка подѣлена на двѣ неравныхъ продольныхъ полосы, причемъ верхняя больше и содержитъ изображенія животныхъ, гравированныхъ во фризѣ, а нижняя уже обыкновенно заполнена орнаментомъ. Затѣмъ фризъ дѣлится мавританскими арочками изъ заплетеной тесьмы, и въ парусахъ между арокъ неизмѣнно — или трилистникъ, или тройной узелъ, или трехчастный бутонъ аканѳа; внутри арочекъ помѣщены стоящія птички, или же драконы и василиски, поднявшіеся на переднія лапы, рѣже сфинксы, львы и грифы; въ нижнемъ отдѣленіи орнаментальныя плетенія, иногда тѣ-же птички и драконы съ хвостами, свившимися въ орнаментальный узелъ. Такимъ образомъ, ясно, что вся общая декорація поручей, устройство ихъ створокъ, фигуры птицъ и эмблематическихъ животныхъ, соотвѣтствуютъ шитымъ нарукавникамъ; съ этимъ согласуется какъ то, что фонъ обыкновенно наведенъ чернью, такъ и самая манера исполненія фигуръ. Изъ птицъ всего чаще изображаются здѣсь орлы, которые, въ соединеніи съ фантастическими звѣрями, составляли главное украшеніе патриціанскихъ (даже деспота и севастократора) одеждъ, перчатокъ, башмаковъ и пр.

219. Браслетъ Могилевской губ., найден. на полѣ Городища близь м. Романова.

Ременные *пояса,* носимые мужчинами и украшавшіеся *наборными бляшками,* бронзовыми, или чаще изъ бѣловатаго сплава, или даже изъ серебра, принадлежали по преимуществу кочевымъ племенамъ южной и юго-восточной Россіи и встрѣчаются постоянно въ могильникахъ приволжскихъ, придонскихъ и

приднѣпровскихъ. На сѣверѣ эта принадлежность убора распространяется уже позднѣе, составляетъ особенность воинскаго, какъ-бы дружиннаго быта. Отсюда понятенъ и восточный, сначала персидскій, позднѣе арабскій стиль рисунковъ, штампованныхъ въ этихъ наборахъ. Бляшки чаще круглыя, или же въ видѣ плющеваго листа, обернутаго въ одномъ направленіи, иногда бываютъ снабжены петельками или колечками для подвѣсокъ, чаще всего для кистей, которыми было принято убирать поясъ. Много бляшекъ найдено въ Гнѣздовскомъ могильникѣ, украшенныхъ растительнымъ орнаментомъ. Бляшка изъ Зарайска, Рязанской губ., представляетъ восточный рисунокъ льва, настигшаго лань; на бляхахъ Терюшева, Нижегородской губ., грубо изображены олени; орнаментація бляшекъ изъ Елецкаго монастыря въ Черниговѣ подражаетъ древностямъ кавказскихъ могильниковъ. Серебряныя бляшки изъ с. Губина, Сызранскаго у., удачно передаютъ фигуру лежащаго оленя. Но главную роль эти наборы играютъ въ могильникахъ Тамбовской губерніи. Рѣже встрѣчаемыя четыреугольныя бляшки, напр. въ Черниговскомъ курганѣ «Черная Могила», принадлежатъ, повидимому, портупеямъ, какъ и въ древностяхъ Германіи и Венгріи.

Одною изъ наиболѣе любопытныхъ принадлежностей древняго убора являются *капторги*, коробочки изъ серебра, рѣже изъ посеребреной бронзы. Одна коробочка происходитъ, какъ мы видѣли (см. рис. 122), изъ В. Болгаръ (г. Спасска, Казанской губ., находки 1863 г.), имѣетъ 0,06 м. длины и 0,05 м. ширины, украшена подобіемъ арабской надписи въ срединѣ и арабскими гаммами по бордюру, наведенными чернью; внутри коробочки должны были заключаться обычные свертки бумаги съ изреченіями Корана; коробочка снабжена шейною цѣпочкою. Другая коробочка найдена въ Гнѣздовскомъ кладѣ и представляетъ трубочку изъ разряда обыкновенныхъ (часто золотыхъ) трубочекъ для вкладыванія внутрь свертка бумаги съ изреченіями или сурами Корана (въ Средней Азіи наз. *тумурханы)*, но здѣсь (см. рис. 53) трубочка представляетъ какъ-бы развернутый свитокъ, съ тремя лентами для крѣпости свитка и второю трубочкою (которая обыкновенно заключаетъ въ себѣ палку, для навертыванія свитка), уже служащею шарниромъ для проволочнаго кольца, укрѣпленнаго въ поясномъ ремнѣ. Затѣмъ, эта верхняя трубочка украшена какъ-бы тремя застежными бычьими головками — весьма любопытная черта перехода древневосточной звѣриной орнаментики въ сѣверную, и, наконецъ, все щедро покрыто зерневыми пирамидками и по низу снабжено множествомъ подвѣсныхъ цѣпокъ съ поталами. Третья арабская коробочка изъ Екатеринославскихъ находокъ — въ собраніи А. П. Поля.

Ибнъ-Фодланъ говоритъ объ этихъ украшеніяхъ, что онъ видѣлъ ихъ у Русовъ, когда они пришли со своими товарами и расположились по рѣкѣ Итиль: «Каждая ихъ женщина имѣетъ на груди прикрѣпленную коробочку изъ желѣза-ли, или мѣди, изъ серебра, либо изъ золота, смотря по состоянію мужа и по его имуществу; въ каждой же коробочкѣ есть кольцо, къ коему прикрѣпленъ ножъ, также на груди». Графъ А. С. Уваровъ приводилъ это указаніе въ доказательство того, что Русы Ибнъ-Фодлана были Финны, и, дѣйствительно, капторги по существу финское и приволжское, ставшее особенно мусульманскимъ, украшеніе. Однако, простое сравненіе коробочки съ восточнымъ талисма-

номъ, имѣющимъ форму трубочки, длиною въ 4—5 сантим., показываетъ, что древній восточный предметъ только приспособился къ мусульманскому талисману, но имѣетъ свое особое происхожденіе. Важнѣе всего для насъ то, что у калмыковъ капторга доселѣ всегда носится у пояса и имѣетъ значеніе металлическаго футляра съ разными мелкими вещами, нужными въ дорогѣ, и деньгами; у насъ въ старину также упоминаются въ описяхъ *пояса съ капторгами.* Въ большинствѣ финнскихъ могильниковъ Востока и Сѣвера, а также и въ Тамбовскихъ, встрѣчаются почти постоянно указанныя нами украшенія въ видѣ ажурной квадратной, или продолговатой четыреугольной, отлитой изъ бронзы бляхи, съ подвѣсными къ ней цѣпочками, на которыхъ висятъ или бубенцы или лапки; по верхнимъ краямъ такихъ бляхъ часто бываютъ отлиты также бронзовыя конскія головки, обращенныя наружу и иногда принимающія форму завитка (рис. 83, 137 и др.). Этого рода украшенія всегда находятъ на груди и ихъ постоянно считали въ числѣ непонятныхъ украшеній. Между тѣмъ, эти вещицы, по своему употребленію, соотвѣтствовали прежнимъ коробочкамъ у поясовъ и представляютъ вполнѣ точное воспроизведеніе матерчатаго, плетенаго и украшеннаго шитьемъ кошеля у пояса. Такого рода кошели высѣчены иногда на груди такъ наз. *каменныхъ бабъ* (въ собраніи Поля, *каталогъ,* табл. 13), и знаменитый Рубруквисъ разсказываетъ о Татарахъ, что они, «бывая въ гостяхъ и получивъ отъ хозяина кусокъ мяса, который не могутъ тутъ-же съѣсть, прячутъ его въ свой *саптаргатъ* или *четыреугольный кошель,* который носятъ на себѣ ради этой цѣли». Вотъ именно такого рода кошель, но имитированный уже какъ украшеніе, притомъ женское, и потому малыхъ размѣровъ, въ бронзѣ, сохраняетъ, по возможности, всѣ детали, по обычному пріему варварскаго искусства, какъ напр. ажурнаго плетенія, то продольными шнурами, то зигзагами, а также *завязокъ* по концамъ; они бываютъ съ металлическими ушками въ видѣ конскихъ головокъ, затѣмъ съ подвѣсной бахромою, переданною здѣсь цѣпочками и пр.

Относительно древности происхожденія самыхъ коробочекъ укажемъ кратко на нагрудныя украшенія Египтянъ въ видѣ храмика, молитвенные тефиллины, носимые на лбу и у сердца у Евреевъ, на кипрскія женскія статуэтки, на филактерій на груди императрицы Феодоры въ равеннской мозаикѣ. Константинъ Порфирородный, въ соч. *Объ управленіи Имперіею,* гл. 25, разсказываетъ объ эмирѣ Хорасана, что онъ, не имѣя знаковъ отличія и въ частности маніакія—оплечья съ украшеніями, сталъ носить на себѣ коранъ въ коробочкѣ; весьма возможно, что Грекъ не понялъ арабскаго обычая, а можетъ быть, и дѣйствительно коробочка была такъ велика, что вызывала подобное предположеніе.

Всякаго рода *подвѣсныя украшенія,* балаболки, побрякушки, цѣпочки, низки, рясны, какъ и самая бахрома, представляютъ восточный родъ уборовъ; ихъ бряцанію, или гармоническому звону, шуршанію, на Востокѣ всегда придавали значеніе силы, прогоняющей злаго духа, а затѣмъ уже, по дальнѣйшему ходу мыслей, самое лицо, носившее эти украшенія въ изобиліи, иногда имѣвшее на нихъ особыя привиллегіи, становилось священною особою; такъ, персидскіе цари, по словамъ арабскаго историка, имѣли исключительное право носить на своихъ коронахъ подвѣски, которыя потомъ стали также особымъ украшеніемъ

царя-василевса въ Византіи. Каждый видъ подвѣсокъ въ русскихъ древностяхъ несомнѣнно, такимъ образомъ, имѣетъ свою исторію и долженъ восходить къ древнимъ образцамъ.

Теперь уже становится понятнымъ, почему подвѣски съ бубенцами и колокольчиками особенно обильны въ могильникахъ юго-восточной Россіи: ближайшая къ нимъ стадія представляется древностями Кавказа. Интересны въ томъ-же отношеніи въ могильникахъ Тамбовской губерніи продолговатыя пластинки съ двумя завитками наверху и рядомъ подвѣсныхъ погремушекъ внизу въ видѣ трубочекъ; доселѣ это украшеніе носится у Туркменъ на спинѣ и называется *тлыкъ*, составляя собственно подвѣску къ дѣвической косѣ. Но затѣмъ

220. Черниговскій змѣевикъ (въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

и во Владимірской губ., и на сѣверѣ, въ Новгородѣ и въ Петербургской губ. встрѣчаемъ треугольныя подвѣски съ погремушками, плетеныя изъ проволоки. Сюда-же относятся многочисленныя подвѣски муромскихъ и тверскихъ могильниковъ, мерянскихъ могилъ, Курмановскаго могильника; многія изъ такихъ подвѣсокъ происходятъ отъ прежнихъ фибулъ и пряжекъ, которыя мало-по-малу потеряли значеніе застежекъ и даже лишились иглы, а стали прикрѣпляться ушкомъ къ ожерелью, къ поясу или даже пришиваться на одежду. Таковы разнообразныя плетеныя изъ бронзовой проволоки бляхи съ цѣпочками изъ Мурома, Ярославской губ., изъ мерянскихъ могилъ; такія бляхи находятъ и въ Сибири. Еще многочисленнѣе продолговатыя ажурныя пластинки изъ юговосточной Россіи: въ Гнѣздовѣ найдены три на одномъ остовѣ, пара для плечъ, одна пошире для груди. Подвѣска изъ Моршанска украшена коньками; лучшіе образцы звѣриныхъ

типовъ находятся въ мерянскихъ могилахъ: конь представляется здѣсь иногда даже осѣдланнымъ, но чаще является странная орнаментальная форма одного туловища о двухъ конскихъ головахъ (см. рис. 103, 137, 210; сравн. вып. III, рис. 136). Сравнительно рѣже примѣняются здѣсь фигуры иныхъ звѣрей или птицы; изъ Борисовскаго уѣзда, Минской губ., есть подвѣска, близко напоминающая керченскаго золотаго барашка, употребленнаго для фигуры замочнаго звена въ ожерельи (вып. II, рис. 140). Подвѣски въ видѣ птичекъ ведутъ свое начало отъ древнихъ фибулъ: онѣ встрѣчаются въ Прибалтійскомъ краѣ, Ярославской и Петербургской губ. Лучшіе образцы серебряныхъ золоченыхъ фигурокъ птицъ происходятъ изъ могильника у Россавы, Каневскаго уѣзда, Кіевской губ.

Къ разряду подвѣсныхъ бляшекъ могутъ быть относимы такъ называемые *«змѣевики»*—металлическіе медальоны съ изображеніями священными и вмѣстѣ съ тѣмъ — головы со змѣями. На рис. 220 изображенъ великолѣпный золотой образчикъ такого медальона, найденный въ 1821 г. близъ Чернигова. На лицевой сторонѣ изображенъ архангелъ Михаилъ съ лабаромъ и сферою въ рукахъ; круговая надпись на греческомъ языкѣ, окруженная узорчатой каймою, гласитъ въ переводѣ: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля»; на оборотной сторонѣ изображена женская голова, окруженная сплетшимися змѣями; вокругъ двѣ концентрическія надписи: внутренняя, русская—«Г(оспод)и помози рабоу своіему Василію аминъ»; внѣшняя, греческая—заключаетъ въ себѣ мистическую заклинательную формулу противъ злой болѣзни. Медальонъ, снабженный узорчатымъ двойнымъ ушкомъ для ношенія, замѣчательно тонко отлитъ изъ отличнаго золота и затѣмъ тщательно пройденъ рѣзцомъ; работа его несомнѣнно русская и относится къ XI—XII вѣку. Что подобныя медали не только изготовлялись въ Россіи, но были и предметомъ ввоза изъ Византіи — доказывается другимъ золотымъ экземпляромъ съ иконою Богородицы, чисто-греческой работы и съ греческими надписями (рис. 221), найденнымъ въ 1877 году въ Бѣлгородкѣ Кіевской губ. Любопытно, что точная, но грубая, очевидно русская копія съ такого медальона, съ перепутанными греческими надписями, найдена въ 1887 году въ Смоленской губерніи (рис. 222). Оба медальона относятся къ тому-же времени, какъ и первый, или нѣсколько старше его. Змѣевики — продуктъ византійскаго суевѣрія,

221. Бѣлгородскій змѣевикъ.

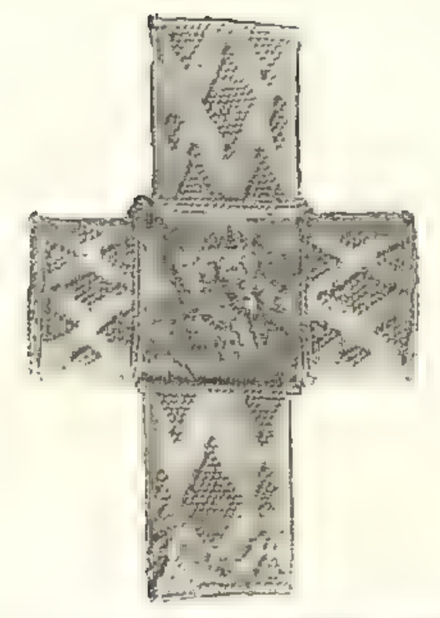
проникшаго въ Россію одновременно съ христіанскою вѣрою или вскорѣ послѣ ея введенія. Употреблялись они, даже до послѣдняго времени (что доказывается существованіемъ очень позднихъ экземпляровъ, XVIII и даже, можетъ быть, XIX столѣтій), въ качествѣ филактерій или амулетовъ противъ болѣзней. Это документально доказывается, между прочимъ, кромѣ заклинательной молитвы, начертанной на многихъ змѣевикахъ, однимъ позднимъ, но копирующимъ старый образецъ, мѣднымъ экземпляромъ, изображеннымъ на рис. 223. Здѣсь голова, окруженная змѣями, помѣщена на узорчатомъ щиткѣ и снабжена четырьмя русскими буквами, дающими слово ДЪНА, какъ нынѣ доказано, а не имя «Данъ», какъ полагали прежде. «Дъна» — это то «нутро» всякаго человѣка, которое, не только по южно-славянскимъ, но и по русскимъ повѣріямъ, является причиною всякихъ недомоганій и болѣзней и отъ спокойнаго состоянія котораго зависитъ здоровье. Такимъ образомъ, змѣевики являлись суевѣрнымъ средствомъ не только противъ женскихъ болѣзней, какъ полагали и старались доказать присутствіемъ женскихъ именъ на нѣкоторыхъ змѣевикахъ, но и противъ всякой немочи, безразлично у женщины или у мужчины, что объясняетъ присутствіе мужскихъ именъ на иныхъ экземплярахъ.

222. Смоленскій змѣевикъ.

223. Половинка бронзоваго створчатаго змѣевика.

224. Крестъ-тѣльникъ въ серебряной оправѣ, изъ Старой Рязани, находки 1888 года.

Предметный указатель.

225. Подвѣска изъ Мерянскихъ могилъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И ПОГРѢШНОСТИ.

На стр. 3,	строчкѣ 1 св.	напечатано	— первональному;	слѣдуетъ	— первоначальному.
» 6,	» 4 сн.	»	— Каменецъ-Подольской;	»	— Подольской.
» 11,	» 12 »	»	— тюрскихъ;	»	— тюркскихъ.
» 69,	» 3 »	»	— волота и серебра;	»	— золота или серебра.
» 70,	» 4 св.	»	— на спаяхъ;	»	— на спняхъ.
» 82,	» 11 »	»	— украшенною;	»	— украшенная.
» 149,	» 7 сн.	»	— плетеннымъ	»	— плетенымъ.

2007042927